

Валерий Брюсов

Полное собрание стихотворений

Список школьной литературы 10-11 класс

Валерий Брюсов

Полное собрание стихотворений

«Public Domain»

Брюсов В. Я.

Полное собрание стихотворений / В. Я. Брюсов — «Public Domain», — (Список школьной литературы 10-11 класс)

«... Когда сейчас, с расстояния времени, смотришь на сделанное Валерием Брюсовым в литературе, во-первых, поражает быстрота, с какою совершенствовалась его душа, а значит, и творчество; во-вторых, вызывает почтительную робость объем написанного им, многообразие его интересов: от десятков книг стихов и переводов с разных языков до нескольких книг прозы и теоретических статей, романа „Огненный ангел“, мелких рецензий в нескольких редактируемых им на протяжении жизни журналах; в-третьих, удивляет этот, подмеченный В. Ходасевичем, сплав жизни и литературы, когда самые изощренные психологические переживания поэта оказываются лишь отражением реально существовавших взаимоотношений мужчины с женщиной или, наоборот, на эти взаимоотношения переносятся как самые светлые, так и самые темные озарения поэта, что приводит к результатам трагическим, вплоть до самоубийства – хоть в перетекании литературы в жизнь и жизни в литературу есть глубочайшая правда... »(Латышев М. Из статьи «Пути и перепутья Валерия Брюсова»)

Содержание

JUVENILIA	16
Пролог	16
Сонет к форме	16
Осеннее чувство	16
Самоуверенность	17
Уныние	17
Творчество	18
* * *	18
«Она в густой траве запряталась ничком...»	19
Ученый	19
Отверженный герой	19
* * *	20
Первые мечты	21
* * *	21
* * *	21
* * *	22
* * *	22
Заветный сон	23
Из письма	23
Вечером перед церковью	23
Новые грезы	25
* * *	25
* * *	25
* * *	26
* * *	26
* * *	26
* * *	27
* * *	27
Мечты о померкшем	27
Змеи	28
В саду	28
Лирические поэмы	29
Встреча после разлуки	29
Осенний день	30
1	30
2	30
3	31
4	31
5	31
6	32
7	32
8	33
9	33
CHEFS D'ŒUVRE	34
Стихи о любви	34
Полдень Явы	34

Предчувствие	34
Перед темной завесой	34
Измена	35
Тени	36
Все кончено...	36
К моей Миньоне	37
Глупое сердце	38
* * *	38
Поцелуи	38
Во мгле	39
Утренняя звезда	39
Воспоминания о малюточке Коре	40
* * *	40
* * *	40
Криптомерии	42
В ночной полумгле	42
Опять сон	42
Ожидание	43
На журчащей Годавери	43
На острове Пасхи	44
Прокаженный	45
С кометы	46
Холм покинутых святынь	47
Моя мечта	47
Львица среди развалин	47
Жрец	47
К монахине	48
В старом Париже	49
Анатолий	49
В прошлом	50
В будущем	50
Беглец	50
В магическом саду	51
Будни	53
Туманные ночи	53
Подруги	53
Первый снег	54
Одна	54
Одна	55
В вертепе	56
Летучая мышь	56
Ночью	57
В камышах	57
Сумасшедший	58
Пурпур бледнеющих губ	58
Часы дней	60
Сонет к мечте	60
Мечта	60
После грез	61

* * *	61
Méditations[5]	62
* * *	62
* * *	62
* * *	63
* * *	63
* * *	64
Лирические поэмы	65
Снега	65
Три свидания	66
1	66
2	67
3	68
Белые клавиши	68
ME EUM ESSE	70
Новые Заветы	70
* * *	70
Юному поэту	70
* * *	71
* * *	71
Мучительный дар	71
* * *	72
Il basio[6]	72
По поводу CHEFS D'ŒUVRE	73
* * *	74
Видения	75
Весна	75
На бульваре	75
Мгновение	75
* * *	76
В трауре	76
Позор	76
Ветви	77
Мгновения	78
* * *	78
Туман	78
Продажная	78
Рассвет	79
* * *	79
* * *	79
* * *	80
* * *	80
Скитания	81
* * *	81
* * *	81
* * *	81
* * *	82
Вечер	82
* * *	82

* * *	83
Софии С., подарившей мне лепесток розы	83
* * *	83
* * *	84
Ненужная любовь	85
* * *	85
* * *	85
* * *	85
* * *	86
* * *	86
* * *	86
* * *	87
* * *	88
Ангел бледный	88
* * *	89
* * *	89
Веянье смерти	91
* * *	91
* * *	91
Последние слова	92
Посв.***	92
Записка самоубийцы	93
* * *	93
* * *	93
* * *	94
* * *	94
В пути	96
* * *	96
* * *	96
* * *	97
* * *	97
* * *	98
* * *	98
* * *	99
* * *	99
Завершение	101
Годы молчания	101
* * *	101
* * *	101
Обязательства	102
Отречение	102
Числа	103
Строгое звено	103
* * *	104
Лирические поэмы	105
Идеал	105
1	105
2	105
3	105

4	105
5	106
6	106
7	106
8	106
Сон пророческий	106
TERTIA VIGTLIA	109
Возвращение	109
Возвращение	109
Я	110
* * *	110
Любимцы веков	112
Ассаргадон	112
Халдейский пастух	112
Рамсес	113
Жрец Изиды	113
Психея	115
Цирцея	115
Кассандра	115
Моисей	116
Александр Великий	116
Ламия	117
Амалтея	118
Скифы	119
Клеопатра	120
Старый викинг	120
Данте	121
Данте в Венеции	122
Флоренция Декамерона	123
Астролог	123
Баязет	124
Дон Жуан	124
Мария Стюарт	125
Разоренный Киев	125
О последнем рязанском князе Иване Ивановиче	126
Наполеон	127
У моря	128
* * *	128
* * *	128
* * *	128
* * *	129
* * *	129
* * *	129
* * *	130
* * *	130
* * *	130
* * *	131
* * *	131
* * *	131

* * *	132
* * *	132
* * *	132
* * *	133
* * *	133
* * *	134
* * *	134
Закат	134
Еще закат	135
В стенах	136
* * *	136
* * *	136
* * *	136
* * *	137
* * *	137
* * *	138
* * *	138
* * *	138
* * *	139
* * *	139
На даче	139
* * *	140
* * *	140
* * *	140
* * *	141
* * *	141
* * *	142
* * *	142
* * *	142
Еще сказка	143
Женщине	143
Любовь	143
* * *	143
* * *	144
* * *	144
* * *	145
* * *	146
* * *	146
* * *	147
* * *	147
* * *	147
* * *	148
* * *	148
* * *	149
* * *	149
* * *	149
«О да! Я – темный мотылек...»	150
* * *	150
* * *	151

* * *	151
Милая правда	153
Первая звездочка	153
В день святой Агаты	153
Я люблю ...	154
Близкой	154
Фея фонтанов	154
* * *	155
Колыбельная песня	155
* * *	156
Близким	157
К портрету Лейбница	157
К портрету М. Ю. Лермонтова	157
На смерть И. Лялечкина	158
К портрету К. Д. Бальмонта	158
К. Д. Бальмонту	159
Юргису Балтрушайтису	159
«Призраки», картина М. Дурнова	160
Г. Г. Бахману	160
Случайной	161
Памяти Е. И. П.	161
Ей же	162
По поводу сборников «Русские символисты»	162
По поводу «ME EUM ESSE»	162
К самому себе	163
Книжка для детей	164
Зеленый червячок	164
Красная Шапочка	164
Дозор	165
Рождество Христово	166
Пасха, праздникам праздник	167
В старинном храме	167
Слепой	168
Мыши	168
Демоны пыли	169
Коляда	170
Девочка	171
Утро	171
Пред грозой	172
Из дневника	173
Глаза	173
К Большой Медведице	173
Величание	174
Тени прошлого	174
Вила	175
Звезда морей	175
К металлам	176
За пределами сказок	176
Случайности	177

Дачи осенью	177
Песня	178
Папоротник	178
Жизнь	179
Прозрения	181
В неконченном здании	181
В дни запустения	182
Брань народов	182
Братьям соблазненным	183
Каждый миг	184
Устои	185
Проблеск	185
Отрады	186
Мы	188
Мы	188
Я знаю ...	188
Люцифер	188
Залог	189
Сорока	189
Жернова	190
Духи земли	190
Золото	191
* * *	192
Еще «мы»	192
* * *	193
* * *	193
* * *	194
Лирические поэмы	195
Краски	195
Сказание о разбойнике	196
Аганат	198
Астарта Сидонская	198
I	199
II	199
III	200
IV	201
V	202
Царю Северного полюса	203
Вступления	203
I	203
II	204
III	205
IV	206
V	207
VI	208
VII	209
VIII	212
IX	212
Предание о Луне	213

Замкнутые	215
I	215
II	216
III	218
IV	219
V	221
URBI ET ORBI	223
Вступления	223
* * *	223
Лестница	223
Последнее желанье	224
У себя	225
Побег	225
Работа	226
Мечтание	227
Искатель	228
Нить Ариадны	228
Блудный сын	229
У земли	230
В ответ	231
Песни	233
Фабричная	233
Фабричная	233
Детская	234
Сборщиков	235
Девичья	235
Веселая	236
Баллады	238
Раб	238
Пеплум	239
Помпеянка	240
Путник	241
Решетка	242
У моря	243
Думы	245
L'ennui de vivre...[10]	245
HABET ILLA IN ALVO[11]	246
Искушение	248
Италия	251
Париж	253
Мир	255
IN HAC LACKIMARUM VALLE[12]	257
Элегии	260
Женщинам	260
Свидание	261
В Дамаск	262
Гиацинт	262
Подражание Гейне	263
Прощальный взгляд	264

К близкой	265
Пытка	265
Эпизод	266
1	266
2	267
3	267
Таинства ночей	268
Одиночество	268
Сонеты и терцины	270
Отвержение	270
Втируша	270
Сонет	271
Хмель исступленья	271
Лесная дева	272
Mon r�te familial[13]	273
Sancta Agatha[14]	274
Терцины к спискам книг	276
Картины	277
Люблю одно	277
Раньше утра	277
Каменщик	278
Мальчик	278
Царица	279
Прохожей	279
Голос часов	280
На скачках	280
Чудовища	281
Зимние дымы	282
Оклики демонов	282
Ночь	283
Зимняя красота	284
Прелести земли	285
Антология	286
Яростные птицы	286
Сладострастие	286
В раю	287
Сон	287
Лед и уголь	288
Знойный день	288
Облака	289
На песке	289
Колыбельная песня	290
Терем	291
Витязь	292
1	292
2	292
3	292
Камни	292
Презрение	293

К устью!	294
Оды и послания	295
К. Д. Бальмонту	295
Ему же	296
Лев Святого Марка	297
Венеция	298
Памяти И. Коневского	298
Андрею Белому	299
Младшим	300
Юргису Балтрушайтису	300
З. Н. Гиппиус	301
В. И. Прибыткову	301
Июль 1908	302
Лирические поэмы	303
Город женщин	303
Последний день	305
Во храме Бэла	307
1	307
2	308
3	309
4	310
5	311
STEPHANOS	312
Посвящение	312
Вячеславу Иванову	312
Вечерные песни	314
Приветствие	314
* * *	314
«Помню вечер, помню лето...»	315
Туман	315
Голос прошлого	316
Охотник	317
Целение	317
Тишина	318
Первые встречи	318
Вечер после дождя	319
На Сайме	321
* * *	321
* * *	321
* * *	322
* * *	322
* * *	323
* * *	323
* * *	323
* * *	324
Правда вечная кумиров	325
К Деметре	325
Адам и Ева	326
Орфей и Эвридика	327

Медя	328
Бальдеру Локи	330
Тезей Ариадне	331
Ахиллес у алтаря	332
Клеопатра	333
Антоний	333
Патмос	334
Орфей и аргонавты	335
Из ада изведенные	337
В полдень	337
Портрет	338
Жрице Луны I	338
Жрице Луны II	339
Кубок	340
Молния	340
В застенке	341
Видение крыльев	342
В трюме	342
Последний пир	343
В склепе	344
Два голоса	344
Из ада изведенные	346
Маргерит	346
Мгновения	348
* * *	348
* * *	348
* * *	349
* * *	349
Из песен Мальдуна	350
Прощание	350
Повседневность	352
Встреча	352
На улице	352
Конец ознакомительного фрагмента.	354

Валерий Брюсов

Полное собрание стихотворений

JUVENILIA
1892 – 1894

Памяти Елены К

Пролог

*Parler n'a trait à la réalité des choses que commercialement.
St. Mallarmé¹*

Сонет к форме

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.
Пусть мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты!

6 июня 1895

Осеннее чувство

Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны;

¹ Обыденная речь имеет лишь практическое отношение к сущности вещей. Ст. Малларме (фр.)

Светлых вымыслов развязки
В черный креп облечены,
И на празднествах все пляски
Ликом смерти смущены.

Под лучами юной грезы
Не цветут созвучий розы
На куртинах Красоты,

И сквозь окна снов бессвязных
Не встречают звезд алмазных
Утомленные мечты.

19 февраля 1893

Самоуверенность

Золотистые феи
В атласном саду!
Когда я найду
Ледяные аллеи?

Влюбленных наяд
Серебристые всплески!
Где ревнивые доски
Вам путь преградят?

Непонятные вазы
Огнем озаря,
Застыла заря
Над полетом фантазий.

За мраком завес
Погребальные урны,
И не ждет свод лазурный
Обманчивых звезд.

10 февраля 1893

Уныние

Сердце, полное унынием,
Обольсти лучом любви,
Все пределы и все линии
Беспощадно оборви!

Пусть во мраке неуверенном

Плачут призраки вокруг,
Пусть иду, в пути затерянный,
Через темный, страшный луг.

И тогда, обманам преданный,
Счастлив грезой своей,
Буду петь мой гимн неведомый,
Скалы движа, как Орфеи!

24 октября 1893

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски².
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блестки,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

* * *

О, закрой свои бледные ноги.

3 декабря 1894

² Беседки (фр. kiosk).

«Она в густой траве запряталась ничком...»

Умер великий Пан

Она в густой траве запряталась ничком,
Еще полна любви, уже полна стыдом.
Ей слышен трубный звук: то император пленный
Выносит варварам регалии Равенны;
Ей слышен чей-то стон, – как будто плачет лес,
То голоса ли нимф, то голос ли небес;
Но внемлют вместе с ней безмолвные поляны:
Богиня умерла, нет более Дианы!

3 октября 1894

Ученый

Посвящ. В. М. Ф.

Вот он стоит, в блестящем ореоле,
В заученной, иконописной позе.
Его рука протянута к мимозе,
У ног его цитаты древних схолий.

Уйдем в мечту! Наш мир – фата-моргана,
Но правда есть и в призрачном оазе:
То – мир земли на высоте фантазий,
То – брат Ормузд, обнявший Аримана!

Апрель 1895

Отверженный герой

Памяти Дениса Папина

В серебряной пыли полуночная влага
Пленяет отдыхом усталые мечты,
И в зыбкой тишине речного саркофага
Отверженный герой не слышит клеветы.

Не проклинай людей! Настанет трепет, стоны
Вновь будут искренни, молитвы горячи,
Смутится яркий день, – и солнечной короны
Заблещут в полутьме священные лучи!

20 мая 1894

* * *

Господи! Господи!
Блуждаю один, как челнок,
Безумцем в туман направляемый,
Один, без любви, сожигаемый
Мучительным пламенем грез!

О, страшно стоять одному
На кручи заоблачной,
Стоять одному в беспредельности!
Туманы проходят у ног,
Орлы ко мне редко возносятся,
Как плесень, у грани снегов умирающий мох.

Есть блаженство – не знать и забыть!
Есть блаженство – в толпе затеряться!
Есть блаженство – скалой неоформленной быть
И мхом, этим мхом умирающим!

О, зачем я не сумрачный мох!
О, зачем я не камень дорожный!
Если бы был я пурпуровым маком!
Как на стебле я сладко качался б!
С бабочкой, севшей на венчик, качался,
Светом зари наслаждался,
Солнцем, и тенью, и мраком!

О, если бы был я пурпуровым маком!
О, если бы был я камнем дорожным!

1 декабря 1894

Первые мечты

Es ist eine alte Geschichte.
*H. Heine*³

* * *

Мы встретились с нею случайно,
И робко мечтал я об ней,
Но долго заветная тайна
Таилась в печали моей.

Но раз в золотое мгновение
Я высказал тайну свою;
Я видел румянец смущенья,
Услышал в ответ я «люблю».

И вспыхнули трепетно взоры,
И губы слилися в одно.
Вот старая сказка, которой
Быть юной всегда суждено.

27 апреля 1893

* * *

Это было? Неужели?
Нет! и быть то не могло.
Звезды рдели на постели,
Было в сумраке светло.

Обвивались нежно руки,
Губы падали к губам...
Этот ужас, эти муки
Я за счастье не отдам!

Странно-нежной и покорной
Приникала ты ко мне, —
И фонарь, сквозь сумрак черный,
Был так явственен в окне.

Не фонарь, — любовь светила,
Звезды сыпала светло...

³ Это старая история. Г. Гейне (нем.).

Неужели это было?
Нет! и быть то не могло!

* * *

Полутемное окошко
Освети на миг свечой
И потом его немножко
Перед лестницей открой.

Я войду к тебе, волнуем
Прежним трепетом любви;
Ты меня встречу поцелуем,
Снова милым назови.

Страстной ласке мы сначала
Отдадимся горячо,
А потом ко мне устало
Ты поникнешь на плечо.

И в чарующей истоме,
Под покровом темноты,
Все для нас потонет – кроме
Упоительной мечты.

4 мая 1893

* * *

Мечты, как лентами, словами
Во вздохе слез оплетены.
Мелькают призраки над нами
И недосказанные сны.

О чем нам грезилось тревожно,
О чем молчали мы вдвоем,
Воскресло тенью невозможной
На фоне бледно-золотом.

И мы дрожим, и мы не знаем...
Мы ищем звуков и границ
И тусклым лепетом встречаем
Мерцанье вспыхнувших зарниц.

20 декабря 1895

Заветный сон

Заветный сон вступает на ступени;
Мгновенья дверь приотворяет он...
Вот на стене смешались обе тени,
И в зеркале (стыдливость наслаждений!)
Ряд отражений затемнен.

О, не жалею, что яркость побледнела!
Когда-нибудь, в печальной смене лет,
Вернется все, – и не погаснет свет,
И в зеркале, заученно и смело,
Приникнет к телу тело.

8 ноября 1893

Из письма

Милый, прости, что хочу повторять
Прежних влюбленных обеты.
Речи знакомые – новы опять,
Если любовью согреты.

Милый, я знаю: ты любишь меня,
И об одном все моленья, —
Жить, умереть, это счастье храня,
Светлой любви уверенья.

Милый, но если и новой любви
Ты посвятишь свои грезы,
В воспоминаниях счастьем живи,
Мне же оставь наши слезы.

Пусть для тебя эта юная даль
Будет прекрасной, как ныне.
Мне же, мой милый, тогда и печаль
Станет заветной святыней.

18 мая 1894

Вечером перед церковью

Черной полоскою крест
Тонет в темнеющем фоне;
На голубом небосклоне

Сонм зажигается звезд.

Символ любви человека
Что, с обаяньем своим!
Перед глаголом святым,
Данным вселенной от века!

Так не потерей зови,
Что опочило в покое!
То уступает земное
Звездам небесной любви.

19 июня 1893

Новые грезы

*Так деревцо свои листы
Меняет каждою весною.*
А. Пушкин

* * *

Мрачной повиликой
Поросли кресты,
А внизу цветы
С красной земляникой.

В памяти вдали
Рой былых желаний;
Повиликой ранней
Думы поросли.

А мечты все те же
В блеске молодом
Манят под крестом
Земляникой свежей.

22 октября 1893

* * *

Беспощадною орбитой
Увлечен от прежних грез,
Я за бездною открытой
Вижу солнечный хаос.

Там творений колебанье,
Вдохновенная вражда;
Здесь холодное молчанье,
Незнакомая звезда.

И, горящею кометой
На безжизненном пути,
Я шепчу слова привета,
Как последнее прости.

2 июля 1893

* * *

В тиши задремавшего парка
«Люблю» мне шепнула она.
Луна серебрилась так ярко,
Так зыбко дрожала волна.

Но миг этот не был желанным,
Мечты мои реяли прочь,
И все мне казалось обманным,
Банальным, как лунная ночь.

Сливая уста в поцелуе,
Я помнил далекие сны,
Другие сверкавшие струи,
Иное мерцанье луны.

6 августа 1893

* * *

Звездное небо бесстрастное,
Мир в голубой тишине;
Тайна во взоре неясная,
Тайна, невнятная мне.

Чудится что-то опасное,
Трепет растет в глубине;
Небо безмолвно, прекрасное,
Мир неподвижен во сне.

11 мая 1893

* * *

Звезды тихонько шептались,
Звезды смотрели на нас.
Милая, верь мне, – в тот час
Звезды над нами смеялись.

Спрашивал я: «Не мечта ли?»
Ты отвечала мне: «Да!»
Верь, дорогая, тогда
Оба с тобою мы лгали.

16 сентября 1893

* * *

Звезды закрыли ресницы,
Ночь завернулась в туман;
Тянутся грез вереницы,
В сердце любовь и обман.

Кто-то во мраке тоскует,
Чьи-то рыдания звучат;
Память былое рисует,
В сердце – насмешка и яд.

Тени забытой упреки...
Ласки недавней обман...
Звезды немые далеки,
Ночь завернулась в туман.

2 апреля 1893

* * *

Слезами блестящие глазки,
И губки, что жалобно сжаты,
А щечки пылают от ласки,
И кудри запутанно-смяты.

В объятьях – бессильно покорна,
Устало потуплены взоры,
А слез бриллианты упорно
Лепечут немые укоры.

1 ноября 1893

Мечты о померкшем

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы теперь? Неужели
С венком флердоранжа, с венчальным венком,
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мраке ночном,
Гирляндой цветов иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы душой овладели,
К чему вы трепещете в сердце моем
На брачной веселой постели?

13 марта 1894

Змеи

Приникни головкой твоей
Ко мне на холодную грудь
И дай по плечам отдохнуть
Извилистым змеям кудрей.

Я буду тебя целовать,
Шептать бред взволнованных грез,
Скользящие пряди волос
Сплетать и опять расплетать...

И я позабуду на миг
Сомнений безжалостный гнет,
Пока из кудрей не мелькнет
Змеи раздвоенный язык.

30 августа 1893

В саду

Не дремлют тени,
Не молкнет сад;
Слова сомнений —
Созвездий взгляд!
Пусть ропщут струи,
Пусть плачет пруд, —
Так поцелуй,
Прильнув, солгут!
Пусть, глянув, канет
В аллее свет, —
Мелькнув, обманет
Любви обет!
И пусть в истоме
Трепещешь ты, —
Все бледно, кроме
Одной мечты!

11 мая 1894

Лирические поэмы

Встреча после разлуки

Забытая, бывшая обстановка:
Заснувший парк, луны застывший свет,
И у плеча смущенная головка.

Когда-то ей шептал я (в волнах лет)
Признания, звучавшие, как слезы,
В тиши ловя ласкающий ответ.

Но так давно, – по воле скучной прозы,
Мы разошлись, и только в мире тьмы
Ее лицо мне рисовали грезы.

Зачем же здесь, как прежде, рядом мы,
В объятиях, сплетая жадно руки,
Под тенями сосновой бахромы!

Зачем года проносятся, как звуки,
Зачем в мечтах туманятся года,
И вот уж нет, и не было разлуки!

По синеве катилась звезда,
Когда она шепнула на прощанье:
«Твоя! твоя! опять и навсегда!»

Я шел один; дремали изваянья
Немых домов и призраки церквей;
И думал я, как лживо ожиданье.

О бард любви, далекий соловей,
О лунный свет, всегда необычайный,
О бахроме нависнувших ветвей!

Вы создали пленительные тайны,
Вы подсказали пламенную ложь,
Мой страстный бред, красивый, но случайный:

Ищу в себе томительную дрожь,
Роптание живительных предчувствий...
Нет! прочь слова! себе ты не солжешь!

Сокровища, заложенные в чувстве,
Я берегу для творческих минут,

Их отдаю лишь в строфах, лишь в искусстве.

А в жизни я – как выпитый сосуд;
Томлюсь, дрожа, весь холоден, ликуя,
Огни страстей лишь вспыхнут, как умрут.

Дитя, прости обманы поцелуя:
Я лгу моля, твердя «люблю», я лгу.
Нет, никого на свете не люблю я,

И никого любить я не могу!

16 августа 1895

Осенний день

1

Ты помнишь ли больной осенний день,
Случайное свободное свиданье,
Расцвет любви в период увяданья,
Лучи, когда вокруг ложится тень?

Нас мучила столицы суматоха,
Хотелось прочь от улиц и домов, —
Куда-нибудь в безмолвие лесов,
К молчанию невнемлющего моха.

Нет, ни любовь, ни осень не могли
Затмить в сердцах созвучное стремленье!
Нет, никогда не разорвутся звенья
Между душой и прелестью земли!

2

Ты помнить ли мучения вокзала,
Весь этот мир и прозы и минут,
И наконец приветливый приют,
Неясных грез манящее начало?

Ты помнишь ли, – я бросился у ног,
Я голову склонил в твои колени,
Я видел сон мерцающих видений,
Я оскорбить молчание не мог.

Боялись мы отдаться поцелуям,

Мы словно шли по облачной тропе,
И этот час в застенчивом купе
Для полноты был в жизни неминуем.

3

Не знаю я – случайно или нет
Был избран путь, моей душе знакомый.
Какою вдруг мучительной истомой
Повеял мне бывшего первый след.

Выходим мы: знакомое мне поле,
И озеро, и пожелтевший сад,
И дач пустых осиротелый ряд,
И все кругом... О Лея! Лея! Лея!

Да, это здесь росла моя любовь,
Меж тополей, под кудрями березы,
У этих мест уже бродили грезы...
Я снова здесь, и здесь люблю я вновь.

4

Вошли мы в лес, ища уединенья.
Сухой листвы раскинулся ковер, —
И я поймал твой мимолетный взор:
Он был в тот миг улыбкой восхищенья.

Рука с рукой в лесу бродили мы,
Встречая грязь, переходя канавы,
Ломали сучья, мяли сушь и травы,
Смеялись мы над призраком зимы.

И, подойдя к исписанной скамейке,
Мы сели там и любовались всем, —
Как хорошо, тепло, как воздух нем,
Как в вышине спят облачные змейки!

5

В безмолвии слова так хороши,
Так дороги в уединеньи ласки,
И так блестят возлюбленные глазки
Осенним днем в осмеянной глуши.

Кругом болезнь, упрямые вороны,
Столбы берез, осины багрянец,
За дымкою мучительный конец,
В молчании томительные стоны.

Одним лишь нам – душистая весна,
Одним лишь нам – душистые фиалки!
И плачет лес, завистливый и жалкий,
И внемлет нам сквозь слезы тишина.

6

Мы перешли на старое кладбище,
Где ждали нас холодные кресты.
Почиют здесь безумные мечты,
И здесь душа прозрачнее и чище.

Склонились мы над маленьким крестом,
Где скрыто все, мне вечно дорогое,
И где она оставлена в покое
Приветствием и дерзостным судом.

И долго я над юною могилой,
Обнявши крест, томился недвижим;
И ты, мой друг, ты плакала над ним,
Над образом моей забытой милой.

7

Еще сильнее я полюбил тебя
За этот миг, за слезы, эти слезы!
Забыла ты ревнивые угрозы,
Соперницу ласкала ты, любя!

Я чувствовал, что с сердцем отогретым
Мы кладбище оставили вдвоем.
Горел закат оранжевым огнем,
Восток синел лилово-странным светом.

Мы снова шли, и шли, как прежде, мы
К великому, безбрежному сближенью,
Чужды опять лесов опустошенью,
Опять чужды дыханию зимы.

8

На станции мы поезд ожидали
И выбрали заветную скамью,
Где Леле я проговорил «люблю»,
Где мне «люблю» слышалось из дали.

Луна плыла за дымкой облаков,
Горели звезд алмазные каменья,
В немом пруду дробились отраженья,
А на душе лучи сверкали снов.

То был ли бред, опять воспоминанья,
Прошедшее, воскресшее во мне!
Слова любви шептал ли я во сне,
Иль наяву я повторял признанья?

9

И две мечты – невеста и жена —
В объятиях предстали мне так живо.
Одна была, как осень, молчалива,
Восторженна другая, как весна.
Я полон был любовью к обеим,
К тебе, и к ней, и вновь и вновь к тебе,
Я сладостно вручал себя судьбе,
Таинственной надеждою лелею...

Ты помнишь ли наш путь назад сквозь тень,
Недавних грез с разлукою слиянье,
Случайное свободное прощанье,
Промчавшийся, но возвратимый день?

25 сентября 1894

CHEFS D'ŒUVRE 1894 – 1896

А. Л. Мировольскому, другу давних лет

Стихи о любви

Amorem canat aetas prima⁴

А. Пушкин

Полдень Явы

Посв. М.

Предчувствие

Моя любовь – палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, —
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. – И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.

25 ноября 1894

Перед темной завесой

Слова теряют смысл первоначальный,
Дыханье тайны явно для души,
В померкшем зеркале твои глаза печальны,

⁴ Пусть юный возраст поет о любви (лат.).

Твой голос – как струна в сочувственной тиши.

О погоди! – последнего признанья
Нет силы вынести, нет силы взять.
Под сенью пальмы – мы два бледных изваянья,
И нежит мне чело волос приникших прядь.

Пусть миги пролетят беззвучно, смутно,
Пред темной завесой безвестных дней.
Мы – двое изгнанных в пустыне бесприютной,
Мы – в бездне вечности чета слепых теней...

Молчание смутим мы поцелуем,
Святыню робости нарушит страсть.
И вновь, отчаяньем и счастьем волнуем,
Под вскрик любви, в огонь рук я должен буду пасть!

28 ноября 1897, 1911

Измена

Сегодня! сегодня! как странно! как странно!
Приникнув к окошку, смотрю я во мглу.
Тяжелые капли текут по стеклу,
Мерцания в лужах, дождливо, туманно.

Сегодня! сегодня! одни и вдвоем!
Притворно стыдливо прикроются глазки,
И я расстегну голубые подвязки,
И мы, не смущенные, руки сплетем!

Мы счастливы будем, мы будем безумны!
Свободные, сильные, юные, – мы!..
Деревья бульвара кивают из тьмы,
Пролетки по камням грохочут бесшумно.

О, милый мой мир: вот Бодлер, вот Верлен,
Вот Тютчев, – любимые, верные книги!
Меняю я вас на блаженные миги...
О, вы мне простите коварство измен!

Прощайте! прощайте! Сквозь дождь, сквозь ненастье,
Пойду, побегу, как безумец, как вор,
И в лужах мелькнет мой потупленный взор:
«Угрюмый и тусклый» огонь сладострастья!

14 сентября 1895

Тени

Сладострастные тени на темной постели окружили,
легли, притаились, манят,
Наклоняются груди, сгибаются спины, веет жгучий,
тягучий, глухой аромат.
И, без силы подняться, без воли прижаться и вдавить
свои пальцы в округлости плеч,
Точно труп, наблюдаю бесстыдные тени в раздражающем
блеске курящихся свеч;
Наблюдаю в мерцаньи колен изваянья, беломраморность
бедер, оттенки волос...
А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает тела
в разноцветный хаос.

О, далекое утро на вспененном взморье, странно-алые
краски стыдливой зари!
О, весенние звуки в серебряном сердце и твой
сказочно-ласковый образ, Мари!
Это утро за ночью, за мигом признанья, перламутрово-
чистое утро любви,
Это утро, и воздух, и солнце, и чайки, и везде – точно
отблеск – улыбки твои!
Озаренный, смущенный, ребенок влюбленный,
я бессильно плыву в безграничности грез...
А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает мечты
в разноцветный хаос.

19 сентября 1895

Все кончено...

Все кончено, меж нами связи нет...

А. Пушкин

Эта светлая ночь, эта тихая ночь,
Эти улицы, узкие, длинные!
Я спешу, я бегу, убегаю я прочь,
Прохожу тротуары пустынные.
Я не в силах восторга мечты превозмочь,
Повторяю напевы старинные,
И спешу, и бегу, – а прозрачная ночь
Стелет тени, манящие, длинные.

Мы с тобой разошлись навсегда, навсегда!
Что за мысль несказанная, странная!
Без тебя и наступят и минут года,

Вереница, неясно туманная.
Не сойдемся мы вновь никогда, никогда,
О, любимая, вечно желанная!
Мы расстались с тобой навсегда, навсегда...
Навсегда? Что за мысль несказанная!

Сколько сладости есть в тайной муке мечты.
Этой мукой я сердце баюкаю,
В этой муке нашел я родник красоты,
Упиваюсь изысканной мукою.
«Никогда мы не будем вдвоем, – я и ты...»
И на грани пред вечной разлукою
Я восторгов ищу в тайной муке мечты,
Я восторгами сердце баюкаю.

14 ноября 1895

К моей Миньоне

Посв. моей Миньоне

Знаешь, Миньона, один только раз
Были с тобою мы близки:
Час лишь один был действительный час,
Прочие – бледные списки!

Свет озарил нас и быстро погас,
Сжались извивы объятий,
Стрелка часов обозначила: «час»
На роковом циферблате!

В этот лишь миг, лишь единственный раз,
Видел тебя я моею!
Как объяснить, что покинуло нас?
Нет, не могу, не умею!

Ярок, как прежде, огонь твоих глаз,
Ласки исполнены яда.
Свет озарил нас и быстро погас...
Сердце! чего ж тебе надо?

Нет, не всеислен любовный экстаз,
Нет, мы с тобою не близки!
Час лишь один был действительный час,
Прочие – бледные списки!

11 августа 1895

Глупое сердце

Посв. Э.

* * *

Глупое сердце, о чем же печалиться!
Встретясь, шутили, шутя целовались,
Гордой победой она не похвалится,
В памяти счастья минуты остались...
Глупое сердце, о чем же печалиться?

Тянется поле безмолвное, снежное,
Дремлют березки в безжизненном инее,
Небо нависло – уныло-безбрежное,
Странно-неясное, серое, синее,
Замерло, умерло, будто бы снежное...

Глупое сердце! о чем же печалиться!

15 ноября 1895

Поцелуи

Здесь, в гостиной полутемной,
Под навесом кисеи
Так заманчивы и скромны
Поцелуи без любви.

Это – камень в пенном море,
Голый камень на волнах,
Над которым светят зори
В лучезарных небесах.

Это – спящая принцесса,
С ожиданием на лице,
Посреди глухого леса
В очарованном дворце.

Это – маленькая фея,
Что на утренней заре,
В свете солнечном бледнея,
Тонет в топком янтаре.

Здесь, в гостиной полутемной,
Белы складки кисеи,

И так чисты, и так скромны
Поцелуй бел любви.

30 октября 1895

Во мгле

Страстно, в безумном порыве ко мне ты прижалась
Страстно...
Черная мгла колыхалась
Безучастно.

Что-то хотелось сказать мне родное, святое...
Тщетно!
Сердце молчало в покое
Безответно.

Мягкие груди сильнее и сильнее прижимались,
Жадно, —
Тени во мраке смеялись
Беспощадно.

6 ноября 1895

Утренняя звезда

Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!
Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!

На черно-безжизненный сад,
Из вышины,
Последние звезды глядят
И серп луны.

Еще не рассеялась мгла,
И солнца нет,
Но чара ночей отошла,
И брезжит свет.

В томлении ждем мы, когда
Лучи свои
Торжественно бросит звезда,
Звезда Любви.

Но все неизменно вокруг,
Дитя мое!

О, плачь же со мною, мой друг,
Дитя мое!

29 октября 1895

Воспоминания о малюточке Коре

* * *

Умереть, умереть, умереть!
На таинственном фоне картины
Вырезается ярко мечеть,
Издалека кричат муэдзины,
Грохот города слышен вдали...
О заветные звуки земли!

Озарен, весь в звездах небосвод,
Кипарисные купы поникли.
Красный Марс между веток плывет
На последнем своем эпицикле.
Холодеет скамья, словно гроб.
Знаю, знаю свой злой гороскоп!

Ты ко мне прибежишь, проскользнешь,
Вся дрожа, с беглой молнией взора.
И опять всю жестокую ложь
Прошепчу тебе, бедная Кора!
Мы сомкнем упоенно уста...
Но мне все предрасскажет мечта!

Темный сад напоен, опьянен
Знойным запахом роз и жасмина.
Жизнь прекрасна, как сказка, как сон,
Как певучий призыв муэдзина.
Но как страшно вперед посмотреть!
Умереть, умереть, умереть!

29 ноября 1895

* * *

Черные тени узорной решетки
Ясно ложатся по белому снегу.
Тихие звезды – задумчиво-кротки,
Месяц пророчит истому и негу.
Черные окна немого собора
Смотрят угрюмо на белое поле.

Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь беспробудно в холодной неволе!

Вижу я ночь твоей родины дальней,
Яркое небо, в пылающих звездах!
(Ах, там созвездия блещут кристальней,
Ах, там живей и томительней воздух!)
Смуглая девочка знойного Юга,
Что ты искала на Севере слепо?
Счастья, в объятиях нового друга?
Но обрела лишь молчание склепа!

Ясными рунами вписанный в небе,
Я (астролог беспощадно-жестокый!)
Верно прочел твой мучительный жребий,
Но утаил от тебя эти строки!
Все совершилось безжалостно-скоро:
Звезды родные солгать не хотели!
Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь беспробудно под песни метели...

Ноябрь 1895

Криптомерии

Мечтал о лесах криптомерий...

В ночной полумгле

В ночной полумгле, и атмосфере
Пьянящих, томящих духов,
Смотрел я на синий альков,
Мечтал о лесах криптомерии.

И вот – я лежу в полусне
На мху первобытного бора;
С мерцанием прикрытого взора
Подруга прильнула ко мне.

Мы тешились оба охотой:
Гонялись за пестрым дроздом.
Потом, утомленно вдвоем
Забылись недолгой дремотой.

Но чу! что за шелест лиан?
Опять вау-вау проказа?
Нет, нет! два блестящие глаза...
Подруга! мой лук! мой колчан!

Встревоженный шепот: «Валерий!
Ты бредишь. Скажи, что с тобой?
Мне страшно!» – Альков голубой
Сменяет хвою криптомерий.

Февраль 1895

Опять сон

Мне опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Желтый лев крадется к зебре
Через травы и камыш.

Предо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.

На утесе безопасен,
Весь я – зренье, весь я – слух.
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.

Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?
Обращая ветки в угли,
Лес не встанет ли в огне?

Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдалеке.
Лев, метнув шуршащий ворох
Листьев, тянется к реке.

Дали сумрачны и глухи.
Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: ото ль духи
Иль пещеры царь – медведь!

Ожидание

Душен воздух вольных прерий,
Жгучи отблески лазури,
И в палящей атмосфере
Чуют птицы, чуют звери
Приближенье дальней бури.

Но не я поддамся страху,
Но не он нарушит слово!
И рука, сдавив наваху,
Приготовлена ко взмаху,
На смертельный бой готова.

Чу! как будто смутный топот!
Что нам бури! что нам грозы!
Сердце! прочь безумный ропот,
Вспомни ночь и вспомни шепот...
Гей! сюда! я здесь, дон Хозе!

15 августа 1895

На журчащей Годавери

Лист широкий, лист банана,
На журчащей Годавери,

Тихим утром – рано, рано —
Помоги любви и вере!

Орхидеи и мимозы
Унося по сонным волнам,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани венок мой полным.

И когда, в дали тумана,
Потеряю я из виду
Лист широкий, лист банана,
Я молиться в поле выйду;
В честь твою, богиня Счастья,

В часть твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу пред входом храма.
Лист широкий, лист банана,

Если ж ты обронишь ношу,
Тихим утром – рано, рано —
Амулеты все я сброшу.

По журчащей Годавери
Я пойду, верна печали,
И к безумной баядере
Снизойдет богиня Кали!

15 ноября 1804

На острове Пасхи ***Раздумье знахаря-заклинателя***

Лишь только закат над волнами
Погаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
Брожу по рассеченным скалам.

И вы, в стороне от дороги,
Застывши на каменной гряде,
Стоите, недвижны и строги,
Немые, громадные люди.

Лица мне не видно в тумане,
По знаю, что страшно и строго.
Шепчу я слова заклинаний,
Молю неизвестного бога.

И много тревожит вопросов:
Кто создал семью великанов?
Кто высек людей из утесов,
Поставил их стражей туманов?

Мы кто? – Жалкий род без названья!
Добыча нам – малые рыбы!
Не нам превращать в изваянья
Камней твердогрудые глыбы!

Иное – могучее племя
Здесь грозно когда-то царило,
Но скрыло бегучее время
Все то, что свершилось, что было.

О прошлом никто не споет нам.
Но грозно, на каменной гряде,
Стоите, в молчаньи дремотном,
Вы, страшные, древние люди!

Храня океан и утесы,
Вы немые навек, исполины!..
О, если б на наши вопросы
Вы дали ответ хоть единый!

И только, когда над волнами
Даль гаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
По древним, рассеченным скалам.

15 ноября 1895

Прокаженный ***Рисунок тушью***

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутым скалам;
Недалеко чернела берлога;
Были тучи стремительны; строго
Ветер выл по кустам одичалым.

Диссонанс величавых мелодий —
Дальний топот врывался неожиданно.
Конь спешил, конь летел на свободе,
Был ездок неподвижен и странно
Улыбался земной непогоде.

Вылетая к угрюмой берлоге,

Шевельнулся мертвец, как в тревоге.
Конь всхрапел, на дыбы приподнялся:
В двух шагах перед ним на дороге
Прокаженного труп улыбался.

23 ноября 1894

С кометы

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небе Земля
И Луна, ее старшая дочь.
Были явственно видны во мгле
Океаны на светлой Земле,
Цепи гор, и леса, и поля.

И в тоске мы мечтали с тобой:
Есть ли *там* и мечта и любовь?
Этот мир серебристо-немой
Ночь за ночью осветит; потом
Будет гаснуть на небе ночном,
И одни мы останемся вновь.

Много есть у пурпурных небес, —
О мой друг, о моя красота, —
И загадок, и тайн, и чудес.
Много мимо проходит миров,
Но напрасны вопросы веков:
Есть ли *там* и любовь и мечта?

16 января 1895

Холм покинутых святынь

Но, встретив Холм Покинутых Святынь...

Моя мечта

Моей мечте люб кругозор пустынь,
Она в степях блуждает вольной серной.
Ей чужд покой окованных рабынь,
Ей скучен путь проложенный и мерный.
Но, встретив Холм Покинутых Святынь,
Она дрожит, в тревоге суеверной,
Стоит, глядит, не шелохнет травой,
И прочь идет с поникшей головой.

23 июня 1895

Львица среди развалин

Гравюра

Холодная луна стоит над Насаргадой,
Прозрачным сумраком подернуты пески.
Выходит дочь царя в мечтах ночной тоски
На каменный помост – дышать ночной прохладой.

Пред ней знакомый мир: аркада за аркадой;
И башни и столпы, прозрачны и легки;
Мосты, повисшие над серебром реки;
Дома, и Бэлахрам торжественной громадой...

Царевна вся дрожит... блестят ее глаза...
Рука сжимается мучительно и гневно...
О будущих веках задумалась царевна!

И вот ей видится: ночные небеса,
Разрушенных колони немая вереница
И посреди руин – как тень пустыни – львица.

24 июня 1895

Жрец

Бронзовая статуэтка

Далекий Сириус, холодный и немой!

Из ночи в ночь надменно
Сверкаешь ты над сумрачной землей,
Царишь над бедственной вселенной.

Владыка Сириус, не внимлющий мольбам,
Непобедимый мститель!
Пред алтарем ненужный фимиам
Тебе затеплил твой служитель.

Ты чужд нам, Сириус! но твой холодный луч
Сжигает наши жатвы.
Губи меня! и отравляй! и мучь!
И отвергай с презреньем клятвы!

Тебе, о Сириус, не знающий людей,
Я возношу моления
Среди толпы, и в хижине своей,
И в миг последний упоенья!

16 октября 1894

К монахине В средние века

Ты – монахиня! лилия бога!
Ты навеки невеста Христа!
Это я постучал в ворота,
Это я у порога!

Я измучен, я весь истомлен,
Я бессилен, я мертв от желаний.
Все вокруг – как в багряном тумане,
Все вокруг – точно звон.

Выходи же! иди мне навстречу!
Я последней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвечу!

И мы вздрогнем, и мы упадем,
И, рыдая, сплетемся, как змеи,
На холодном полу галереи
В полумраке ночном.

Но, под тем же таинственным звоном,
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно – и все
Будет кончено стоном.

26 июля 1895

В старом Париже XVII век

Холодная ночь над угрюмою Сеной,
Да месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Да труп позабытый, обрызганный пеной.

Здесь слышала стоны и звяканья шпаги
Холодная ночь над угрюмою Сеной,
Смотрела на подвиг любви и отваги.

И месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Дрожал, негодуя, пред низкой изменой...
И слышались стоны, и звякали шпаги.

Но труп позабытый, обрызганный пеной,
Безмолвен, недвижим в речном саркофаге.
Холодная ночь над угрюмою Сеной

Не помнит про подвиг любви и отваги,
И месяц, забыв, как дрожал пред изменой,
Безмолвен, раздроблен в речном саркофаге!

10 августа 1895

Анатолий В Венеции XVIII в.

Я видела в окно: на маленькой гондоле
Он уплывал от стен монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала в синеве цветком желтофиоли.

Как плавно, как легко, как смело – Анатолий
Скользил веслом по брызгам янтаря,
Но всплески волн чуть долетали с воли,
И покрывали их напевы псалтыря.

Я отошла смущенно и тревожно...
С толпой подруг спустилась в церковь я,
По жить казалось мне смешно и невозможно.

О господи! да будет власть твоя.
Надломлены мечты, но я роптать не вправе...

О сердце, замолчи... Expectans expectavi...

24 декабря 1894

В прошлом

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной, забыла позор.

Бея полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.

3 ноября 1804

В будущем

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Где-то там, на какой-то планете,
Без надежды томилася ты,
М ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.

9 августа 1895

Беглец

Израненной рукой схватившись за карниз,
Над темной пропастью я трепетно повис.

Бесстрастно в вышине печалилась луна,
Стонала вдалеке беспечная волна,

И с этим ропотом сливалось, в отдаленья,
Гитары ласковой унылое моление.

Я посмотрел вокруг. Высокая луна
В прозрачной синеве бледна и холодна.

Окно с решеткою, окно моей тюрьмы.
А там... безмолвный мрак и камни в бездне тьмы!

И вспомнил я любовь... твоё непостоянство...
И пальцы разошлись, – я кинулся в пространство!

25 декабря 1894

В магическом саду

*Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по знойной мостовой.*

Ф. Тютчев

К скамье у мраморной цистерны
Я направлял свой шаг неверный,
Но не дошел, но изнемог
И вдалеке упал на мох.

Там у бассейна в перебранке
Стояли стройные гречанки,
Я к ним зывал; мой стон для них
Был слишком чужд и слишком тих.

Вот боль затихла в свежей ране...
Но целый ад пылал в гортани!
Святыней для меня тогда
Была б студёная вода!

Я встать пытался, но напрасно.
Стонал, – все было безучастно...
И мне пригрезилось в бреду,
Что я в магическом саду.

Цветут каштаны, манят розы,
Порхают светлые стрекозы,
Над яркой роскошью куртин

Бесстрастно дышит бальзамин.

И, все ж, нигде воды ни капли!
Фонтаны смолкли и иссякли,
И, русла обнажив свои,
Пленяют камнями ручьи.

Я, мучим жаждой беспощадной,
К ручьям, ключам бросаюсь жадно,
Хватаю камни, изнемог —
И вновь упал на мягкий мох.

Что мне до всех великолепий!
Волшебный сад – жесточе степи!
Воды! воды! – и тщетный стон
Холодным эхо повторен.

10 февраля 1895

Будни

В тусклых днях унылой прозы...

Туманные ночи

Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне,
И в печальные строфы слагаются буквы созвездий.

О туманные ночи в палящем июне!

Там, вот там, на закрытой террасе,
Надо мной наклонялись нажженные очи,
Дорогие черты, искаженные в страстной гримасе.

О туманные ночи! туманные ночи!

Вот и тайна земных наслаждений...
Но такой ли ее я ждала накануне!
Я дрожу от стыда – я смеюсь! Вы солгали мне, тени!

Вы солгали, туманные ночи в июне!

12 – 13 августа 1895

Подруги

Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.

Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняются.

27 сентября 1895

Первый снег

Серебро, огни и блески, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это – область чьей-то грезы,
Это – призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Жизни с грезой игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1805

Одна

В этот светлый вечер мая,
В этот час весенних грез,
Матерь бога пресвятая,
Дай ответ на мой вопрос.

Там теперь сгустились тени,
Там поднялся аромат,
Там он ждет в тоске сомнений,
Смотрит в темень наугад.

Поцелуи, ласки, речи
И сквозь слезы сладкий смех...
Неужели эти встречи —
Только сети, только грех?

В тусклых днях унылой прозы,
Нежеланного труда,
Час свиданья видят грезы,
Светит дальняя звезда.

Неужели искру рая
Погасить и встретить ночь?
Матерь бога пресвятая,
Ты сумеешь мне помочь!

Ты услышишь, Матерь-Дева,
Горький девичий вопрос
И ответишь мне без гнева
В этот час весенних грез.

6 декабря 1895

Одна

Нет мне в молитве отрады,
Боже мой, как я грешна!
Даже с мерцаньем лампы
Борется светом луна.

Даже и в девичьей спальне
Помнится дремлющий сад,
А из киотов печальней
Лики святые глядят.

Боже, зачем искушенье
Ты в красоте создаешь!
В лунном немом освещеньи
Был он так дивно хорош.

Тихо склонялися клены,
С неба скользнула звезда...
Здесь перед светом иконы
Вся я дрожу от стыда.

Сжался, отец правосудный,
Дай утешенье в тоске...
В лунных лучах изумрудный
Луг опускался в реке.

Шли мы дорожкой... и словно
Я отвечала «люблю»...
Боже мой, как я греховна,
Чем я свой грех искуплю!

21 апреля 1894

В вертепе

В сияющем изысканном вертепе,
Под музыку, сулившую канкан,
Я задремал, поникнув на диван,
И вдруг себя увидел в черном склепе.

Вокруг стоял мучительный туман, —
В окно несло благоуханье степи.
Я встать хотел, — мешала боль от ран,
И на ногах задрезжали цепи.

И что-то вдруг так ясно стало мне,
Что горько я заплакал в полусне,
Что плакал я, смущенно просыпаясь.

Опять звенит приманчиво рояль,
Мой странный сон бледнеет, расплываясь,
По мне еще — кого-то — смутно — жаль...

1 февраля 1835

Летучая мышь

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш, —
А там, на ее занавеске,
Повисла Летучая Мышь.

Мерцает неслышно лампада,
Белеет открытая грудь...
Все небо мне шепчет: «Не надо»,
Но Мышь повторяет: «Забуди!»

Покорен губительной власти,
Близ окон брожу, опьянен.
Дрожат мои руки от страсти,
В ушах моих шум веретен.

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там у нее — к занавеске
Приникла Летучая Мышь.

Вот губы сложились в заклатье...
О девы! довольно вам прясть!

Все шумы исчезнут в объятьи,
В твоём поцелуе, о страсть!

Лицом на седой подоконник,
На камень холодный упав,
Я вновь – твой поэт и поклонник,
Царица позорных забав!

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там – у нее, с занавески, —
Хохочет Летучая Мышь!

27 сентября 1895

Ночью

Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты.
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея – беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы – стервятники.

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос гудящего с неба возмездия.
Встанешь, глядишь... а они всё кружат
над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

20 июня 1895

В камышах

Луна в облаках – далека, хороша.
Челнок неподвижен в кустах камыша.

Дробятся лучи в беспокойной реке.
Задумчиво кто-то сидит в челноке.

Сияет венец вокруг холодной луны.
Чьим стоном нарушен покой тишины?

В таинственных далях, как утром, светло.

Чу! кто-то рыдает... упало весло...

22 – 23 октября 1895

Сумасшедший

Чтоб меня не увидел никто,
На прогулках я прячусь, как трус,
Приподняв воротник у пальто
И на брови надвинув картуз.

Я встречаю нагие тела,
Посинелые в рыхлом снегу,
Я минуты убийств стерегу
И смеюсь беспощадно с угла.

Я спускаюсь к реке. Под мостом
Выбираю угрюмый сугроб.
И могилу копаю я в нем,
И ложусь в приготовленный гроб.

Загорается дом... и другой...
Вот весь город пылает в огне...
Но люблюсь на блеск дорогой
Только я – в ледяной тишине.

Л потом, отряхнувши пальто,
Принадвинув картуз на глаза,
Я бегу в неживые леса...
И не гонится сзади никто!

17 января 1895

Пурпур бледнеющих губ

Медленно всходит луна,
Пурпур бледнеющих губ.
Милая, ты у окна —
Тиной опутанный труп.

Милая, о, наклонись...
Пурпур бледнеющих губ.
Клятвы возносятся ввысь...
Тиной опутанный труп.

Если б прижать мне к губам
Пурпур бледнеющих губ!

Звезды ли падают к нам?
Тиной опутанный труп.

Плачут кругом... но о чем?
Пурпур бледнеющих губ,
А на песке огневом
Тиной опутанный труп.

Верен был клятве своей
Пурпур бледнеющих губ...
Что ж! уносите скорей
Тиной опутанный труп!

16 августа 1895

Часы дней

...и проклял наши дни.

Сонет к мечте

Ни умолять, ни плакать неспособный,
Я запер дверь и проклял наши дни.
И вот тогда, в таинственной тени,
Явился мне фантом женоподобный.

Он мне сказал: «Ты слышишь ропот злобный?
Для книг твоих разложены огни.
Смирись, поэт! мечтанья прокляни
И напиши над ними стих надгробный!»

Властительно слова звучали, но
Томился взор тревогой сладострастной,
Дрожала грудь под черным домино,

И вновь у ног божественно-прекрасной,
Отвергнутой, осмеянной, родной,
Я отвечал: «Зачем же ты со мной!»

4 – 6 сентября 1895

Мечта

О, если б я мог быть невинным, как ты,
Как ты – отзвук лазурного эхо! —
Беспечно видеть твои черты,
С улыбкой слушать колокольчики смеха!

Целый день мы с тобой проводили б вдвоем,
Наслаждаясь запущенным садом,
Бегали б в темных аллеях, – потом
Отдыхать садились бы рядом.

Мы были б с тобой две сестры,
Делили грезы, радость, печали,
И если б столкнулись во время игры,
Струны желанья во мне не дрожали б.

Ноябрь 1894

После грез

Я весь день, всё вчера, проблуждал по стране моих снов;
Как больной мотылек, я висел на стеблях у цветов;
Как звезда в вышине, я сиял, я лежал на волне;
Этот мир моих снов с ветерком целовал в полусне.
Нынче я целый день все дрожу, как больной мотылек;
Целый день от людей, как звезда в вышине, я далек,
И во всем, что кругом, и в лучах, и во тьме, и в огне,
Только сон, только сны, без конца, открываются мне...

8 июня 1895

* * *

Когда бывлые дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда – то не мое бывлое,
А лишь прочитанный восторженный роман.

И странно мне теперь, в томительном покое,
Припомнить блеск побед и боль заживших ран:
И сердце, и мечты, и все во мне – иное...

Напрасен поздний зов когда-то милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и прожитой,
От горя и любви остался ряд страниц!

И я иду вперед дорогою открытой,
Вокруг меня темно, а сзади блеск зарниц...
Но неизменен путь звезды ее орбитой.

22 июня 1895

Méditations⁵

*Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая...*

* * *

Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубым,
И для взоров обычна луна,
И сплетает опять тишина
Вдохновенье с раздумьем святым.

И гирлянду пылающих роз
Я доброшу до тайны миров,
И по ней погружусь я в хаос
Неизведанных творческих грез,
Несказанных таинственных слов.

Эта воля – свободна опять,
Эта мысль – как комета – вольна!
Все могу уловить, все могу я понять.
И не надо тебя целовать,
О мой друг, у ночного окна!

5 января 1895

* * *

Тонкой, но частою сеткой
Завтрашний день отделен.
Мир так ничтожен, и редко
Виден нам весь небосклон.

В страхе оглянешься – тени,
Призраки, голос «иди!»...
Гнутся невольно колени,
Плещут молитвы в груди.

Плакать и биться устанешь;
В сердце скрывая укор,
На небо черное взглянешь...
С неба скользнет метеор.

⁵ Размышления (фр.)

14 декабря 1894

* * *

Облегчи нам страдания, боже!
Мы, как звери, вгнездились в пещеры
Жестко наше гранитное ложе,
Душно нам без лучей и без веры.

Самоцветные камни блистают,
Вдаль уходят колонн вереницы,
Из холодных щелей выползают
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже...
О, простри над могильным покоем
Покрывало последнее, боже!

15 декабря 1894

* * *

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над развернутой бездной
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

Мы верили нашей дороге,
Мечтались нам отблески рая...
И вот – неподвижны – у края
Стоим мы, в стыде и тревоге.

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге, —
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье!

Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье,
Послышится ль голос спасенья:

Откуда – из бездны иль свыше?

18 февраля 1895

* * *

Скала к скале; безмолвие пустыни;
Тоска ветров, и раскаленный сплин.
Меж надписей и праздничных картин
Хранит утес два образа святыни.

То – демоны в объятиях. Один
Глядит на мир с надменностью гордыни;
Другой склонен, как падший властелин.
Внизу стихи, не стертые доныне:

«Добро и зло – два брата и друзья.
Им общий путь, их жребий одинаков».
Неясен смысл клинообразных знаков.

Звонят порой признанья соловья;
Приходит тигр к подножию утеса.
Скала молчит. Ответам нет вопроса.

7 января 1895

Лирические поэмы

Снега *Терцины*

Луны холодные рога
Струят мерцанье голубое
На неподвижные снега;

Деревья-призраки – в покое;
Не вздрогнет подо льдом вода.
Зачем, зачем нас в мире двое!

«Увы, Мария, навсегда
Погасли зори золотые,
Любовь скатилась, как звезда.

Скажи, зачем, как в дни былые,
Мы вместе? Мы в долине сна?
Скажи, мы – призраки, Мария?»

С высот мерцанье льет луна,
По снегу вдаль уходят тени,
Ответ вопросам – тишина.

«Скажи, ты помнишь – наслаждений
Крутящий, неистомный пыл,
Часы любви в безумной смене?

Твой замер взор, твой взор застыл,
Дышалось астрами и садом,
В окно осенний воздух плыл...

Ты помнишь?» Голубым каскадом
Луна струит холодный блеск,
И мы скользим в молчаньи рядом.

«А это утро! Тихий плеск
Реки па отмели песчаной,
Кузнечиков беспечный треск,

С полей восторг благоуханный!
Под яркой, летней синевой,
До чресл разоблаченной, странной,

Я прошептал тебе: «Я – твой!»

Ты помнишь?» Синевой одета
Лупа над далью снеговой.

Мой голос умер без ответа.
Идем мы, двое, в тишине,
Под чарой голубого света.

«А день весенний! Как во сие
Сиял нам праздник первой встречи.
Сказалось все – тебе и мне.

Без ласк, без клятв, без слов, без речи,
И, как венчальные огни,
Затеплились на елях свечи!

Святыня – те былые дни!
Я изнемог. Что было, снова,
Чтоб мог воскреснуть я, верни!»

Зову в безумии. Ни слова.
Гляжу: лишь тень моя, одна,
На ткани снежного покрова.

Как гроб, мертва и холодна
Лазурная равнина снега,
Свое мерцанье льет лупа,

На вышине сверкает Вега.

27-29 ноября 1894

Три свидания

1

Черное море голов колыхается,
Как живое чудовище,
С проходящими блестками
Красных шапочек,
Голубеньких шарфов,
Эполетов ярко-серебряных,
Живет, колыхается.

Как хорошо нам отсюда,
Откуда-то сверху – высоко-высоко, —
С тобою смотреть на толпу.
Красивая рама свиданий!

Залит пассаж электрическим светом,
Звуки оркестра доносятся,
Старые речи любви
К сердцу из сердца восторженно просятся.
Милая, нет, я не лгу, говоря, что люблю я тебя.

2

В зеркале смутно удвоены
(Словно мило-неверные рифмы),
Свечи уже догорают.
Все неподвижно застыло:
Рюмки, бутылки, тарелки, —
Кресла, картины и шубы,
Шубы, там вот, у входа.
Длинная зимняя ночь
Не удаляется прочь,
Мрак нам в окно улыбается.

Глазки твои ненаглядные,
Глазки, слезами полные,
Дай расцелую я, милая!
Как хорошо нам в молчании!
(Нам хорошо ведь, не правда ли?)
Стоит ли жизнь, чтобы плакать об ней!
Улыбнись, как недавно,
Когда ты хотела что-то сказать
И вдруг покраснела, смущенная,
Спряталась мне на плечо,
Отдаваясь минуте банально-прекрасной.
А я целовал твои волосы
И смеялся. Смеялась и ты, повторяя:
«Гадкий, гадкий!»

Улыбнись и не плачь!
Мы расстанемся счастливо,
У подъезда холодного дома,
Морозною ночью.
Из моих объятий ты выскользнешь,
И вернешься опять, и опять убежишь,
И потом, наконец,
Пойдешь, осторожно ступая,
По темным ступеням.

Мать тебя дожидается,
Сидит, полусонная, в кресле.
Номер «Нивы» заснул на столе,

А чулок на коленях...
Как она вздрогнет, услышав
Ключ, затрещавший в замке!
Ей захочется броситься
Навстречу тебе, – но она,
Надвинув очки, принахмурится,
Спросит сурово:
«Откуда так поздно?» – А ты,
Что ты ответишь тогда, дорогая?

3

Холод ранней весны;
Темная даль с огоньками;
Сзади – свет, голоса; впереди —
Путь, во мрак убегающий.
Тихо мы идем по платформе.
Холод вокруг и холод в душе.
«Милый, ты меня поцелуешь?»
И близко
Видятся глазки за тенью слезинок.

Воздух разрезан свистком.
Последний топот и шум...
«Прощай же!» – и плачет, и плачет,
Как в последней сцене романа.
Поезд рванулся. Идет. Все мелькает.
Свет в темноту убегает.
Один.
Мысли проносятся быстро, как тени;
Грезы, спускаясь, проходят ступени;
Падают звезды; весна
Холодом дышит...
Навеки...

6–7 марта 1895

Белые клавиши

Белые клавиши в сердце моем
Робко стонали под грубыми пальцами,
Думы скитались в просторе пустом,
Память безмолвно раскрыла альбом,
Тяжкий альбом, где вседневно страдальцами
Пишутся строфы о счастье былом...

Смеха я жаждал, хотя б и притворного,
Дерзкого смеха и пьяных речей.
В жалких восторгах бесстыдных ночей
Отблески есть животворных лучей,
Светит любовь и в позоре позорного.

В темную залу вхожу, одинок,
Путник безвременный, гость неожиданный.
Лица еще не расселись в кружок...
Вид необычный и призрак невиданный:
Слабым корсетом не стянут испорченный стаи,
Косы упали свободно, лицо без румян.

«Девочка, знаешь, мне тяжело, мне как-то рыдается.
Сядь близ меня, потолкуем с тобой, как друзья...»
Взоры ее поднялись, удивленье тая.
Что-то в душе просыпается,
Что-то и ей вспоминается...
Это – ты! Это – я!

Белые клавиши в сердце моем
Стонут и плачут, живут под ударами,
Думы встают и кричат о былом,
Память дрожит, уронивши альбом,
Тяжкий альбом, переполненный старыми
Снами, мечтами о счастье святом!

Плачь! я не вынесу смеха притворного!
Плачь! я не вынесу дерзких речей!
Здесь ли, во мраке бесстыдных ночей,
Должен я встретить один из лучей
Лучшего прошлого, дня благотворного!

Робко, как вор, выхожу, одинок,
Путник безвременный, гость убегающий.
С ласковой лаской скользит ветерок,
Месяц выходит с улыбкой мигающей.
Город шумит, и мой дом недалек...
Блекни в сознаньи, последний венок!
Что мне до жизни чужой и страдающей!

21 августа 1895

ME EUM ESSE 1896 – 1897

Одиночеству тех дней

Новые Заветы

* * *

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.

Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.

А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте – неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

* * *

...и, покинув людей, я ушел в тишину,
Как мечта одинок, я мечтами живу,
Позабыв обаянья бесцельных надежд,
Я смотрю на мерцанья сочувственных звезд.

Есть великое счастье – познав, утаить;
Одному любоваться на грезы свои;
Безответно твердить откровений слова,
И в пустыне следить, как восходит звезда.

26 июня 1896

* * *

Я действительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего века,
Родину я ненавижу, —
Я люблю идеал человека.

И в пространстве звенящие строки
Уплывают в даль и к былому;
Эти строки от жизни далеки,
Этих грез не поверю другому.

Но, когда настанут мгновенья,
Придут существа иные.
И для них мои откровенья
Прозвучат как песни родные.

8 июня 1896

Мучительный дар

*И ношушь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.*
Е. Баратынский

Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной грани.
И вот я блуждаю в безумной тревоге,
И вот я томлюсь от больных ожиданий.

Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...
Но тщетно с мольбой простираю я руки,
Невидимо стены стоят между нами.

Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упования пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!

25 октября 1895

* * *

Давно ушел я в мир, где думы,
Давно познал нездешний свет.
Мне странны красочные шумы,
Страстям – в душе ответа нет.

Могу я медлить миг мгновенный,
Но ввысь иду одной тропой.
Кто мне шепнул о жизни пленной?
– Моя звезда! я только твой.

25 января 1900

II bacio⁶

Есть древняя чистая ласка,
Прекрасней, чем буйная страсть:
Есть ласка святая, как сказка,
И есть в ней нездешняя власть.

Ее неземное значенье
Не тот на земле разгадал,
Кто, в дикой игре наслажденья,
Любовницы грудь целовал;

Не тот, кто за дымкой прозрачной
Ловил очарованный взгляд

⁶ Поцелуй (*ит.*).

И после в уста новобрачной
Вливал обольстительный яд.

Но кто уловил, хоть однажды,
Таинственный зов чистоты, —
Ничем не обманет он жажды
Своей озаренной мечты.

Он будет блуждать и томиться,
Искать отражений во мгле,
И прошлому свету молиться,
И жить неземным на земле.

Но в нашем вседневном тумане
Мечтам повторения – нет,
И только за гранью желаний
Мы встретим желанный ответ!

27 ноября 1895

По поводу CHEFS D'ŒUVRE

Ты приняла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...
Верь мне: давно я считаю ошибкой
Бедную книгу мою.

Нет! не читай этих вымыслов диких,
Ярких и странных картин:
Правду их образов, тайно великих,
Я прозреваю один.

О, этот ропот больных искушений,
Хохот и стоны менад!
То – к неземному земные ступени,
Взгляд – до разлуки – назад.

Вижу, из сумрака вышедши к свету,
Путь свой к лучам золотым;
Ты же на детскую долю не сетуй:
Детям их отблеск незрим!

Так! не читай этих вымыслов диких,
Брось эту книгу мою:
Правду страниц ее., тайно великих,
Я, покоряясь, таю.

15 июля 1896

* * *

Отреченного веселья
Озаренная печаль:
Это – ласковая келья,
Кропотливая медаль.

И, за гранью всех желаний,
Бледно-палевая даль:
Это – новых испытаний
Несказанная печаль.

17 марта 1896

Видения

Весна

Белая роза дышала на тонком стебле.
Девушка вензель чертила на зимнем стекле.

Голуби реяли смутно сквозь призрачный снег.
Грезы томили все утро предчувствием нег.

Девушка долго и долго ждала у окна.
Где-то за морем тогда расцветала весна.

Вечер настал, и земное утешилось сном.
Девушка плакала ночью в тиши, – но о ком?

Белая роза увяла без слез в эту ночь.
Голуби утром мелькнули – и кинулись прочь.

8 января 1896

На бульваре

С опущенным взором, в пелериночке белой,
Она мимо нас мелькнула несмело, —
С опущенным взором, в пелериночке белой.

Это было на улице, серой и пыльной,
Где деревья бульвара склонялись бессильно,
Это было на улице, серой и пыльной.

И только небо – всегда голубое —
Сияло, прекрасное, в строгом покое,
Одно лишь небо, всегда голубое!

Мы стояли с тобой молчаливо и смутно...
Волновалась улица жизнью минутной.
Мы стояли с тобой молчаливо и смутно.

22 апреля 1896

Мгновение

Один ее взгляд ярче тысячи звезд!

Небесный, алмазный, сверкающий крест, —
Один ее взгляд выше тысячи звезд!

Я встретил на миг лишь один ее взгляд, —
Алмазные отсветы так не горят...
Я встретил на миг один ее взгляд.

О, что за вопросы виделись в нем!
Я смутно померк в венце золотом...
О, что за вопросы виделись в нем!

Умрите, умрите, слова и мечты, — красоты
Что может вся мудрость пред сном красоты?
Умрите, умрите, слова и мечты!

17 мая 1896

* * *

И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и умер день;
И словно руки протянула огнем встревоженная тень.
Слова магических заклятий заветных снов не разорвут,
Ты будешь помнить бред объятий и все, и все мечты минут,
Когда же, властный и прекрасный, к тебе опять вернется он,
То будет только сон неясный, — неясный и ненужный сон!

18 января 1896

В трауре

Она была в трауре с длинной вуалью;
На небе горели в огне облака.

Черты ее нежно дышали печалью;
Небесные тайны качала река.

Но яркое небо — мираж непонятный,
Но думы печали — обманы минут;

А строгие строфы скользят невозвратно,
Скользят и не дышат, — и вечно живут.

4 мая 1896

Позор

Венчальные платья мы сняли,
Сростили к ногам ожерелья
И в царственной Зале Веселья
Смущенной толпою стояли.

Почти обнаженные, все мы
Поднять наши взоры не смели.
И только надменно горели
У нас в волосах диадемы.

23 апреля 1896

Ветви

Ветви склонялись в мое окно,
Под ветром гнулись, тянулись в окно,
И занавеска, дрожа, томясь,
На белой ленте ко мне рвалась;
Но я смотрел в окно мимо них,
Мой взор погасал в небесах голубых.

— Там, где движенья и страсти нет,
Там вечно светит нетленный свет;
О чем мы бредим во сне, сквозь сон,
Тем мир незримо всегда напоен;
Красота и смерть неизменно одно...
А ветви гнутся и рвутся в окно.

19 июня 1896

Мгновения

* * *

И снова бредешь ты в толпе неизменной,
Исполнен желаний земных.
Мгновения тайны, как тайна, мгновении,
И сердце не вспомнит об них.

Она у окна, утомленно-больная,
Глядит на бледнеющий день;
И ближе, и ближе – ночная, земная,
Всегда сладострастная тень.

27 апреля 1896

Туман

Пьяные лица и дымный туман...
В дымке туманной лепечет фонтан.

Отзвуки смеха и грубый вопрос...
Блещут на лилиях отблески рос.

Клонятся красные губы ко мне...
Звезды бесстрастно плывут в вышине.

Сентябрь 1896

Продажная

Едва ли ей было четырнадцать лет —
Так задумчиво гасли линии бюста.
О, как ей не шел пунцовый цвет,
Символ страстного чувства!

Альков задрожал золотой бахромой -
Она задернула длинные кисти.
О да! ей грезился свод голубой
И зеленые листья.

16 мая 1896

Рассвет

День рассветает, встречая мечту...
В сумраке дня я молитву прочту.

Мутной зарей озарилось окно...
Господи! сердце тебе отдано.

Женская тень на постели бледна...
Нет! я не знаю недавнего сна!

Апрель 1896

* * *

Эту ночь я дышал тишиной.
По таинственен был ускользящий сон.

В эту ночь ты мечтала со мной.
Но ласкающий лик был луной озарен.

На заре умерла золотая луна.
На заре ты рассталась со мной.

Ты рассталась, ушла, но жила тишина...
На заре я дышал тишиной.

Апрель 1896

* * *

Стаял снег... земля, камень,
Облака и облака...
Где же символ возрожденья,
Детский лепет василька!

Смутно сонный холод дышит
Вместо вешней теплоты,
И душа моя не слышит
Обновляющей мечты.

16 марта 1896

* * *

Холод ночи; смерзлись лужи;
Белый снег запорошил.
Но в дыханьи злобной стужи
Чую волю вешних сил.

Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!

16 марта 1896

* * *

Звон отдаленный, пасхальный,
Слышу сквозь завесу дней.
Тихо бреду я, печальный,
В мире вечерних теней.

Звон отдаленный, пасхальный,
Ближе, прозрачней, слышней...
Тихо бреду я, печальный,
С горестной думой о Ней.

21 марта 1896

Скитания

* * *

Мерный шум колес,
Поле, ряд берез,
Много мутных грез;
Мчимся, мчимся, мчимся...

Мерный шум и шум,
Свод небес угрюм,
Много мутных дум;
Дальше! Дальше! Дальше!

12 апреля 1896

* * *

Месяц бледный, словно облако,
Неподвижный странный лес,
Там далеко шпиль — и около
Золотой, блестящий крест.

Поезд вьется быстро, медленно,
Скрылся лес, и нет креста, —
Но в лазури тайна месяца
Неизменна и чиста.

8 июня 1896

* * *

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в бессильном просторе.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы. —
Что перед ним этот прах;
Степи, и скалы, и воды!

12 июня 1896
Ореанда

* * *

О, плачьте, о, плачьте
До радостных слез!
– Высоко на мачте
Мелькает матрос.

За гранью страданий
Есть новые дни.
– Над морем в тумане
Сверкнули огни.

Желанья – как воды,
Страдания – маяк...
– Плывут пароходы
В таинственный мрак.

20 сентября 1896

Новороссийск

Вечер

*Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечна душистую розу.*

А. Фет.

Утомленный, сонный вечер
Успокоил тишью волны,
И померк далекий глетчер,
Вечно гордый и безмолвный.

Море темное простерто,
Ждет, в томленье постоянства,
Скоро ль выйдет месяц мертвый
Целовать его пространство.

Мысль полна глухих предчувствий,
Голос будущего слышит...
Пусть же в строфах, пусть в искусстве
Этот миг навеки дышит!

27 июня 1896

Кавказ

* * *

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.

Пускай же грозит океан неизменный,
Пусть гордо спят ледяные хребты:
Настанет день конца для вселенной,
И вечен только мир мечты.

Июль 1896
Крым

* * *

Спит вагон, мерцает газ,
Поезд мчит, уносит нас.
Бесконечна даль полей,
Месяц горестный над ней.

С юга, с юга – в мир снегов
Мчится поезд мертвецов.
Смотрит месяц к нам в окно,
Только – мертвым все равно!

4 марта 1902

Софии С., подарившей мне лепесток розы

Лепесток отцветающей розы —
Не символ ласкательной встречи:
Прекрасны минутные грезы,
Едва прозвучавшие речи.

Отуманены тайной печалью,
Припомнятся эти мгновенья,
Как будто за белой вуалью
Сверкающий взор вдохновенья.

10 июня 1896, близ Симферополя в вагоне

* * *

Поезд врывается в древние скалы, —
Слева и справа гранит.
Вот на тропе пешеход запоздалый

Стал, прислонился, глядит.

Вырвались... Склоны, покрытые лесом,
Домики, поле, река,
Старая кирка под черным навесом.
Даль – хороша, далека.

Дальше... Опять надвигаются горы,
Замок сошел на утес,
Черные сосны, расщелин узоры...
Грохот и хохот колес!

31 мая 1897, близ Магдебурга

* * *

Мы ехали долго, без цели, куда-то,
Куда-то далеко, вперед, без возврата.
Поспешно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убегали,
Сурово стучали под нами мосты.

Мы ехали долго. Нам дождь повстречался
И долго в оконные стекла стучался,
Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури,
И к чистой лазури мы ринулись вдаль!

Апрель 1896

Ненужная любовь

* * *

И снопа дрожат они, грезы бессильные,
Бессильные грезы ненужной любви;
Как сестры, как братья, ряды кипарисные
Задумчиво слушают думы мои;
С упреком лаская тростинки росистые,
О будущем горе лепечут ручьи,
А в сердце дрожат невозможные, чистые,
Бессильные грезы ненужной любви.

5 июля 1806

* * *

Сквозь туман таинственный
Голос слышу вновь,
Голос твой единственный,
Юная любовь!

Тихо наклоняется
Призрак надо мной,
Призрак улыбается,
Бледный и земной.

Вот зажглись жемчужные
Звезды в небесах,
И слова ненужные
Снова на устах!

10 июля 1896

* * *

В лабиринте аллей,
Между скал и развалин,
Я тоскую о ней,
Я блуждаю, печален.

Миг заветный придет...
Сердце странно сожмется,
И она промелькнет,

И она улыбнется.

В полуночи аллей,
До луны и до света,
Я мечтаю о ней,
Я томлюсь от привета.

26 августа 1896

* * *

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор, — он мне напомнил
Глаза египетских богинь.

Нет, я не знаю жизни смутной:
Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах — Твои минуты:
Твои мемфисские глаза.

22 июля 1896

* * *

Побледневшие звезды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, как тихая греза печали,
Ты прошла по заветной аллее.

По аллее прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии.

24 июня 1896

* * *

Почему я только мальчик,
Бедный мальчик, так влюбленный
В это ласковое море,
В этот берег обновленный!

Почему я только мальчик,
В глубине души таящий

Радость странную, и горе,
И восторг любви томящей!

Почему я только мальчик,
Почему сказать не смею,
Как ее люблю я тайно,
Как в тиши люблюсь ею!

Почему я только мальчик,
Почему ее люблю я,
Почему во мгле случайно
Не встречаю поцелуя!

* * *

Меж скал разбитых, —
Один! один!
Блаженств забытых
Я властелин.

Там, у платана,
Прошла она,
Дождем фонтана
Окроплена.

Она глядела
Печально вдаль,
Где чуть темнела
Небес эмаль.

Она хранила
В руке цветок,
И обронила
Там лепесток.

Я у бассейна
Его поднял,
Благоговейно
Поцеловал.

Листок случайный,
Ты мой! со мной!
И кроет тайны
Навес ночной.

1896, Кисловодск

* * *

Это было безумие грезы,
Невозможное полное счастье,
В мире бледных желаний и прозы
Прозвеневшие струны бесстрастья.

Не ища ни привета, ни встречи,
Но в томленьи волшебной отрады,
Я ловил ее дальние речи,
Мимолетно-случайные взгляды.

Неизвестный, осмеянный, странный,
Я изведal безмерное счастье, —
Наслаждаться мечтой несказанной
И свободным восторгом бесстрастья.

27 августа 1806

Ангел бледный

Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи.
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озаренный
Бледным светом фонаря,
Ты стоишь в тени зеленой,
Грезой с ночью говоря.

Ангел бледный, легкокрылый,
К нам отпущенный на землю!
Грез твоих я шепот милый
Чутким слухом чутко внемлю.
Ангел бледный, утомленный
Слишком ярким светом дня,
Ты стоишь в тени зеленой,
Ты не знаешь про меня.

Звезды яркие, как алмаза
Грани, в тверди слишком синей.
Скалы старого Кавказа
Дремлют в царственной пустыне.
Здесь, где Демон камень темный
Огневой слезой прожег, —
Ангел бледный! – гимн нескромный

Я тебе не спеть не мог!

Июль 1896, 1910

* * *

Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов,
Беспощадные, жадные тайны
Нас томили, томили без слов.
Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов...

Желтоватый, безжизненный месяц
Над лугами взошел и застыл,
Мир теней – утомлен и невесел —
К отдаленным кустам отступил.
Желтоватый, безжизненный месяц
За стволами взошел и застыл.

Ты хотела сказать... Невозможным
Диссонансом раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща, зашептала трава,
Диссонансом больным, невозможным
В тишине прозвучали слова.

И опять – набегающий сумрак
Отуманил молчанье кругом.
Отдаваясь мучительным думам,
Мы брели в полумраке лесном,
И безжизненный месяц – угрюмо —
Озарял нас с тобою вдвоем.

10 августа 1896

Пятигорск

* * *

Это матовым вечером мая
Ты так горько шепнула: «Твоя!»,
Что с тех пор я томлюсь, вспоминая,
Что и нынче волнуюсь я.

С этих пор я боюсь трепетанья
Предзакатных, манящих лучей,
Мне томительны сны и желанья,

Мне мучителен сумрак ночей;

Я одною мечтою волнуем:
Умереть, не поверив мечтам,
Но пред смертью припасть поцелуем
К дорогим побледневшим губам.

9 сентября 1896

Москва

Веянье смерти

* * *

*Последний день
Сверкал мне в очи.
Последней ночи
Встречал я тень.*

А. Полежаев

И ночи и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались.

И нет никого на земле
С ласкающим, горестным взглядом,
Кто б в этой томительной мгле
Томился и мучился рядом.

Часы неизменно идут,
Идут и минуты считают...
О, стук перекрестных минут!
— Так медленно гроб забивают.

12 января 1896

* * *

После ночи бессонной,
После тягостных дум,
Странен звон отдаленный,
Гармонический шум.

Полутьма не редет,
И декабрьская ночь
Словно медлит, не смеет,
Отодвинуться прочь.

Сумрак дум без просвета.
Темны дали судьбы.
Я не знаю ответа
На призыв, на мольбы.

Все грядущее грозно,
Нет надежды в былом,

Беспощадное «поздно»
Прозвучало, как гром.

Эти слезы невольны:
Это – стоны души...
Чу! призыв колокольный
Вырастает в тиши.

8 декабря 1895

Последние слова

И я опять пишу последние слова,
Предсмертные стихи, звучащие уныло...
Опять, опять пишу унылые слова.

Но не забыто все, что грезилось и было!
Пусть будущего нет, пусть завтра – не мое,
Но не забыто все, что грезилось и было.

Теперь не жизни жаль, где я изведаль все:
Победу и позор, и все изгибы чувства, —
Нет, мне не жизни жаль, где я изведаль все.

Но вы, мечты мои! провиденья искусства!
Ряды замысленных и не свершенных дел!
Вы, вы, мечты мои, провиденья искусства!

Как горько умирать, не кончив, что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам идеала! —
О, горько умирать, не кончив, что хотел...

Так много думано, исполнено так мало!

23 июля 1896

Посв.***

Мне снилось: мертвенно-бессильный,
Почти жилец земли могильной,
Я глухо близился к концу.

И бывший друг пришел к кровати
И, бормоча слова проклятий,
Меня ударил по лицу.

22 июня 1895

Записка самоубийцы

Завтра, когда мое тело найдут,
Плач и рыдания поднимутся тут.

Станут жалеть о судьбе дарований,
Смерть назовут и случайной и ранней,

И, свои прежние речи забыв,
Станут мечтать, как я был бы счастлив.

Только одни стебельки иммортели
Тихо шепнут о достигнутой цели.

2 июля 1894

* * *

Кончено! кончено! Я побежден.
— Смейтесь!
Погас, погас весенний сон...
Листья осенние, вейтесь!

Медленно всходит былая луна,
Всходит...
Горит в огнях, горит волна;
Челнок опрокинутый бродит.

Утром наляжет на ропотный лес
Иней,
И, все в крови, — укор небес —
Солнце взойдет над пустыней.

17 декабря 1895

* * *

...я вернулся на яркую землю,
Меж людей, как в тумане, брожу,
И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу.

Но за ропотом снежной метели
И под шепот ласкающих слов —
Не забыл я полей асфоделей,

Залетейских немых берегов.

И в сияньи земных отражений
Мне все грезятся – ночью и днем
Проходящие смутные тени,
Озаренные тусклым огнем.

21 января 1896

* * *

Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.
Овекает странной сладостью
Тень таинственного сна.

Беспредельным далям преданный,
Там, где меркнет свет и шум,
Я покину круг изведанный
Повторенных слов и дум.

Грань познания и жалости
Сердце вольно перейдет,
В вечной бездне, без усталости,
Будет плыть вперед, вперед.

И все новой, странной сладостью
Овекает призрак сна...
Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.

14 июля 1898

* * *

Ни красок, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрых рыб, ни полумертвых роз,
Ни даже снов беспечного разврата,
Ни слез!

Поток созвучий все слова унес,
За вечера видений вот расплата!
Но странно нежит эта мгла без грез,
Без слез!

Последний луч в предчувствии заката
Бледнеет... Ночь близка... Померк утес.

Мне все равно. Не надо – ни возврата,
Ни слез!

10 декабря 1898

В пути

* * *

Сумрак за черным окном
В полночь тоскливо погас.
Думы овеяны сном
В этот загадочный час.

Странницы жизни, мечты
Около длинных гробниц,
В склепе бывшей красоты,
Пали, простерлися ниц.

Звук заклиняющих слов,
Дрогнув среди тишины,
Тихо коснулся гробов,
Словно улыбка луны.

В девственно чистых венцах,
В белом сиянии одежд
Вот приподнялись в гробах
Тени погибших надежд.

Очи глядят на меня,
Руки тревожно дрожат...
Сладко предчувствие дня,
Томен цветов аромат.

Сердце, зачем, о, зачем
Ты умираешь во сне!
Сумрак, бесстрастен и нем,
Тускло глядится ко мне.

25 января 1896

* * *

Тайны мрака побледнели;
Неземные акварели
Прояснились на востоке;
Но, таинственно-далеки,
Звезды ночи не хотели,
Уступив лучу денницы,
Опустить свои ресницы.

И в моей душе усталой
Брезжит день лазурно-алый,
Веет влагой возрожденья, —
Но туманные сомненья
Нависают, как бывало,
И дрожат во мгле сознания
Исступленные желанья.

12 февраля 1896

* * *

Прохлада утренней весны
Пьянит ласкающим намеком;
О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны,
О чем-то чистом и высоком,
Как дуновение весны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то странном и высоком,
Как приближение весны...
В душе, с приветом и упреком,
Встают отвергнутые сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

15 марта 1896

* * *

Из бездны ужасов и слез,
По ступеням безвестной цели,
Я восхожу к дыханью роз
И бледно-палевых камелий.

Мне жаль восторженного сна
С палящей роскошью видений;
Опять к позору искушений
Душа мечтой увлечена.

Едва шепнуть слова заклятий, —
И блеском озарится мгла,
Мелькнут, для плясок, для объятий,
Нагие, страстные тела...

Но умирает вызов властный
На сомкнутых устах волхва;
Пускай желанья сладострастны, —
Покорно-холодны слова!

Май 1806

* * *

Последние думы
О яркой земле
Витают, угрюмы,
В безжизненной мгле;

Зловещи и хмуры,
Скользят меж теней,
Слепые лемуры
Погибших страстей;

Шныряют как совы
В сиянии дня, —
Готовы, готовы
Вонзиться в меня!

Но мысль отгоняет
Невольный испуг:
Меня охраняет
Магический круг,

И, тайные знаки
Свершая жезлом,
Стою я во мраке
Бесстрастным волхвом.

Сентябрь 1806

* * *

Не плачь и не думай:
Прошедшего — нет!
Приветственным шумом

Врывается свет.

Уснувши, ты умер
И утром воскрес, —
Смотри же без думы
На дали небес.

Что вечно – желанно,
Что горько – умрет...
Иди неустанно
Вперед и вперед.

9 сентября 1896

* * *

В час, когда гений вечерней прохлады
Жизнь возвращает цветам,
К Озеру Снов, по знакомым тропам,
Медленно тянутся гады.

Там они, в ясной и чистой тиши,
Водят круги омерзительной пляски,
Правят под месяцем липкие ласки,
Слизью сквернят камыши.

В жуткой тревоге святые виденья
К небу восходят, как белый туман;
Сны мои черны, – и снова я пьян
Мутным вином искушенья.

* * *

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
По и тени твоей я не смею
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня – безнадежность,

И смерть, и мгла!

28 – 29 октября 1897

Завершение

Годы молчания

Есть для избранных годы молчания.
Они придут —
И осудят бывшие желания...
О, строгий суд!

Но томленье о благе единственном
Не явит нам,
Как пройти переходом таинственным
К иным мечтам.

В лабиринте блуждая, бессильные,
Собьемся мы,
И заманят нас в глуби могильные
Соблазны тьмы!

13 декабря 1896

* * *

И в ужасе я оглянулся назад,
И понял безумие жизни.
— Померк! да, померк торжествующий взгляд,
Ты понял безумие жизни!

О голос безвестный, ответь мне, молю:
Что правда, где путь, в чем спасенье?
— Спасутся — творящие волю мою,
Кто против — тем нет и спасенья!

В безумии жизни я не был рабом,
Не буду и ради блаженства!
— Блуждай же, безумец, в томленье пустом:
Тебе не изведать блаженства!

17 октября 1896

* * *

Еще надеяться — безумие.
Смирись, покорствуй и пойми;

Часами долгого раздумия
Запечатлей союз с людьми.

Прозрев в их душах благодатное,
Прости бессилие минут:
Теперь уныло-непонятное
Они, счастливые, поймут.

Так. Зная свет обетования,
Звездой мерцающий в ночи,
Под злобный шум негодования
Смирись, покорствуй и молчи.

26 мая 1897

Обязательства

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя.
Этой истине нет доказательств,
Эту тайну я понял, любя.

Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия!
В этом мире одно есть блаженство —
Сознавать, что ты выше себя.

Презренье – бесстрастие – нежность —
Эти три, – вот дорога твоя.
Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.

14 января 1898

Отречение

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И Голос – угрюмый оракул —
«Довольно!» сегодня сказал.

«Довольно! надежды и чувства
Отныне былым назови,
Приветствуй лишь грезы искусства,
Ищи только вечной любви.

Ты счастьем назвал волненье,

Молил у страданий венца,
Но вот он, твой путь, – отречение,
И знай: этот путь – без конца!»

18 июля 1896

Числа

*Не только в жизни
богов и демонов раскрывается
могущество числа.*

Пифагор

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли – вне сознания – далеко,
Туда, где светят царственные числа.

Предчувствие разоблачает тайны,
Проводником нелицемерным светит:
Едва откроется намек случайный,
Объемлет нас непересказный трепет.

Вам поклоняюсь, вас желаю, числа!
Свободные, бесплотные, как тени,
Вы радугой связующей повисли
К раздумиям с вершины вдохновенья!

10 – 11 августа 1898

Строгое звено

А . Курсинскому

Для всех приходят в свой черед
Дни отречения, дни томленья.
Одна судьба нас всех ведет,
И в жизни каждой – те же звенья!

Мы все, мы все переживем,
Что было близко лучшим душам,
И будем плакать о былом,
И клятвы давние нарушим!

За снами страсти – суждено
Всем подступить к заветным тайнам,
И это строгое звено
Не называй в цепи случайным!

20 июля 1899

* * *

Я прежде боролся, скорбел,
Но теперь я жду.
Я сознал заветный предел,
Забыл вражду.

Остановить, что быть должно,
Нет сил.
Тому бороться смешно,
Кто победил.

Если победа судьбой дана,
Знай и смирись.
Так меня – безвольно волна
Возносит в высь.

11 января 1809

Лирические поэмы

Идеал

1

Ее он увидел в магический час;
Был вечер лазурным, и запад погас,
И первые тени над полем и лесом
Дрожали, сквозили ажурным навесом.
В таинственном храме весенних теней,
Мечтатель, он встретился с грезой своей.

2

Они обменялись медлительным взглядом...
И девичьим, белым, прозрачным нарядом
Она замелькала меж тонких стволов,
И долго смотрел он, – без грез и без слов,
Смотрел, наслаждаясь представшим виденьем,
Смотрел, отдаваясь наставшим мгновеньям.

3

Сияньем их жизнь озарилась с тех пор,
Как будто на небе застыл метеор;
И стали их дни многоцветны и ярки,
Как радостных радуг воздушные арки;
Им были слепительны думы и сны,
Как пышное утро расцветшей весны!

4

Но в чистые дали их робких мечтаний
Не смело проникнуть желанье свиданий:
В открытых просторах их девственных грез
Клонились цветы под наитием рос,
Шептала волна на побережьи лагуны,
Чуть слышно звенели незримые струны.

5

И дивное счастье поведал им бог.
Вдали от людей и от шумных тревог,
В молчаньи лесном, убаюканном тайной,
Друг с другом они повстречались случайно.
Так в старой беседке, игрой ветерка,
Друг с другом сплетаются два лепестка.

6

И, точно друзья после долгой разлуки,
Они протянули уверенно руки,
И все, о чем каждый мечтал сам с собой,
Другой угадал вдохновенной душой.
И были не нужны ни клятвы, ни речи
При этой короткой задумчивой встрече.

7

То был мотылек, пилигрим вечеров,
Который подслушал прощанье без слов;
То было смущенное облачко мая,
Которое, в дали лазоревой тая,
Над лилией видело алый цветок:
Улыбку, склоненную к трепету щек!

8

И больше они никогда не встречались!
Но светлой святыней в их душах остались
Блаженные тени мгновенного дня...
И жили они, эту тайну храня,
И память о жизни, о горестной жизни,
Была их наградой в небесной отчизне.

16 декабря 1894

Сон пророческий

В мое окно давно гляделся день;

В моей душе, как прежде, было смутно.
Лишь иногда отрадою минутной
Дышала вновь весенняя сирень,
Лишь иногда, пророчески и чудно,
Мерцал огонь лампы изумрудной.

Минутный миг! и снова я тонул
В безгрезном сие, в томительном тумане
Неясных форм, неверных очертаний,
И вновь стоял неуловимый гул
Не голосов, а воплей безобразных,
Мучительных и странно неотвязных.

Мой бедный ум, как зимний пилигрим,
Изнемогал от тщетных напряжений.
Мир помыслов и тягостных сомнений,
Как влажный снег, носился перед ним;
Казалось: ряд неуловимых линий
Ломался вдруг в изменчивой картине.

Стал сон ясней. Дымящийся костер
На берегу шипел и рассыпался.
В гирляндах искр туманно означался
Безумных ведьм неистовый собор.
А я лежал, безвольно распростертый,
Живой для дум, но для движений мертвый.

Безмолвный сонм собравшихся теней
Сидел вокруг задумчивым советом.
Десятки рук над потухавшим светом
Тянулись в дым и грелись у огней;
Седых волос обрывки развевались,
И головы медлительно качались.

И вот одна, покинув страшный круг,
Приблизилась ко мне, как демон некий.
Ужасный лик я видел через веки,
Горбатый стан угадывал, – и вдруг
Я расслышал, как труп на дне гробницы,
Ее слова, – как заклинанья жрицы.

«Ты будешь жить! – она сказала мне. —
Бродить в толпе ряды десятилетий,
О, много уст вопьются в губы эти,
О, многим ты «люблю» шепнешь во сне!
Замрешь не раз в порыве страсти пьяном...
Но будет все – лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь петь! Придут к твоим стихам

И юноши и девы, и прославят,
И идол твой торжественно поставят
На высоте. Ты будешь верить сам,
Что яркий луч зажег ты над туманом...
Но будет все – лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь ждать! И меж земных богов
Единого искать, тоскуя, бога.
И, наконец, уснет твоя тревога,
Как буйный ключ среди глухих песков.
Поверишь ты, что стал над Иорданом...
Но будет все – лишь тенью, лишь обманом!»

Сказав, ушла. Хотел я отвечать,
Но вдруг костер, пред тем как рухнуть, вспыхнул,
И шепот ведьм в беззвездной ночи стихнул,
Ужасный сон на грудь мне лег опять.
Вновь понеслись бесформенные тени,
И лишь в окно вливалась песнь сирени.

19 января 1896

TERTIA VIGTLIA 1898 – 1901

Памяти Ивана Коневского и Георга Бахмана, двух ушедших.

Возвращение

Возвращение

Я убежал от пышных брашен,
От плясок сладострастных дев.
Туда, где мир уныл и страшен;
Там жил, прельщения презрев.

Бродил, свободный, одичалый,
Таился в норах давней мглы;
Меня приветствовали скалы,
Со мной соседили орлы.

Мои прозренья были дики,
Мой каждый день запечатлен;
Крылато-радостные лики
Глядели с довременных стен.

И много зим я был в пустыне,
Покорно преданный Мечте...
Но был мне глас. И снова ныне
Я – в шуме слов, я – в суете.

Надел я прежнюю порфиру,
Умастил миром волоса.
Едва предстал я, гордый, пиру,
«Ты царь!» – решили голоса.

Среди цариц веселой пляски
Я вольно предызбрал одну:
Да обрету в желаньи ласки
Свою безвольную весну!

И ты, о мой цветок долинный,
Как стебель, повлеклась ко мне.
Тебя пленил я сказкой длинной...
Ты – наяву, и ты – во сне.

Но если, страстный, в миг заветный,
Заслышу я мои трубный звук, —
Воспряну! кину клич ответный
И вырвусь из стесненных рук!

31 марта 1900

Я

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов;
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.

На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что ярче, что телесней,
То трепетал в предчувствии теней.

И странно полюбил я мглу противоречий
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

* * *

Ребенком я, не зная страху,
Хоть вечер был и шла метель,
Блуждал в лесу, и встретил пряху,
И полюбил ее кудель.

И было мне так сладко в детстве
Следить мелькающую нить,
И много странных соответствий
С мечтами в красках находить.

То нить казалась белой, чистой;
То вдруг, под медленной луной,
Блистая тканью серебристой;
Потом слилась со мглой ночной.

Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!

21 октября 1900

Любимцы веков

Ассаргадон *Ассирийская надпись*

Я – вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей – как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах – как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь – Ассаргадон.

17 декабря 1897

Халдейский пастух

Отторжен от тебя безмолвием столетий,
Сегодня о тебе мечтаю я, мой друг!
Я вижу ночь и холм, нагую степь вокруг,
Торжественную ночь при тихом звездном свете.

Ты жадно смотришь вдаль; ты с вышины холма
За звездами следишь, их узнаешь и числишь,
Предвидишь их круги, склонения... Ты мыслишь,
И таинства миров яснеют для ума.

Божественный пастух! среди тиши и мрака
Ты слышал имена, ты видел горный свет:
Ты первый начертал пути своих планет,
Нашел названия для знаков Зодиака.

И пусть безлюдие, нагая степь вокруг;
В ту ночь изведаль ты все счастье дерзновенья,
И в этой радости дай слиться на мгновенье

С тобой, о искренний, о неизвестный друг!

7 ноября 1898

Рамсес **Отрывок**

По бездорожьям царственной пустыни,
Изнемогая жаждой, я блуждал.
Лежал песок, за валом вал,
Сияли небеса, безжалостны и сини...
Меж небом и землей я был так мал.

И, встретив памятник, в песках забытый,
Повергся я на каменный помост.
Палили тело пламенные плиты,
И с неба падал дождь огнистых звезд.
По в полумгле томительного бреда
Нашупал надпись я на камнях тех:

Черты, круги, людские лики, грифы —
Я разбирал, дрожа, гиероглифы:
«Мне о забвеньи говорят, — о, смех!
Векам вещают обо мне победы!»

И я смеялся смыслу знаков тех
В неверной мгле томительного бреда.
— Кто ты, воитель дерзкий? Дух тревожный?
Ты — Озимандия? Ассаргадон? Рамсес?

Тебя не знаю я, твои вещанья ложны!
Жильцы пустынь, мы все равно ничтожны
В веках земли и в вечности небес.

И встал тогда передо мной Рамсес.
.....

Сентябрь 1899

Жрец Изида

Я — жрец Изида светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

Уста не осквернял я ложью,

Корыстью не прельщался я,
И к женской груди, с страстной дрожью,
Не припадала грудь моя;

Давал я щедро подаянье
Всем, обращавшимся ко мне...
Но есть в душе воспоминанье,
Как змей лежащее на дне.

Свершал я путь годичный в Фивы...
На палубе я утра ждал...
Чуть Нил влачил свои разливы;
Смеялся вдалеке шакал.

И женщина, в одежде белой,
Пришла на пристань, близ кормы,
И стала, трепетно-несмело,
Там, пред порогом водной тьмы.

Дрожал корабль наш, мертвый, сонный,
Громадой черной перед ней,
А я скрывался потаенно
Меж бревен, весел и снастей.

И, словно в жажде утешенья,
Та, в белом женщина, ждала
И медлила свершить решение...
Но дрогнула пред утром мгла...

В моей душе все было смутно,
Хотел я крикнуть – и по мог...
Но вдруг повеял ветер попутный,
И кормщик затрубил в свой рог.

Все пробудились, зашумели,
Вознесся якорь с быстротой,
Канаты радостно запели, —
Но пристань видел я – пустой!

И мы пошли, качаясь плавно,
И быстро все светлело вокруг, —
Но мне казалось, будто явно
В воде распространялся круг...

Я – жрец Изиды светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

9 марта 1900

Психея

Что чувствовала ты, Психея, в оный день,
Когда Эрот тебя, под именем супруги,
Привел на пир богов под неземную сень?
Что чувствовала ты в их олимпийском круге?

И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий взор, царицы злобный вздох,
Шушуканье богинь и злой привет Киприды!

И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все – боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыни!

23 декабря 1898

Цирцея

Я – Цирцея, царица; мне заклятья знакомы;
Я владычица духов и воды и огня.
Их восторгом упиться я могу до истомы,
Я могу приказать им обессилить меня.

В полусне сладострастья ослабляю я чары:
Разрастаются дико силы вод и огней.
Словно шум водопадов, словно встали пожары, —
И туманят, и ранят, всё больней, всё страшней.

И так сладко в бессильи неземных содроганий,
Испивая до капли исступленную страсть,
Сохранять свою волю на отмеченной грани
И над дерзостной силой сохранять свою власть.

1 августа 1899

Кассандра

Пророчица Кассандра! – тень твоя,
Путь совершив к благословенной Лете,
Не обрела утех небытия,
И здесь твои мечты горят огнем столетий.

Твой дух живет в виденьях лучших дней,
Ты мыслью там, близ Иды, у Скамандра,
Ты ищешь круг тебе родных теней,
Поешь в Аиде им, пророчица Кассандра!

Зовешь вождей и, Фебом вновь полна,
Им славишь месть, надеждой пламенея, —
Что примут казнь ахейцев племена,
Во прах повергнуты потомками Энея!

Но влага Леты упоила всех,
И жажду мести пробуждать в них тщетно!
Уста героев гнет загробный смех:
Ты славишь — все молчит, зовешь — и безответно!

8 марта 1898, 1923

Моисей

Я к людям шел назад с таинственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.
Я верил, что толпа надеется и ждет...
Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.

Смотря на этот пир, я понял их, — и вот
О камни я разбил ненужные скрижали
И проклял навсегда твой избранный парод.
Но не было в душе ни гнева, ни печали.

А ты, о господи, ты повелел мне вновь
Скрижали истесать. Ты для толпы преступной
Оставил свой закон. Да будет так. Любовь

Не смею осуждать. Но мне, — мне недоступна
Она. Как ты сказал, так я исполню все,
Но вечно, как любовь, — презрение мое.

25 апреля 1898

Александр Великий

Неустанное стремленье от судьбы к иной судьбе,
Александр Завоеватель, я — дрожа — молюсь тебе.

Но не в час ужасных боев, возле древних Гавгамел,
Ты мечтой, в ряду героев, безысходно овладел.

Я люблю тебя, Великий, в час иного торжества.
Были буйственные клики, ропот против божества.

И к войскам ты стал, как солнце: ослепил их грозный
взгляд,
И безвольно македонцы вдруг отпрянули назад.

Ты воззвал к ним: «Вы забыли, кем вы были, что теперь!
Как стада, в полях бродили, в чащу прятались, как зверь.

Создана отцом фаланга, вашу мощь открыл вам он;
Вы со мной прошли до Ганга, в Сарды, в Сузы, в Вавилон.

Или мните: государем стал я милостью мечей?
Мне державство отдал Дарий! скипетр мой, иль он ничей!

Уходите! путь открытый! разметите бранный стан!
Дома детям расскажите о красотах дальних стран,

Как мы шли в горах Кавказа, про пустыни, про моря...
Но припомните в рассказах, где вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но – Аммона вечный сын —
Здесь, по царственному праву, я останусь и один».

От курений залы пьяны, дышат золото и шелк.
В ласках трепетной Роксаны гнев стихает и умолк.

Царь семнадцати сатрапий, царь Египта двух корон,
На тебя – со скриптром в лапе – со стены глядит Аммон.

Стихли толпы, колесницы, на равнину пал туман...
Но, едва зажглась денница, взволновался шумный стан.

В поле стон необычайный, молят, падают во прах...
Не вздохнул ли, Гордый, тайно о своих ночных мечтах?

О, заветное стремление от судьбы к иной судьбе.
В час сомненья и томленья я опять молюсь тебе!

Ноябрь 1899

Ламия

В дни весенних новолуний
Приходи, желанный друг!
На горе ночных колдуний

Соберется тайный круг.

Верны сладостной Гекате,
Мы сойдемся у костра.
Если жаждешь ты объятий,
Будешь с нами до утра.

Всех красивей я из ламий!
Грудь – бела, а губы – кровь.
Я вопьюсь в тебя губами,
Перелью в тебя любовь.

Косы брошу я, как тучу, —
Ароматом их ты пьян, —
Оплету, сдавлю, измучу,
Унесу, как ураган.

А потом замру, застыну,
Буду словно теплый труп,
Члены в слабости раскину,
Яства пышные для губ.

В этих сменах наслаждений
Будем биться до утра.
Утром сгинем мы, как тени,
Ты очнешься у костра.

Будешь ты один, бессильный...
Милый, близкий! жаль тебя!
Я гублю, как дух могильный,
Убиваю я, любя.

Подчинись решенной плате:
Жизнь за ласку, милый друг!
Верен сладостной Гекате,
Приходи на тайный луг.

1900

Амалтея

Пустынен берег тусклого Аверна,
Дрожат кругом священные леса,
Уступы гор отражены неверно,

И, как завеса, мутны небеса.
Здесь, в тишине, в пещере сокровенной,
Внимая вечно чьи-то голоса,

Живет сибилла. Судьбы всей вселенной
Пред ней проходят, – лица, имена
Сменяются, как сны, в игре мгновенной.

И этой сменой снов потрясена,
Сама не постигая их значенья,
На свитках записать спешит она

И звуки слов, и вещи виденья,
Пророчества, и тайны божества.
И пишет, и дрожит от исступленья,

И в ужасе читает те слова...
Но кончен свиток, и со смехом, злобно,
Она его бросает и, едва

Успев взглянуть, берет другой, подобный,
И пишет вновь, в тревоге, чуть дыша.
А ветер скал лепечет стих надгробный,

Взвивает свитки и влечет, шурша.

15 февраля 1898

Скифы

Если б некогда гостем я прибыл
К вам, мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.

Мне легко далась бы наука
Подждать матерого тура.
Вот – я чувствую гибкость лука,
На плечах моих барсова шкура.

Словно с детства я к битвам приучен!
Все в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем.

Из пловцов окажусь я лучшим,
Обгоню всех юношей в беге;
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге.

Истукан на середине деревни

Поглядит на меня исподлюбья.
Я уважу лик его древний,
Одарить его пышно – готов я.

А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики, —
На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.

Я буду как все – и особый.
Волхвы меня примут как сына.
Я сложу им песню для пробы.
Но от них уйду я в дружину.

Гей вы! слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.

29 ноября 1899

Клеопатра

Я – Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои – то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина – в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя – в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899

Старый викинг

Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими брызгами пены.

И вал возносился и рушился, белоголовый,
И море стучало у ног о гранитные стены.

Под ветром уклончивым парус скользил на просторе,
К Винландии внук его правил свой бег непреклонный,
И с каждым мгновеньем меж ними все ширилось море,
А голос морской разносился, как вопль похоронный.

Там, там, за простором воды неисчерпно-обильной,
Где Скрелингов остров, вновь грянут губящие битвы,
Ему же коснеть безопасно под кровлей могильной
Да слушать, как женщины робко лепечут молитвы!

О, горе, кто видел, как дети детей уплывают
В страну, недоступную больше мечу и победам!
Кого и напевы военных рогов не сзывают,
Кто должен мириться со славой, уступленной дедам.

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные косные стены,
Когда уплывает корабль среди шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется брызгами иены.

12 июля 1900

Данте

Безумцы и поэты наших дней
В согласном хоре смеха и презренья
Встречают голос и родных теней.

Давно пленил мое воображение
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье.

Я вижу годы, как безумный бред,
Людей, принявших снова вид звериный,
Я слышу вой во славу их побед

(То с гвельфами боролись гибеллины!).
И в эти годы с ними жил и он, —
На всей земле прообраз наш единый.

Подобных знал он лишь в дали времен,
А в будущем ему виднелось то же,
Что в настоящем, — безобразный сон.

Мечтательный, на девушку похожий,

Он приучался к зрелищу смертей,
Но складки на челе ложились строже.

Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут владыки
И усмирят бессмысленных детей.

Под звон мечей, проклятия и крики
Он меж людей томился, как в бреду...
О Данте! о, отверженец великий, —

Воистину ты долго жил – в аду!

6 октября 1898

Данте в Венеции

По улицам Венеции, в вечерний
Неверный час, блуждал я меж толпы,
И сердце трепетало суеверней.

Каналы, как громадные тропы,
Манили в вечность; в переменах тени
Казались дивны строгие столпы,

И ряд оживших призрачных строений
Являл очам, чего уж больше нет,
Что было для минувших поколений.

И, словно унесенный в лунный свет,
Я упивался невозможным чудом,
Но тяжек был мне дружеский привет...

В тот вечер улицы кишели людом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским сосудом.

Бесстыдно раздавался женский смех,
И зверские мелькали мимо лица...
И помыслы разгадывал я всех.

Но вдруг среди позорной вереницы
Угрюмый облик предо мной возник.
— Так иногда с утеса глянут птицы, —

То был суровый, опаленный лик,
Не мертвый лик, но просветленно-страстный,
Без возраста – не мальчик, не старик.

И жалким нашим нуждам не причастный,
Случайный отблеск будущих веков,
Он сквозь толпу и шум прошел, как властный.

Мгновенно замер говор голосов,
Как будто в вечность приоткрылись двери,
И я спросил, дрожа, кто он таков.

Но тотчас понял: Данте Алигьери.

18 декабря 1900

Флоренция Декамерона

Вы, флорентинки прошлых дней! – о вас
Так ясно я мечтал в обманах лунных,
О быстром блеске ваших крупных глаз.

Сады любви в тиши оград чугунных,
Певучий говор и жемчужный смех,
Рассказы с перебоем песен струнных.

Принцессы, горожанки – здесь у всех
Веселость, острый ум, и взор лукавый,
И жажда ненасытная утех.

Красавца видя, все полны отравой,
И долго жадный взор его следит.
Для вас любовь всегда была забавой!

Вам было непонятно слово «стыд»!
Среди земных красот, земных величий
Мне флорентинки близок лживый вид,

И сладостно мне имя Беатриче.

21 июля 1900

Астролог

Звездное небо плывет надо мной.
Чистым сияньем сверкают планеты.

Вкруг меня движется сумрак ночной...
Тени ли мертвые светом согреты?
Вот проступают телесней, ясней

Твердые бедра и полные плечи,
Смотрят глаза из-под черных кудрей...
Сдержанный хохот, чуть слышные речи.
Вот обозначился белый хребет,
Грудь повисли, согнулись колени...

В небе холодном мерцанье планет,
В небе порядок кругов и движений...

29 декабря 1899

Баязет

Тимур, прочтя оскорбительное письмо Баязета, воскликнул: «Сын Мурата сошел с ума».

Нет! не с ума сошел Муратов сын,
Ошибся ты, хромец надменный!
Но он взревел, как вольный лев долин,
Узнав, что в мире есть еще один,
Что дерзких двое во вселенной.

И степи дрогнули под звон копыт,
И шум от сшибки замер в небе.
Покой пустыни воплями был сыт,
Багряной кровью сумрак был залит,
И верен был случайный жребий.

Февраль 1899

Дон Жуан

Да, я – моряк! искатель островов,
Скиталец дерзкий в неоглядном море.
Я жажду новых стран, иных цветов,
Наречий странных, чуждых плоскогорий.

И женщины идут на страстный зов,
Покорные, с одной мольбой во взоре!
Спадает с душ мучительный покров,
Всё отдают они – восторг и горе.

В любви душа вскрывается до дна,
Яснеет в ней святая глубина,
Где все единственно и неслучайно.

Да! я гублю! пью жизни, как вампир!

Но каждая душа – то новый мир
И манит вновь своей безвестной тайной.

12 мая 1900

Мария Стюарт

О, если б знала ты, что пред тобою было,
Когда бежал корабль к туманной полосе,
От милой Франции к Шотландии немилой,
Все беды, весь позор и униженья все!

Любила ты балы и пышный чин обеден,
И отдалась стране, где властвует туман,
Где в замках дедовских строй жизни хмур и беден
И где звучат псалмы угрюмых пуритан.

Ты страсти жаждала, как неба жаждут птицы,
Вся подчинялась ей, тонула в ярких снах, —
И слышала в ответ название блудницы,
И твой возлюбленный погиб в твоих руках.

Потом, захвачена соперницей надменной,
В тюрьме ты провлекла семнадцать гордых лет,
И, наконец, без сил, к ее ногам, смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была ответ.

О! ты ждала ее! ты, с сердцем омертвелым,
У плахи слушала последних верных плач.
Но солгала и смерть: твоим безглавым телом
В последний раз насытился палач.

1901

Разоренный Киев

Четыре дня мы шли опустошенной степью.
И вот открылось нам раздолье Днепра,
Где с ним сливается Десна, его сестра...
Кто не дивится там его великолепию!

Но было нам в тот день не до земных красот!
Спешили в Киев мы – разграбленный, пустынный,
Чтоб лобызать хоть прах от церкви Десятинной,
Чтоб плакать на камнях от Золотых ворот!

Всю ночь бродили мы, отчаяньем объаты,

Среди развалин тех, рыдая о былом;
Мы утром все в слезах пошли своим путем...
Еще спустя три дня открылись нам Карпаты.

3 ноября 1898

О последнем рязанском князе Иване Ивановиче

Ой вы, струночки – многозвончаты!
Балалаечка – многознаечка!
Уж ты спой нам весело
Свою песенку,
Спой нам нонче ты, нонче ты, нонче ты...

Как рязанский князь под замком сидит,
Под замком сидит, на Москву глядит,
Думу думает, вспоминает он,
Как людьми московскими без вины полонен,
Как его по улицам вели давеча,
Природного князя, Святославича,
Как глядел на него московский народ,
Провожал, смеясь, от Калужских ворот.

А ему, князю, подобает честь:
В старшинстве своем на злат-стол воссесть.
Вот в венце он горит, а кругом – лучи!
Поклоняются князья – Мономаховичи.
По и тех любить всей душой он рад,
В племени Рюрика всем старший брат.

Вот он кликнет клич, кто горазд воевать!
Па коне он сам поведет свою рать
Па Свею, на Литву, на поганный Крым...
(А не хочет кто, отъезжай к другим!)
Споют гусяры про славную брань,
Потешат, прославят древнюю Рязань.

Но кругом темно – тишина, —
За решеткой в окно Москва видна,
Не услышит никто удалый клич,
За замком сидит последний Ольгович.
Поведут его, жди, среди воров
На злую казнь на кремлевский ров.

Ой вы, струночки – многозвончаты!
Ой подруженька – многознаечка!
Спой нам нонче ты, спой нам нонче ты,
Балалаечка!

27 ноября 1899

Наполеон

Да, на дороге поколений,
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след.

Ты скован был по мысли Рока
Из тяжести и властных сил:
Не мог ты не ступать глубоко,
И шаг твой землю тяготил.

Что строилось трудом суровым,
Вставало медленно в веках,
Ты сокрушал случайным словом,
Движеньем повергал во прах.

Сам изумлен служеньем счастья,
Ты, как пращой, метал войска,
И мировое самовластье
Бросал, как ставку игрока.

Пьянея славой неизменной,
Ты шел сквозь мир, круша, дробя.
И стало, наконец, вселенной
Невмоготу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханье гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью,
И пал, бессильный, на утес, —

Где, на раздольи одичалом,
От века этих дней ждала
Тебя достойным пьедесталом
Со дна встающая скала!

26 апреля 1901

У моря
Крым 1898 – 1899 г.
Ревель (Катериненталь) 1900 г.

* * *

Волны взбегают и пенятся,
Волны на шумном прибое;
Встанут и странно изменятся,
Гаснут в минутном покое.

Только что в дали сверкающей
Видел волны зарождение,
Миг – и с волной отбегающей
Тихо грохочут камня.

18 апреля 1898

* * *

Звезда затеплилась стыдливо,
Стопились тени у холма;
Стихает море; вдоль залива
Редает пенная кайма.

Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин, —
И вот в селеньи с минарета
Запел протяжно муэдзин.

20 апреля 1898

* * *

У перекрестка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из Корана.

Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз
К побережью вольного залива.

21 апреля 1898

* * *

Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижим полусонный.

Там дышат лавры и миндаль
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

30 апреля 1898

* * *

День растоплен; море сине;
Подступили близко горы.
Воздух чист, и четкость линий
Утомляет взоры.

Под столетним кедром – тени,
Отзвук утренней прохлады.
Слушай здесь, отдавшись лени,
Как трещат цикады.

24 июня 1898

* * *

Весь день был тусклый, бледный и туманный;
Шли облака в уныло-смутной смене;
Свет солнца был болезненный и странный,
И от деревьев не ложилось тени.

И лишь под вечер солнце мимолетно
Вдруг озарило море, даль и горы,
Все вспыхнуло в надежде безотчетной...
Но тьма настала, и смежились взоры.

24 июня 1898

* * *

Месяца свет электрический
В море дрожит, извивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

Волны взбегают упорные,
Мечутся, дикие, пленные,
Гибнут в борьбе, непокорные,
Гаснут, разбитые, пенные...

Месяца свет электрический
В море змеится, свивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

21 апреля 1898

* * *

Словно птица большая
Неизведанных стран,
Поднялся, улетаю,
Беспощадный туман.

Поднялся и помчался
Над морской глубиной,
Развивался, свивался
И исчез за водой.

Вновь зеленые склоны
Нам открылись; и лес
Отвечал, возрожденный,
На приветы небес.

13 мая 1898

* * *

Лежу на камне, солнцем разогретом,
И отдаюсь порывам теплым ветра.
Сверкают волны незнакомым светом,
В их звучном плеске нет родного метра.

Смотрю, на волны; их неверных линий
Не угадав, смущен их вечной сменой...
Приходят волны к нам из дали синей,
Взлетают в брызгах, умирают пеной.

Кругом сверканье, говор и движенье,
Как будто жизнь, с водой борьба утесов...
Я не пойму, в чем тайный смысл волненья,
А морю не понять моих вопросов.

28 апреля 1898

* * *

Кипит встревоженное море,
Мянутся волны, как в плену;
Померк маяк на Ай-Тодоре,
Вся ночь приветствует луну.

Луна державно делит море:
То мрак, то отблесков игра.
И спит в серебряном просторе
Мир парусов из серебра.

27 июня 1899

* * *

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий.
По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге.

Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены.
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.

30 июня 1899

* * *

Обошла тропа утес,
Выше всходят буки.
Позади лесные звуки,
Крики птиц, и диких коз.

Впереди редееет лес,
Камни у вершины,
Ветра свист, полет орлиный,
Даль земли и даль небес.

21 июля 1899

* * *

Небо чернело с огнями,
Море чернело без звезд.
Плотно обложен камнями
Был изогнутый обезд.

Вниз виноградник по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались брат к брату...
Помнишь? мы шли той тропой!

1899

* * *

Белый цвет магнолий
Смотрит, как глаза.
Страшно жить на воле:
Чуется гроза.

Волны, словно стекла,
Отражают блеск.
Чу! в траве поблеклой
Ящерицы треск.

Вкруг смотрю смущенно,
Взор в листву проник:
Там к цветку склоненный
Юный женский дик.

1899

* * *

Облака цепляются
За вершины гор.
Так слова слагаются

В смутный разговор.

Горьки и томительны
Жалобы твои:
То рассказ мучительный
О былой любви.

Слушаю и думаю
Как в тяжелом сне.
Облако угрюмое
Вниз ползет ко мне.

Июль 1896

* * *

Мерно вьет дорога
Одинокий путь.
Я в руках у бога,
Сладко дышит грудь.

Гордо дремлют буки,
Чаща без границ.
Все согласны звуки
С голосами птиц.

Манит тихим зовом
Зашумевший ключ.
Ветки свисли кровом
От пролетных туч.

Близкий, бесконечный,
Вольный лес вокруг,
И случайный встречный
Как желанный друг.

14 июля 1899

* * *

Ветер с моря волны гонит,
Роет отмель, с сушей споря;
Ветер дым до зыби клонит,
Дым в пространствах вольных моря.

Малых лодок реет стая,
Белым роем дали нежит.

В белой пене тихо тая,
Вал за валом отмель режет.

29 мая 1900

* * *

Из-за облака скользящий
Луч над эмблемой водой
Разбивается блестящей,
Серебристой полосой.

И спешит волна с тревогой
В ярком свете погореть,
Набежать на склон отлогий,
Потемнеть и умереть.

5 июня 1900

* * *

Море – в бессильном покое,
Образ движенья исчез.
Море – как будто литое
Зеркало ясных небес.

Камни, в дремоте тяжелой,
Берег, в томительном сне,
Грезят – о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волне.

24 июля 1900

Закат

Видел я, над морем серым
Змей-Горыныч пролетал.
Море в отблесках горело,
Отсвет был багрово-ал.

Трубы спящих броненосцев,
Чаек парусных стада
Озарились блеском грозным
Там, где зыблилась вода.

Сея огненные искры,

Закатился в тучу Змей;
И зажглись румянцем быстрым
Крылья облачные фей.

19 июня 1900

Еще закат

*И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.*
Тютчев

Свой круг рисуя все ясней,
Над морем солнце опускалось,
А в море полоса огней,
Ему ответных, уменьшалась.

Где чары сумрака и сна
Уже дышали над востоком,
Всходила мертвая луна
Каким-то жаждущим упреком.

На вдоль по тучам, как убор,
Сверкали радужные пятна,
И в нежно-голубой простор
Лился румянец предзакатный.

28 июня 1900

В стенах

* * *

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.
Меня страшит безмерность
И чудо божьих дел.

Люблю дома, не скалы.
Ах, книги краше роз!
— Но милы мне кристаллы
И жало тонких ос.

13 ноября 1898

* * *

Я люблю большие дома
И узкие улицы города, —
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.

Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные, —
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.

Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие, —
В миг, когда песню глубоко таю,
Но в восторге слышу созвучия.

29 августа 1898

* * *

Когда сижу один и в комнате темно,
И кто-то за стеной играет долго гаммы, —
Вдруг фонари зажгут, и свет, пройдя в окно,
Начертит на стене оконные две рамы;
И мыслю я тогда, усталый и больной:
«Фонарь, безвестный друг! ты близок! ты со мной!»

А после из-за крыш подыметя луна,
И, вспыхнув, облака уйдут как фимиамы,
И светлый луч луны, пройдя стекло окна,
Начертит явственной оконные две рамы;
О, как я оживлен! дрожа, мечтаю я:
«Луна, заветный друг! ты близко! ты – моя!»

22 ноября 1898

* * *

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свет
Умиряет усталые взоры, —
Мне слышится счастья привет.

Мне не нужно яркого блеска,
Красоты и величья небес.
Опустись, опустись, занавеска!
Весь мир отошел и исчез.

Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.
— Да! я знаю, как сладки вериги
В глубине безысходных пещер.

3 октября 1899

* * *

Я провижу гордые тени
Грядущих и гордых веков,
Ушедшие в небо ступени,
Застывшие громады домов;

Улицы, кишачие людом,
Шумные дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудом,
Где каждый миг – роковой;

Всю мощь безмерных желаний,
Весь ужас найденных слов, —
Среди неподвижных зданий,
В теснине мертвых домов.

20 марта 1899

* * *

Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумрак улиц священный!
Тайно тебе поклоняюсь,
Будущий царь вселенной!

Ты далёко руки протянешь,
В пустыни, ко льдам, на горы;
Солнечный свет затуманишь,
К полутьме приучишь взоры.

Тайно тебе поклоняюсь,
Гряди, могущ и неведом!
Пред тобой во прах повергаюсь
Пусть буду путем к победам.

27 апреля 1899

* * *

Люблю вечерний свет, и первые огни,
И небо бледное, где звезд еще не видно.
Как странен взор людей в медлительной тени,
Им на меня глядеть не страшно и не стыдно.

И я с людьми как брат, я все прощаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим в тихой смене,
За то, что вместе мы на грани снов скользим,
За то, что и они, как я, – причастны тени.

4 – 5 октября 1899

* * *

Мы к ярким краскам не привыкли,
Одежда наша – цвет земли;
И робким взором мы поникли,
Влачимся медленно в пыли.

Мы дышим комнатною пылью,
Живем среди картин и книг,
И дорог нашему бессилью
Отдельный стих, отдельный миг.

А мне что снится? – дикие крики.
А мне что близко? – кровь и война.
Мои братья – северные владыки,
Мое время – викингов времена.

9 марта 1899

* * *

Зодчество церквей старинных,
Современный прихотливый свод,
Много зданий – высоких, длинных,
Улицы неуверенный поворот.

Проходящих теней вереница,
Отрывки неугаданных слов,
Женские мимолетные лица
И смутная память шагов.

15 марта 1899

* * *

Вы, снежинки, вейте,
Нас лишь пожалейте!
Вас, снежинок, много, много,
И летите вы от бога.

Где нам с вольными бороться!
Вам привольно, вам поется.
Захотите, – заметете,
Город в цепи закуете...

1899

На даче

Растопленный день вечереет,
Бесцветное небо померкло,
И призрачный месяц светлее
Над редкой сеткой из веток.

Затеплились окна под крышей,
В садах освещенные пятна,
И, словно летучие мыши,
Шныряют кругом самокаты.

Апрель 1899

* * *

Церкви, великие грани,
Голос ваш радостно строг!
В мире размеренных зданий
Смотрите вы на Восток.

Цепью застывших строений
Скованы думы и сны.
В городе вы – словно тени
Тихо встающей весны.

7 марта 1900

* * *

Облеченные в одежды
Длинно-тяжкие, – не мы
К красоте откроем вежды,
Мы – в темницах серой тьмы.

Грез прибежище и нега,
Тело женское! – в мехах,
В шерсти, в шарфах, в царстве снега
Ты лишь безобразный прах.

Есть живое возрожденье!
Краски, розы, нагота!
Так, творите вы мгновенье...
Кто же вас творит? – Мечта.

19 января 1900

* * *

Улицей сонной и тихой
В белом сиянии дня
Шел он весело, лихо...
Девушка – взоры склоня.

Он выдавался нарядом,
Хоть был некрасив, невысок;
Девушка с задумчивым взглядом

Робкий несла узелок.

Двери публичного дома
Вскрылись в сиянии дня.
Он лихо вошел, как знакомый, —
Девушка – взоры склоня.

14 марта 1900

* * *

Месяц серпом умирающим
Смутно висит над деревьями;
Тени встают умоляюще,
Тянутся ветви виденьями.

Зданья одеты туманами,
Линии гаснут мучительно,
Люди – как призраки странные,
Конки скользят так таинственно.

Мир непонятно-пугающий,
Чуждая взорам вселенная!
– Месяц, лишь ты, умирающий,
Вечно твердишь неизменное.

15 декабря 1897

* * *

Огни «электрических конок»
Браздят потемневший туман,
И зов колокольчиков звонок...
Пускается в путь караван.

Там, в душную втиснут каюту,
Застывший, сроднившийся вдруг
(Друзья и враги на минуту!)
Прохожих изменчивый круг.

Беседы и облик безмолвный,
Ряды сопоставленных лиц...
О конки! вы – вольные челны
Шумящих и строгих столиц.

23 июля 1900

* * *

Я видел искры от кирки,
Ударившей о камень.
Вы, силы пламени, легки,
Люблю тебя, о пламень!

Ты встанешь некогда врагом,
Ты до неба воспрянешь!
И день, венчанный вечным днем, —
Я жду, — и ты настанешь!

8 марта 1900

* * *

Словно нездешние тени,
Стены меня обступили:
Думы былых поколений!
В городе я — как в могиле.

Здания — хищные звери
С сотней несытых утроб!
Страшны закрытые двери:
Каждая комната — гроб!

16 сентября 1900

* * *

В борьбе с весной редет зимний холод,
Сеть проволок свободней и нежней,
Снег, потемневший, сложен в кучи, сколот,
Даль улицы исполнена теней.

Вдали, вблизи — все мне твердит о смене:
И стаи птиц, кружащих над крестом,
И ручеек, звеня, бегущий в пене, —
И женщина с огромным животом.

25 февраля 1899

Еще сказка

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

Любовь

Не мысли о земном и малом
В дыханьи бури роковой, —
И, не стыдясь святого страха,
Клони чело свое до праха.
Любовью – с мировым началом
Роднится дух бессильный твой.

Любовь находит черной тучей.
Молись, познав ее приход!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто б ни подал кубок жгучий, —
В нем дар таинственных высот.

17 мая 1900

* * *

Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч.
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч.

Шли тополя по придорожью,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья – дрожью
Напоминали сон весны.

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире – я и ты.

Когда, забыв о дольном плаче,
В пространствах две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!

23 октября 1900

* * *

Я – мотылек ночной. Послушно
Кружусь над яркостью свечи.
Сияет пламя равнодушно,
Но так ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть, —
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!

Вот всё невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненной круг,
Так явно неизбежна участь,
Но в паданьи захвачен дух.
Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный —
И пламя обовьет меня.

Сентябрь 1900

* * *

По холодным знакомым ступеням
Я вошел в позабытый дворец
(К поцелуям, и клятвам, и пеням),
Оглянулся, как жалкий беглец.

Здесь, ребенком, изведаль я годы,
Поклонялся величию дворца;
Словно небо, казались мне своды,
Переходы кругом – без конца.

Ликовать иль рыдать о измене?
Как все тесно и жалко теперь
(Поцелуи, и клятвы, и пени...)
...И открыл я заветную дверь.

25 января 1900

* * *

Да, эту улицу я знаю:
Все виды вдаль и каждый дом,
И я, испуганно, встречаю
Святые думы – о былом!

Я здесь, как мальчик, неумело
Условного свиданья ждал...
Зачем же то мгновенье цело,
Когда я сам – не мальчик стал!

С улыбкой, но со взором строгим
Сейчас ко мне ты подойдешь,
И будем мы, подобно многим,
В словах мешать любовь и ложь.

И, после, кисти над альковым
В позорной пляске задрожат,
И я возьму восторг готовым,
Не так, как много лет назад!

Зачем же снова, – ныне! ныне! —
За валом сумрачных годов,
Былое высится святыней,
И плакать я пред ним готов!

Как страшно здесь, где все знакомо,
Как прежде, милой встречи ждать,
Но знать, что роковой истомой
Не может сердце задрожать!

3 сентября 1900

* * *

Строгий, холодный и властный
Свет невосшедшего дня.
Улицы мертво-бесстрастны,
Путь убегает, маня.

В светлом безмолвии утра
Двое нас в мире живых!
В облаках игра перламутра.
Румянец затепленный тих.

В ущельи безжизненных зданий
Мы дышим неземной тишиной,
В этот час не хотим ожиданий...
Довольно, что ты – со мной.

Настало что-то... Как дети,
Сознаем мы исполненный миг.
Утро в холодном свете,
Ты. лучше песен и книг!

Апрель 1900

* * *

Роскошен лес в огне осеннем,
Когда закатом пьян баgreц,
И ты, царица, входишь к теням,
И папоротник – твой венец!

Листва живет мгновеньем пышным,
От всех надежд отрешена,
И стало будущее лишним,
И осень стала, как весна!

Но вздрогнешь ты у той поляны,
Где мой припомнится привет,
И долго будет лист багряный
Хранить замедленный твой след.

28 сентября 1900

* * *

Я помню свет неверно-белый
И запах роз, томивший нас,
Взор соблазнительно несмелый,
И этот весь вечерний час.

Мы были двое... Тени с нами.
Лишь изредка твоей руки
Касаясь жадными губами,
Дышал я таинством тоски.

И сдвинулись неслышно тени,
Все ложью опьянила мгла, —
Но правду беглых отражений
Вдаль уводили зеркала.

Апрель 1900

* * *

В моих словах бесстыдство было,
В твоих очах – упорство дня,
И мы боролись с равной силой,
Друг друга жажда и кляня.

А мальвы листьями встречались,
Клонясь под тихим ветерком,
И сосны яростно качались
В просторе слишком голубом.

О, если каждый образ вечен
И полны прошлым небеса,
То в безднах этот миг отмечен
Как огневая полоса!

3 сентября 1900

* * *

И снова ты, и снова ты,
И власти нет проклясть!
Как Сириус палит цветы
Холодным взором с высоты,
Так надо мной восходишь ты,

Ночное солнце – страсть!

Мне кто-то предлагает бой
В ночном безлюдьи, под шатром.
И я, лицом к лицу с судьбой,
И я, вдвоем с тобой, с собой,
До утра упоен борьбой,
И – как Израиль – хром!

Дневные ринутся лучи, —
Не мне пред ними пасть!
Они – как туча саранчи.
Я с богом воевал в ночи,
На мне горят его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!

11 сентября 1900

* * *

Я имени тебе не знаю,
Не назову.
Но я в мечтах тебя ласкаю...
И наяву!

Ты в зеркале еще безгрешней,
Прижмись ко мне.
Но как решить, что в жизни внешней
И что во сне?

Я слышу Нил... Закрыты ставни...
Песчаный зной...
Иль это только бред недавний,
Ты не со мной?

Иль, может, всё в мгновенной смене,
И нет имен,
И мы с тобой летим, как тени,
Как чей-то сон?..

2 октября 1900

* * *

Мысль о тебе меня весь день ласкает,
Как легкий, ветерок в полдневный жар цветы;
И, слово за слово, наш разговор мелькает,

И хочется, смутясь, тебе промолвить: «ты»!

Благословляю вас, мгновенья жизни полной!
Вы к медленным часам даете волю вновь.
Так от весла, в тиши, бегут далеко волны...
На крыльях, на волнах ты мчишь меня, любовь!

Февраль 1900

* * *

Часы прошли, как сон изменчивый,
О вечер! наступай и ты,
И встречей длительной увенчивай
Весь день томившие мечты!

Любовь горит еще нетленнее,
Пройдя мучительство сует.
Так небо, серое, осеннее,
Звезды пронизывает свет.

26 сентября 1900

* * *

Настал заветный час дремотный.
Без слов, покорствуя судьбе,
Клонюсь я к бездне безотчетной
С последней думой – о тебе!

В мечты мои ты льешь, царица,
Свет с изумрудного веща,
И дня прочтенная страница
Тобою дышит до конца.

13 сентября 1900

* * *

Тоска бродячего светила
По дерзкой вольности своей
Меня недавно осенила
В раздольи голубых полей.

Но вновь, как верная комета,
Свершив размеренный свой путь,

Я возвращаюсь к бездне света —
В сиянии солнца потонуть.

И вольность синяя забыта,
Лучи нахлынули, пьяня,
И сладостно, как власть магнита,
Влиянье жгучего огня.

23 октября 1900

«О да! Я – темный мотылек...»

Я – мотылек ночной...

В. Брюсов

О да! Я – темный мотылек,
Кружусь я, крыльями стуча;
На гибель манит огонек...
О да! я – темный мотылек,
Но я и светлая свеча.

Я чувствую свои лучи;
Их свет приветен и глубок,
И ты над пламенем свечи,
Вливая жгучие лучи,
Кружишься, белый мотылек!

И кто к кому? ко мне ли ты,
К тебе ли я, иль мы с тобой?
Твои глаза – мои ль мечты?
В тебе ли я? во мне ли ты?
– Мы оба пойманы судьбой!

23 сентября 1900

* * *

Ты умеешь улыбаться
Тихим трепетом ресниц...
Сладко в небе колыхаться
Перелетным стаям птиц.

Ты умеешь быть желанной
Сквозь вседневные слова...
Ветер дышит над саванной,
Знойно клонится трава.

Рук любовных приближенье
Нежно веет у лица...
Даль без тени и движенья,
Травы, небо без конца!

23 сентября 1900

* * *

Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что ж нам приманчивей: купол ли звездный,
Пропасть ли, полная сном?

Крылья умчат ли от жизни усталой
К новой и светлой весне?
Или нам падать и биться о скалы,
Корчиться жалко на дне?

С каждым мгновеньем сознание неверней:
Хмель – так стремиться вдвоем!
Мрак за звездами и звезды по черни...
Где мы и кто, не поймем!

Снизу ль высоты, над нами ль глубины?
Как нам теперь рассмотреть?
Может быть, падая вниз со стремнины,
К звездам мы будем лететь?

Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что же приманчивей: купол ли звездный,
Пропасть ли, полная сном?

Апрель 1900

* * *

Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое,
Что месяц, гость небес, заглянет к нам в окно,
Что грохот города нарушит все ночное
И будет счастье тьмы меж зорь схоронено.

Мне грустно оттого, что завтра ты с другими
Смешаешься в одной вскипающей волне,
И будешь между них, и будешь вместе с ними,
И хоть на краткий миг забудешь обо мне...

О, если б быть одним, в высокой, строгой башне,
Где ламп кровавый свет затеплен навсегда,
Где вечно только ночь, как завтра – день вчерашний,
И где-то без конца шумит, шумит вода!

Отторжены от всех, отъяты от вселенной,
Мы были б лишь вдвоем, я – твой, ты – для меня!
Мы были б как цари над вечностью мгновенной,
И год сменял бы год, как продолжение дня.

Декабрь 1900

Милая правда

Первая звездочка

Первая звездочка! око вечернее,
Привет тебе!
Вечером сердце мое суевернее:
Молюсь Судьбе.

Первая звездочка! будь обещанием
Счастливых дней!
Слишком измучен я долгим блужданием
В кругу теней.

Глянули сестры твои, светлоокие,
Вот здесь, вот там...
Звездочки! блески! – святые, далекие!
Я верю вам!

21 мая 1897

В день святой Агаты 6 февраля

Имя твое непорочно и свято
В кругу святых.
Примешь ли ты благодарность, Агата,
В стихах моих?

Строгой подвижницей, к высшему счастью
Стремилась ты,
Эти же строфы подсказаны страстью,
Вином мечты.

Нет! свет любви перед взором блаженных
Горит сквозь тень:
Верю, – простишь ты и нас, дерзновенных,
В свой светлый день!

25 июня 1897

Я люблю ...

...между двойною бездной...

Ф. Тютчев

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.

В светлом небе – бесконечность: бесконечность милых глаз.
В светлом взоре – беспредельность: небо, явленное в нас.

Я смотрю в пространства неба, небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же даль – пространств и даль времен.

Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею, отражен в своих мечтах.

Так, заброшены на землю, к небу всходим мы, любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,

26 июня 1897

Близкой

И когда меня ты убьешь,
Ты наденешь белое платье,
И свечи у трупа зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.

И будем с тобой мы одни
Среди безмолвия ночи;
Лишь будут змеиться огни
И глядеть мои тусклые очи.

Потом загорится рассвет
И окна окрасит кровью, —
И ты засмеешься в ответ
И прильнешь к моему изголовью.

13 октября 1897

Фея фонтанов

Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев,
Ты из летучих туманов

Вестником вышла на зов.

Ты из летучих туманов
Вышла на трепетный зов
Около старых платанов
В час окликания сов.

Около старых платанов
Слушал я оклики сов.
Высился гор-великанов
Призрак, зловеще-суров.

Призраки гор-великанов...
Тень виноградных кустов...
Ждал я желанных обманов,
Мгле доверяя свой зов.

Ждал я желанных обманов...
Ты мой услышала зов,
Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев.

11 мая 1898

* * *

И небо и серое море
Уходят в немую безбрежность.
Так в сердце и радость и горе
Сливаются в тихую нежность.

Другим – бушевания бури
И яростный ропот прибоя.
С тобой – бесконечность лазури
И ясные краски покоя.

На отмель идут неизбежно
И гаснут покорные волны.
Так думы с беспечностью нежной
Встречают твой образ безмолвный.

7 июня 1900

Колыбельная песня

Мы забавляемся
Нашей судьбой,

Тихо качаемся
В люльке с тобой.

Фея-кудесница
Песню поет,
К месяцу – лестница
Света ведет.

Ангелы мирные
Сходят по ней,
Светят, эфирные,
В мире теней.

Мы улыбаемся
С томной мольбой.
Тихо качаемся
В люльке с тобой...

30 января 1898

* * *

К твоему плечу прижаться
Я спешу в вечерний час.
Пусть глаза мои смежата:
Звуки стихли, свет погас.

Тихо веет лишь сознание,
Что с тобой мы здесь вдвоем,
Словно ровное мерцание
В безднах, выветренных сном.

Просыпаясь, в дрожи смутной
Протяну к устам уста:
Знать, что ты – не сон минутный,
Что блаженство – не мечта!

Засыпая, помнить буду,
Что твой милый, нежный лик
Близко, рядом, где-то, всюду, —
Мой ласкательный двойник!

И так сладко, так желанно,
На плечо припав твое,
Забывать в истоме жданной
Чье-то злое счастье... чье?

10 октября 1900

Близким

К портрету Лейбница

Когда вникаю я, как робкий ученик,
В твои спокойные, обдуманые строки,
Я знаю – ты со мной! Я вижу строгий лик,
Я чутко слушаю великие уроки.

О Лейбниц, о мудрец, создатель вещей книг!
Ты – выше мира был, как древние пророки.
Твой век, дивясь тебе, пророчеств не постиг
И с лестью смешивал безумные упреки.

Но ты не проклинал и, тайны от людей
Скрывая в символах, учил их, как детей.
Ты был их детских снов заботливый хранитель.

А после – буйный век глумился над тобой,
И долго ждал ты час, назначенный судьбой...
И вот теперь встаешь, как Властный, как Учитель!

25 ноября 1897

К портрету М. Ю. Лермонтова

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

6 – 7 мая 1900

На смерть И. Лялечкина

Набегают вечерние тени,
Погасает сиянье за далью.
Облеянный тихой печалью,
Уронил я письмо на колени.

Облеянный тихой печалью,
Вспоминаю ненужные грезы...
А в душе осыпаются розы,
Погасает сиянье за далью.

Да, в душе осыпаются розы.
Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел над тропинкой росистой,
Ты внушил нам ненужные грезы!

Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел на ночном небосклоне,
Но предтечей безвестных гармоний
Закатился за далью росистой.

Ты предтечей безвестных гармоний
Тихо канул в вечерние тени!
Уронил я письмо на колени,
Утонул я в ночном небосклоне...

2 марта 1895

К портрету К. Д. Бальмонта

Угрюмый облик, каторжника взор!
С тобой роднится веток строй бессвязный,
Ты в нашей жизни призрак безобразный,
Но дерзко на нее глядишь в упор.

Ты полюбил души своей соблазны,
Ты выбрал путь, ведущий на позор;
И длится годы этот с миром спор,
И ты в борьбе – как змей многообразный.

Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,

Но я в тебе люблю, – что весь ты ложь,

Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.

1899

К. Д. Бальмонту

Нет, я люблю тебя не яростной любовью,
Вскипающей, как ключ в безбрежности морской,
Не буду мстить тебе стальным огнем и кровью,
Не буду ждать тебя, в безмолвной тьме, – с тоской.

Плыви! ветрила ставь под влажным ветром косо!
Ты правишь жадный бег туда, где мира грань,
А я иду к снегам, на даль взглянуть с утеса.
Мне – строгие стези, ты – морем дух тумань.

Но, гребень гор пройдя, ущелья дня и ночи,
И пьян от всех удач, и от падений пьян,
Я к морю выйду вновь, блеснет мне пена в очи, —
И в Город я вступлю, в столицу новых стран.

И там на пристани я буду, в час рассветный, —
Душа умирена воскресшей тишиной, —
С уверенностью ждать тебя, как сон заветный,
И твой корабль пройдет покорно предо мной.

Мой образ был в тебе, душа гляделась в душу,
Былое выше нас – мы связаны – ты мой!
И будешь ты смотреть на эту даль, на сушу,
На город утренний, манящий полутьмой.

Твой парус проводив, опять дорогой встречной,
Пойду я – странник дней, – и замолчит вода.
Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный,
Где ты, мне все равно, но ты со мной всегда!

Ноябрь 1900

Юргису Балтрушайтису

Ты был когда-то каменным утесом
И знал лишь небо, даль да глубину.
Цветы в долинах отдавались росам,
Дрожала тьма, приветствуя луну.

Но ты был чужд ответам и вопросам,

Равно встречая зиму и весну,
И только коршун над твоим откосом
Порой кричал, роняя тень в волну.

И силой нам неведомых заклятий
Отъятый от своих стихийных братии,
Вот с нами ты, бывшее позабыв.

Но взор твой видит всюду – только вечность,
В твоих словах – прибой быстротечность,
А голос твой – как коршуна призыв.

Декабрь 1900

«Призраки», картина М. Дурнова

Это они – соблазненные! —
В час умилений ночных, —
Усыпленные, полусонные...
Не надо помнить об них.

Облака потянулись холодные,
Птиц таинственный рой,
Цветы раскрылись бесплодные, —
Зелень ярка под горой.

Вам близки отжившие, мертвые!
Дьяволы шепчут об чем?
Это мечты, – мечты полустертые
В одиноком, далеком былом.

11 марта 1900

Г. Г. Бахману

Вся красота тебе доступна!
Тебе ясна ее звезда:
И в глубине мечты преступной,
И в безднах рабского труда.

Толпа безвестных, безымянных,
Покорно бивших о гранит,
Среди пустынь, как сон пространных,
Воздвигла чудо пирамид.

И ты вступаешь в сонмы черни,
Ее речами говоря,

И славись труд, – да суеверней
Она приветствует царя.

25 ноября 1899

Случайной

Одна из осужденных жриц...
Chefs d'œuvre

Я люблю в глазах оплывших
И в окованной улыбке
Угадать черты любивших —
До безумья, до ошибки.

Прочитать в их лживых ласках,
В повторительных движениях,
Как в бессмертно-верных сказках,
О потерянных томленьях.

За бессилием бесстрастья,
Не обманут детской ложью,
Чую ночи сладострастья,
Сны, пронизанные дрожью,

Чтя, как голос неслучайный,
Жажду смерти и зачатий,
Я люблю за отблеск тайны
Сон заученных объятий.

5 июня 1899

Памяти Е. И. П.

Мы встретились с нею в пустыне,
Утром в пустыне.
Солнце палило песок.
Торопливо шел я – на Запад,
Она – на Восток.

Лицо ее, полное светом,
Полное светом,
Словно сияло в лучах;
И таились вещие тайны
В глубоких очах.

Надеждой сердце забилося,

Сердце забилося,
Веря, что миг тот высок...
И мы молча прошли, я – на Запад,
Она – на Восток.

28 августа 1897

Ей же

Огонь еще горит, и светит, светит нам, —
А тени серые легли по сторонам
И чутко сторожат его невольный трепет.
Но не мерцает он, и дрожь его, как лепет,
Как лепет медленный, как тихие слова.
Он шепчет свой завет пред ликом божества,
Он с нами говорит, слабеет, но сияет,
И – светлый, как всегда – покорно угасает.

7 сентября 1897

По поводу сборников «Русские символисты»

Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день;
Мы были дерзки, были дети,
Нам все казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далеко первая ступень.
Пять беглых лет – как пять столетий,

22 января 1900

По поводу «ME EUM ESSE»

«О, эти звенящие строки!
Ты сам написал их когда-то!»
– Звенящие строки далеки,
Как призрак умершего брата.

«О, вслушайся в голос подруги!
Зову я к восторгам бесстрастья!»
– Я слышу, на радостном Юге
Гремят сладострастно запястья.

«Я жду, я томлюсь одиноко,
Мне луч ни единый не светит!»

– Твой голос далеко, далеко,
Тебе не могу я ответить.

8 ноября 1897

К самому себе

Я желал бы рекой извиваться
По широким и сочным лугам,
В камышах незаметно теряться,
Улыбаться небесным огням.

Обогнув стародавние села,
Подремав у лесистых холмов,
Раскатиться дорогой веселой
К молодой суете городов.

И, подняв пароходы и барки,
Испытав и забавы и труд,
Эти волны, свободны и ярки,
В бесконечный простор потекут.

Но боюсь, что в соленом просторе
Только сон, только сон бытия!
Я хочу и по смерти и в море
Сознавать свое вольное «я»!

28 июля 1900

Книжка для детей

Зеленый червячок

Как завидна в час уныний
Жизнь зеленых червячков,
Что на легкой паутине
Тихо падают с дубов!

Ветер ласково колыхнет
Нашу веющую нить;
Луг цветами пестро вышит,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь,
Над цветами мы одни,
В солнце нежимся, купаясь,
Быстро мечемся в тени.

Вихрь иль буря нас погубят,
Смоет каждая гроза,
И на нас охоту трубят
Птиц пролетных голоса.

Но, клонясь под дуновеньем,
Все мы жаждем ветерка;
Мы живем одним мгновеньем,
Жизнь – свободна, смерть – легка.

Нынче – зноен полдень синий,
Глубь небес без облаков.
Мы на легкой паутине
Тихо падаем с дубов.

13 июня 1900

Красная Шапочка

Подражание Тристану Клингсору

«Красная шапочка! Красная шапочка!
Девочка, что ты спешишь?
Видишь, порхает за бабочкой бабочка,
Всюду и прелесть и тишь.

Что там уложено в этой корзиночке?»
«Яйца, и сыр, и пирог...
Ах, по росе как промокли ботиночки,
Путь так далек, так далек!»

Девочка дальше бежит все поспешнее,
Волка боится она...
Кто на пригорке сидит? – то нездешние?
Ах, это сам сатана.

В шапку с рогами и в плащ поизношенный
Он, словно нищий, одет.
Вот он навстречу встает и, непрошенный,
Ей говорит свой привет.

«Ах, господин сатана, вот вы видите:
Яйца здесь, сыр и пирог.
Если сегодня меня не обидите,
На небо примет вас бог».

«Ну, покажи мне дорогу, миньоночка!» —
Поднял он руку свою,
Нож засверкал под сиянием солнышка...
Девочка! вот ты в раю.

13 января 1898

Дозор

Я слежу дозором
Медленные дни.
Пред пристальным взором
Светлеют они.

Люблю я березки
В Троицын день,
И песен отголоски
Из ближних деревень.

Люблю я шум без толку,
Когда блеснит мороз,
В огнях и в искрах елку,
Час свершенных грез.

И братские бокалы,
Счастье – Новый год!
Вечно неусталый
Времени оборот.

Люблю я праздник чудный
Воскресенье Христа.
Попелуй обоюдный
Сближает уста.

И дню Вознесения
Стихи мои.
Дышит нега весенняя,
Но стихли ручьи.

Так слежу дозором
Времени оборот.
Пред пристальным взором
Прекрасен весь год.

27 декабря 1899

Рождество Христово

Он вошел к Ней с пальмовой ветвью,
Сказал: «Благословенна Ты в женах!»
И Она пред радостной вестью
Покорно склонилась во прах.

Пастухи дремали в пустыне,
Им явился ангел с небес,
Сказал: «Исполнилось ныне!» —
И они пришли в Вифлеем.

Радостью охвачен великой,
Младенца восприял Симеон:
«Отпускаеши с миром, Владыко,
Раба твоего — это Он!»

Некто, встретив Филиппа,
Говорит: «Гряди по Мне!»
И пошел рыбак Вифсаиды
Проповедовать мир земле.

Блаженны не зревшие,
Все сердцем понявшие,
В восторге сгоревшие!
Как дети,
Тайну принявшие!
Им поклоняюсь,
В их свете
Теряюсь.

Я, раб господен,
Им да буду подобен.

23 декабря 1898

Пасха, праздникам праздник

Проклинайте молодость,
Осуждайте девственность, —
Нам в пороке холодно,
Любим мы естественность:
Небо и воды,
Пещерные своды,
Все раздолье природы.

Не хотим мы радостей
Духа бестелесного;
Счастливы мы сладостью
Земного, известного.
Мы любим сказки,
Заката краски,
Любовные ласки.

О дети заблудшие
Мира бездольного,
Что в мире лучше
Звона колокольного
В туманной тени
Ночи весенней,
В час молений?

25 декабря 1898

В старинном храме

В этой храмине тесной,
Под расписанным сводом,
Сумрак тайны небесной
Озарен пред народом.

В свете тихом и чистом,
В легком дыме курений,
Словно в мире лучистом,
Ходят ясные тени.

Слышно детское пенье,
Славословие светам,

В сладкой смене молении
Умиленным ответом.

А вдали в полусвете
Лики смотрят с иконы,
К нам глядят из столетий
Под священные звоны.

29 августа 1899

Слепой

Люблю встречать на улице
Слепых без провожатых.
Я руку подаю им,
Веду меж экипажей.

Люблю я предразлучное
Их тихое спасибо;
Вслед спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.

И думаю, и думаю:
Куда он пробирается,
К племяннице ли, к другу ли?
Его кто дожидается?

Пошел без провожатого
В путину он далекую;
Не примут ли там старого
С обычными попреками?

И встретится ль тебе, старик,
Бродяга вновь такой, как я же?
Иль заведет тебя шутник
И бросит вдруг меж экипажей?

13 октября 1899

Мыши

В нашем доме мыши поселились
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,

То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал, – свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше, утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

Демоны пыли

Есть демоны пыли,
Как демоны снега и света.
Есть демоны пыли!
Их одежда, багряного цвета,
Горит огнем.
Но серым плащом
Они с усмешкой ее закрыли.

Демоны пыли
На шкапах притаились, как звери,
Глаза закрыли.
Но едва распахнутся двери,
Они дрожат,
Дико глядят;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Где они победили,
Там покой, там сон, сновиденья,
Как в обширной могиле.
Они дремлют, лежат без движенья,
Притаясь в углу,
Не смотрят во мглу,
Но помнят сквозь сон, что они победили.

О демоны пыли!
Вы – владыки в красочном мире!
О демоны пыли!
Ваша власть с веками все шире!
Ваш день придет, —
И все уснет

Под тихое веянье серых воскрылий.

21 февраля 1899

Коляда

Баба-Яга

Я Баба-Яга, костяная нога,
Где из меда река, кисель берега,
Там живу я века – ага! ага!

Кощей

Я бессмертный Кощей,
Сторож всяких вещей,
Вместо каши да шей
Ем стрекоз и мышей.

Солнце

Люди добрые, солнцу красному,
Лику ясному,
Поклонитесь, улыбнитесь
Распрекрасному.

Утренняя звезда

Пробудись, земля сыра!
Ночи минула пора!
Вышла солнцева сестра!

Месяц

Я по небу хожу,
Звезды все стерегу,
Все давно заприметил,
Сам и зорок и светел.

Звезды

Мы звездочки, частые,
Золотые, глазастые,
Мы пляшем, не плачемся,
За тучами прячемся.

Радуга

Распустив волоса,

Разлеглась я, краса,
Словно путь-полоса
От земли в небеса.

Дед

Мы пришли,
Козу привели, —
Людей веселить,
Орешки дробить,
Деток пестовать,
Хозяев чествовать.

24 декабря 1900

Девочка

Что же ты плачешь,
Девочка, — во сне?
Голову прячешь
На грудь ко мне?

Ангел божий
Любит, если смеются.
На него похожи
Дети, когда проснутся.

Ты меня не узнала?
Прижмись ко мне.
А что тебя испугало,
Это было во сне.

6 ноября 1899

Утро

Ночным дождем повалена,
Вся в серебре трава;
Но в облаках проталина —
Живая синева.

Шагам песок промоченный
Дает певучий скрип.
Как четки, как отточены
Верхи дубов и лип!

Цветы, в жару завялые,

Смеются мне в глаза,
И с песней птицы малые
Летят под небеса.

25 июня 1900

Пред грозой

В миг пред грозой набегающей трепет
Листья деревьев тревожит.
Ветер из облака образы лепит,
Формы чудесные множит.

Пыль поднялась по широкой дороге,
Громче смятение птичье.
Все на земле в ожидании, в тревоге.
В небе и блеск и величье.

Капель начальных послышится лепет,
Волен, певуч, многovesен...
В миг пред грозой набегающей трепет
Это ль предчувствие песен?

Июнь – июль 1900

Из дневника

Глаза

На берегу Мерцающих Озер
Есть выступы. Один зовут Проклятым.
Там смотрит из воды унылый взор.

Здесь входит в волны узкая коса;
Пройди по ней до края пред закатом,
И ты увидишь странные глаза.

Их цвет зеленый, но светлей воды,
Их выражение – смесь тоски и страха;
Они глядят весь вечер до звезды

И, исчезая, вспыхивают вдруг
Бесцветным блеском, как простая бляха.
Темнеют воды; тускло все вокруг.

И, возвращаясь сквозь ночной туман,
Дыша прибрежным сильным ароматом,
Ты склонен счесть виденье за обман.

Но не покинь Мерцающих Озер,
И поутру под выступом Проклятым
Ты вновь усмотришь неотступный взор.

18 июля 1898

К Большой Медведице

Волшебница северной ночи,
Большая Медведица, – ты
Ласкаешь усталые очи,
Смежаешь больные мечты.

В часы увлекающей встречи
Близка нам царица луна,
Мы шепчем прерывные речи,
Мы жаждем безумного сна.

Но скукой сменяется счастье,
Мы вновь безучастьем больны,
И страшен нам зов сладострастья

Всегда опьяненной луны.

И в трезвые, жгучие ночи,
Когда так бессильны мечты,
Ласкаешь усталые очи,
Большая Медведица, — ты!

25 июля 1898

Величание

Величит душа моя господа,
И дух мой восторженно-радостен!
Источник молитвы так сладостен,
Но дерзостным нет к нему доступа.

Сама я печатью таинственной
Колодец любви опечатала,
И ужас на дне его спрятала,
Мучительный ужас, единственный.

Я слышу поток его внутренний,
Но дерзостным нет к нему доступа.
И радостно славлю я господа
Молитвой вечерней и утренней.

27 июля 1898

Тени прошлого

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой, и стены зданий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие дни волна небытия,
И пет в моей душе ни дерзости, ни веры.
Мечте не унести в живительные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных, —

Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинять безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!

Апрель 1898

Вила

Я тебе скажу, мой милый,
Что над нами веют силы:
Властны в смене впечатлений
Духи, демоны и тени.

Ведь душа людей – родник,
Где глядится каждый миг
Неизменно новый лик,
Странен, волен и велик.

Образ женский недоступный,
Призрак дьявольский преступный,
Старца взор невозмутимый,
Ведьмы, эльфы, херувимы.

Днем вы слепнете вполне,
Смутно грезите во сне.
Жизнь – как отблеск на волне,
Нет волненья в глубине.

И в тиши, всегда бесстрастной,
Тайне мира сопричастной,
Властны в смене отражений
Духи, демоны и тени.

17 августа 1899

Звезда морей

*La mer sur qui prie
La vierge Marie.
P. Verlaine⁷*

И нам показалось: мы близко от цели.
Вдруг свет погас,
И вздрогнул корабль, и пучины взревели...
Наш пробил час.

И был я проклятием богу исполнен,
Упав за борт,

⁷ Море, к которому сверху вызывает Дева Мария. П. Верлен (фр.).

И три дня носился по пенистым волнам,
Упрям и горд.

Но в миг, как свершались пути роковые
Судьбы моей,
В сиянии предстала мне Дева Мария,
Звезда морей.

30 августа 1897

К металлам

Золото, убранство тайного ковчега,
Где хранят издревле благостные мощи,
Золото, добыча хищного набега,
Золото, ты символ сладострастной мощи,
И в твоём сверканьи медленная нега.

Серебро сияет тихо на иконе,
Мученице юной покрывает плечи,
Серебро так ясно в перелетном звоне,
Голос серебристый мне звучал предтечей
Прежде недоступных сладостных гармоний.

И люблю я бронзу: сумрачные тени
Томной баядерки в роскоши вечерней.
В твердости изгибов столько легкой лени,
Отблески так чисты на холодной черни!
Да, люблю я в бронзе тайну отражений.

Но не эти тени дороги в металле!
Не сравню их блески я с кинжальным блеском!
Змеи резких молний быстро засверкали,
Я прильнул, ревнивый, к белым занавескам...
Ты – моя надежда, мщенье верной *стали*!

29 августа 1899

За пределами сказок

Они сошлись в дубраве дикой,
Они столкнулись в летний день,
Где луг, поросший повиликой,
Огородила сосен тень.

Она, смеясь, в притворном страхе,
На мягкий мох упала вдруг;

Любовь и страсть была в размахе
Высоко приподнятых рук.

Он к ней припал с веселым криком,
В борьбе порвал ей волоса...
Пронзительно в молчаньи диком
Их раздавались голоса.

29 августа 1899

Случайности

Я верю всегдашним случайностям,
Слежу, любопытствуя, миги.
Так сладко довериться крайностям,
Вертепы менять на вериги.

Раздумья свободно качаются,
Покорны и рады мгновенью;
И жизнями жизни сменяются...
Действительность кажется тенью.

Я быть не желаю властителем
Судьбы, подчинившейся мере.
Иду я по звездным обителям,
Вскрывая безвестные двери.

Все дни направляются случаем, —
Могу упиваться я всеми, —
И ночи подобны созвучиям
В одной беспредельной поэме.

1 – 3 сентября 1900

Дачи осенью

Люблю в осенний день несмелый
Листвы сквозящей слушать плач,
Вступая в мир осиротелый
Пустынных и закрытых дач.

Забиты досками террасы,
И взор оконных стекол слеп,
В садах разломаны прикрасы,
Лишь погреб приоткрыт, как склеп.

Смотрю я в парки дач соседних,

Вот листья ветром взметены,
И трепеты стрекоз последних,
Как смерть вещающие сны.

Я верю: в дни, когда всецело
Наш мир приветит свой конец,
Так в сон столицы опустелой
Войдет неведомый пришлец.

8 сентября 1900

Песня

Мне поется у колодца,
Позабыт кувшин.
Голос громко раздается
В глубине долин.

Приходи, мой друг желанный!
Вот тебя я жду.
Травы – одр благоуханный,
В скалах грот найду.

Нет, никто, никто доныне
Не ласкал меня!
Грудь и плечи, как святыни,
Охраняла я.

День настал. Иди, желанный!
Кто ты – знает бог!
Травы – одр благоуханный,
Мягок серый мох.

Оплету, вот так, я руки, —
Спи между грудей.
Вечер. Гаснут, гаснут звуки.
Где ты, сын полей?

Жду кого-то у колодца;
Позабыт кувшин;
Песня громко отдается
В тишине долин.

Апрель 1900

Папоротник

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Чутко папоротник дремлет,
Где-то крикнул пересмешник.

В этих листьях слишком внешних,
В их точеном очертаньи,
Что-то есть миров нездешних...
Стал я в странном содроганьи,

И на миг в глубинах духа
(Там, где ужас многоликий)
Проскользнул безвольно, глухо
Трепет жизни жалкой, дикой.

Словно вдруг стволами к тучам
Вырос папоротник мощный.
Я бегу по мшистым кучам...
Бор не тронут, час полнощный.

Страшны люди, страшны звери,
Скалят пасти, копыта точат.
Все виденья всех поверий
По кустам кругом хохочут.

В сердце ужас многоликий...
Как он жив в глубинах духа?
Облик жизни жалкой, дикой
Закивал мне, как старуха.

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Небо древним тайнам внемлет,
Где-то крикнул пересмешник.

23 июля 1900

Жизнь

Подобна жизнь огням потешным,
Раскрасившим пустую тень.
Они сияют пляскам грешным,
Но зажжены в Успеньев день.

Поют псалмы о смерти близкой
И славят первую из дев, —
А мы меняемся запиской,
Обеты прежние презрев.

Но будет ночь свиданья краткой,
И глянет бледный свет утра,
И смерть предстанет нам с разгадкой
И бросит вечное «пора!».

А там, где цвел огонь потешный,
Одни фонарики дрожат,
И два садовника поспешно
Пустынный подметают сад,

3 сентября 1900

Прозрения

В неконченном здании

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.

Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

И вот почему – в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1 февраля 1900

В дни запустения

Приидут дни последних запустения.
Земные силы оскудеют вдруг;
Уйдут остатки валких поколений
К теплу и солнцу, на далекий Юг.

А наши башни, города, твердыни
Постигнет голос Страшного суда,
Победный свет не заблестит в пустыне,
В ней не взгремят по рельсам поезда.

В плюще померкнут зодчего затеи,
Исчезнут камни под ковром травы,
На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселятся львы.

Но в эти дни последних запустения
Возникнет – знаю! – меж людей смельчак.
Он потревожит гордый сон строений,
Нарушит светом их безмолвный мрак.

На мшистых улицах заслышат звери
Людскую поступь в ясной тишине,
В домах застонут, растворяясь, двери,
Ряд изваяний встанет при огне.

Прочтя названья торжищ и святилищ,
Узнав по надписям за ликом лик,
Пришлец проникнет в глубь книгохранилищ,
Откроет тайны древних, наших книг.

И дни и ночи будет он в тревоге
Впивать вещанья, скрытые в пыли,
Исканья истины, мечты о боге,
И песни, гимны сладостям земли.

Желанный друг неведомых столетий!
Ты весь дрожишь, ты потрясен былым!
Внемли же мне, о, слушай строки эти:
Я был, я мылил, я прошел как дым...

18 сентября 1899

Брань народов

Брань народов не утихнет
Вплоть до дня, когда придет
Власть имеющий антихрист —
Соблазнять лукавый род.

Возопит он гласом громким:
«Славьте! дьявол победил!
Где вы, верные потомки
Отступивших древле сил?»

И на зов повыйдут люди
Ото всех семи границ.
Говоря – «мы верны будем»,
Пред царем поникнут ниц.

Царь, во лжи многообразный,
Свергнет пышности порфир,
В мире к вящему соблазну
Установит вечный мир.

И когда тем едким ядом
Помутится жизнь до дна,
Вдруг, восстав в глубоком аде,
Восхохочет сатана.

Дико дьяволы заворят,
И из дебрей синих гор,
Как лучи над темным морем,
Выйдет праведников хор.

А для грешных ярче вспыхнет
В преисподней столп огня...
Брань народов не утихнет
Вплоть до сказанного дня.

18 августа 1899

Братьям соблазненным

Светлым облаком плененные,
Долго мы смотрели вслед.
Полно, братья соблазненные!
Это только беглый свет.

Разве есть предел мечтателям?
Разве цель нам суждена?
Назовем того предателем,
Кто нам скажет – здесь она!

Разве редко в прошлом ставили
Мертвый идол Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли!
Паруса развейте в воздухе,
Дерзко правьте корабли!

Жизнь не в счастье, жизнь в искании,
Цель не здесь – вдали всегда.
Славьте, славьте неустанное
Подвиг мысли и труда!

12 июня 1899

Каждый миг

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа – образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.

Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти – жадная мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир – иного мира тень,
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки – первая ступень.

5 сентября 1900

Устои

Рассудка вечные устои
Влегли в недремлющую грудь,
И в жажде ведать неземное
Ты должен горы пошатнуть.

Кто без руля в пучинах плавал,
Ветрилом ветры все ловил,
Тому предстанет бледный дьявол
С толпами разъяренных сил.

Сквозь бешенство, и вопль, и скрежет
Он к синим молниям влечет,
Но этот свет минутно нежит,
И вновь кипит круговорот!

Ценой нарушенных согласий,
Ценой и мук и слепоты,
Лишь проблеск в беспокойном часе,
Мгновенье покупаешь ты.

Но кто готов отвергнуть миги
И ждать десятки строгих лет, —
Надень кровавые вериги,
Скажи молитвенный обет.

И, чуток к углубленной вере,
Вдруг колыхнет, лаская слух,
В заветный час в твоей пещере
Струю эфира Светлый Дух.

И глянешь ты смелей и зорче
За тьму завес, что он расторг,
Чем тот, кто ведал смех, и корчи,
И пифий яростный восторг.

8 августа 1900

Проблеск

Как то предвидел Дух и Даниил предрек.
Ф. Тютчев

Восток и Запад, хитрый Змей и Лев,
Ведут борьбу издревле, век за веком.

То скрытный ков, то справедливый гнев
Возносят стяг пред робким человеком.

Вот, собраны под знаменьем Креста,
На Западе роятся ополченья,
И папской власти висится мечта,
И цепи мировой куются звенья.

А на Востоке буйствует гроза,
Ликуют орды турок и Батыя,
И Русь бежит за реки и в леса,
И в тяжелой брани никнет Византия...

Но мир меняют тайны быстрых лет.
Чу! не мечи стучат, – то гром орудий!
За океаном вскрылся Новый Свет,
И над Крестом смеются буйно люди!

А на Востоке вновь встает колосс,
Безвестный, грозный, странно-неизменный...
И, как предвестье новых страшных гроз,
Свой скиптр с Крестом возносит над вселенной.

Творятся чудеса недавних дней,
Для трезвой мысли тем чудней, чем ближе:
То франк в Москве-реке поит коней,
То русский царь вершит судьбу в Париже.

За диким сном мятущихся веков,
За яркой сменой дерзостных событий,
Как взору разглядеть канву основ,
Те белые натянутые нити?

Кто угадает роковой узор,
Причудливый, живой, необычайный?
Кто смело скажет, что окончен спор,
Все решено и быть не может тайны?

И Змей и Лев, среди равнин и рек,
Ужель отныне мирно лягут рядом?
Но Дух предвидел, Даниил предрек:
Славянский стяг зареет над Царьградом!

Январь 1900

Отрады

Знаю я сладких четыре отрады.

Первая – радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки – рады,
Рады на миг и для вечности быть.

Радость вторая – в огнях лучезарна!
Строфы поэзии – смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.

Третий восторг – то восторг быть любимым,
Ведать бессменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.

Радость последняя – радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, поклоняясь, приветствую я!

Радостей в мире таинственно много,
Сладостна жизнь от конца до конца.
Эти восторги – предвестие бога,
Это – молитва на лоне Отца.

28 апреля 1900

Мы

Мы

В мире широком, в море шумящем
Мы – гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом,
Мы – гребень встающей волны.

4 апреля 1899

Я знаю ...

К. Д. Бальмонту

Я знаю беглость Ночи и Зимы,
Молюсь уверенно Заре и Маю.
Что в будущем восторжествуем мы,
Я знаю.

Я власть над миром в людях прозреваю.
Рассеется при свете сон тюрьмы,
И мир дойдет к предсказанному раю.

Не страшно мне и царство нашей тьмы:
Я не один спешу к иному краю,
Есть верный друг в пути! – что двое мы,
Я знаю!

6 декабрь 1898

Люцифер

Я – первый, до века восставший,
Восставший до начала веков.
Я – первую заповедь давший:
Есть много богов.

О, будемте все, как боги,

Познавши добро и зло.
К совершенству путей есть много,
Их безмерно число.

Я начал для всех борьбу роковую,
За свободу идет борьба;
Победитель, за вас о победе тоскую,
И тут не властна судьба.

1898

Залог

К нам немного доходит из прошлого мира,
Из минувших столетий, – немного имен;
Только редкие души, как луч Алтаира,
Как звезда, нам сияют из бездны времен.

И проходят, проходят, как волны, как тени,
Бесконечно проходят века бытия...
Сколько слез, и желаний, и дум, и стремлений!
Миллионы погибших, исчезнувших «я»!

Одиноким мне видится образ Гомера,
Одиноким сверкает с небес Алтаир...
Но в мечтах предо мной – неизвестная сфера
И близ яркой звезды умирающий мир.

24 мая 1898

Corona

Тайны, что смутно светятся,
Знаком заветным отметятся.

Придут победители-воины,
Будут их силы утроены.

Погаснет безвольное, старое...
Истина скажет нам: «Дарую!»

Плачьте в предчувствии нового,
Украшайте венцами головы:

Знаком великим отметится
Все, что в тумане нам светится.

20 августа 1898

Жернова

Брошен веялкой на холод,
Жерновами тяжело смолот,
Мертвый колос возрожден.
Но остался прах зыбучий.
Он летит бескрылой тучей,
Заслоня небосклон.

И стучат, стучат, не станут,
Словно стихнув, лишь обманут,
Не устанут жернова;
Неизменно мелют, мелют
И струю слоями стелют,
И она опять жива.

А вдали, под светом неба,
Отделяют прах от хлеба,
Вышли веять на гумно.
Пусть познает обновление,
В смерти вкусит возрождение
Только полное зерно!

Декабрь 1898

Духи земли

Со всеми мы братья,
Всем открыли объятья,
Зверям, и тучам,
И теням летучим.

Всех любим, всем верим,
Смеемся потерям
И взором незрячим
Лишь над вымыслом плачем,

Смолк птичий голос,
Не шелохнется колос,
Запахло осокой,
Солнце высоко,
Мы дремлем в покое,
Купаемся в зное.

Ветерок встрепенется,

Лес шелохнется,
Все звуки мы слышим,
Цветами дышим,
С нами дружны грозы,
Небесные слезы.

Поем мы с морем,
Ласкаемся к зорям,
В холоде снега
Для нас есть нега, —
И только людям
Друзьями не будем,
И только в город
Не глянем и взором!

1898

Золото

*Avec un peu de soleil et du sable blond
J'ai fait de l'or.*
Fr. Vielé Griffin⁸

Золото сделал я, золото —
Из солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Как игра смешна старику.
Падал песок из рук у меня,
Тихо звеня,
В волны ручья.
Ручей ускользал, как змея,
Дрожа от ветра и холода...
Золото сделал я, золото!

Из пшеницы белеющей сделал я снег,
Снег и декабрьскую вьюгу,
Саней заметаемый бег,
Девушки радостный смех
И близость к желанному другу.
Я сделал снег,
Как сделал золото;
Я сделал вьюгу, счастье холода;
Во мгле властительных снегов —
Воспоминания цветов.
Я сделал снег
Из лепестков.

⁸ Из солнца и желтого песка Я делаю золото. Фр. Вьеле Гриффен (фр.).

Из жизни медленной и вялой
Я сделал трепет без конца.
Мир создан волей мудреца:
И первый свет зелено-алый,
И волн встающие кристаллы,
И тени страстного лица!
Как все слова необычайны,
Так каждый миг исполнен тайны.
Из жизни бледной и случайной
Я сделал трепет без конца!

23 июля 1899

* * *

Безмолвные свидетели
Вечерних сожалений,
Меня перстом отметили
Собравшиеся тени.

Отвергнуты, обмануты,
Растоптаны, добыты,
Но все вы упомянуты
И все с мечтами слиты.

И слезы – не отчаянье!
И стон – не символ мщенья!
О благодное чаянье
Всемирного прощенья!

22 мая 1899

Еще «мы»

Мы только стон у вечной грани,
Больные судороги рук,
Последний трепет содроганий
В часы неотвратимых мук.

Все наши думы, грезы, пени —
То близких сдержанная речь,
Узоры пышных облачений
И дымы похоронных свеч.

Что ж! полно ликовать ошибкой!
В испуге не закроем глаз!

О братья, – слушайте с улыбкой:
Поют отходную по нас.

22 августа 1899

* * *

Поклоняются многие мне
В часы вечерние,
Но молитвы к бледной луне
Еще размернее!

Женщины, лаская меня,
Трепетали от счастья,
Но искали они – знаю я —
И сладострастия.

Фимиам, делимый с другим,
Дышит обидою.
О сумрак! о волны! о дым!
Вам завидую.

Уступить даже проклятья и смех
Нарушение цельности.
Я хочу быть единым для всех
В беспредельности.

27 марта 1899

* * *

С неустанными молитвами,
Повторяемыми вслух,
Прохожу я между битвами,
Ускользающий, как дух.

От своих друзей отторженный,
Предвещаю я венцы;
И на голос мой восторженный
Откликаются бойцы.

Но настанет миг – я ведаю —
Победят мои друзья,
И над жалкой их победою
Засмеюсь первым – я.

23 июля 1899

* * *

Случайность и намеренность
Их разум разделил,
Не верю я в уверенность
И в силу наших сил.

Творим мы волю божью,
Намеренья Судьбы, —
Идем по бездорожию
В оковах, как рабы.

Но жажда совершенного —
Величия залог.
Мы выше мира тленного,
И в наших душах — бог.

22 июля 1900

Лирические поэмы

Краски

Я сегодня нашел свои старые краски.
Как часто взгляд на забытый предмет
Возвращает все обаянье ускользнувших лет!
Я сегодня нашел мои детские краски...
И странный отрок незванно ко мне вошел
И против меня уверенно сел за стол,
Достал, торопясь, тяжелую тетрадь...
Я ее не мог не узнать:
То были мои забытые, детские сказки!

Тогда я с ним заговорил; он вздрогнул, посмотрел
(Меня не видел он, – я был для него привиденьем),
Но через миг смущенья он собой овладел
И ждал, что будет, с простым удивленьем.
Я сказал: «Послушай! я тебя узнаю.
Ты – это я, я – это ты, лет через десять...»
Он засмеялся и прервал: «Я шуток не люблю!
Я знаю лишь то, что можно измерить и взвесить.
Ты – обман слуха, не верю в действительность твою!»

С некоторым гневом, с невольной печалью
Я возразил: «О глупый! тебе пятнадцать лет.
Года через три ты будешь бредить безвестной далью,
Любить непонятное, стремиться к тому, чего нет.
Вселенная жива лишь духом единым и чистым,
Материя – призрак, наше знание – сон...»
О боже, как искренно надо мной рассмеялся он,
И я вспомнил, что был матерьялистом и позитивистом.

И он мне ответил: «О, устарелые бредни!
Я не верю в дух и не хожу к обедне!
Кто мыслит, пусть честно служит науке!
Наука – голова, а искусство – руки!»
«Безумец! – воскликнул я, – знай, что ты будешь
верить!
Будешь молиться и плакать пред Знаком креста,
Любить лишь то, где светит живая мечта,
И все проклянешь, что можно весить и мерить!»

«Не думаю, – возразил он, – мне ясна моя цель.
Я, наверно, не стану петь цветы, подобно Фету.
Я люблю точное знание, презираю свирель,

Огюст Конт навсегда указал дорогу поэту!»
«Но, друг, – я промолвил, – такой ли теперь час?
От заблуждений стремятся все к новому свету!
Тебе ли вновь повторять, что сказано тысячу раз!
Пойми тайны души! стань кудесником, магом...»
«Ну, нет, – он вскричал, – я не хочу остаться за
флагом!»

«Что за выражения! ах да! ты любишь спорт...
Все подобное надо оставить! стыдись, будь же горд!»
«Я – горд, – он воскликнул, – свое значенье я знаю.
Выступаю смело, не уступлю в борьбе!
Куда б ни пришел я, даже если б к тебе, —
Приду по венкам! – я их во мгле различаю!»

И ему возразил я печально и строго:
«Путь далек от тебя ко мне,
Много надежд погибнет угрюмой дорогой,
Из упований уступишь ты много! ах, много!
О, прошлое! О, юность! кто не молился весне!»

И он мне: «Нет! Что решено, то неизменно!»
Не уступлю ничего! пойду своим путем!
Жаловаться позорно, раскаянье презренно,
Дважды жалок тот, кто плачет о былом!»

Он стоял предо мной, и уверен и смел,
Он не видел меня, хоть на меня он смотрел,
А если б увидел, ответил презреньем,
Я – утомленный, я – измененный, я – уступивший
судьбе,
Вот я пришел к нему; вот я пришел к себе! —
В вечерний час пришел роковым привиденьем...

И медленно, медленно образ погас,
И годы надвинулись, как знакомые маски.
Часы на стене спокойно пробили час»...
Я придвинул к себе мои старые, детские краски.

17 декабря 1898

Сказание о разбойнике *Из Пролога*

Начинается песня недлинная,
О Петре, великом разбойнике.

Был тот Петр разбойником тридцать лет,

Меж товарищей почитался набольшим,
Грабил поезда купецкие,
Дельвал дела молодецкие,
Ни старцев не щадил, ни младенцев.

В той же стране случился монастырь святой,
На высокой горе, на отвесной, —
Меж землей и небом висит, —
Ниоткуда к монастырю нет доступа.

Говорит тут Петр товарищам:
«Одевайте меня в платье монашеское.
Пойду, постучусь переходим странником,
Ночью вам ворота отопру,
Ночью вас на грабеж поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!»

Одевали его в платье монашеское,
Постучался он странником под ворогами.
Впустили его девы праведные,
Обласкали его сестры добрые,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.

Сидит разбойник за трапезой,
Ласке-любви сестер удивляется,
Праведными помыслами их смущается,
Что отвечать, что говорить — не знает.

А сестры близ в горенке собирались,
Говорили меж собой такие слова:
«Видно, гость-то наш святой человек,
Такое у него лицо просветленное,
Такие у него речи проникновенные.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у нас сестра слепенькая.
Не омыть ли ей зрак той водицею?»

Призывали они сестру слепенькую,
Омывали ей зрак той водицею, —
И прозрела сестра слепенькая.
Тут все бежали в горенку соседнюю,
Падали в ноги все пред разбойником,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасом и трепетом.
Творил и он — земной поклон,
Земной поклон перед господом:

«Был я, господи, великим грешником,
Примешь ли ты мое покаяние!»

Тут и кончилась песня недолгая.
Стал разбойник подвижником,
Надел вериги тяжелые,
По всей земле прославился подвигами.
А когда со святыми преставился, —
Мощи его и поныне чудеса творят.

28 августа 1898

Аганат **Финикийский рассказ**

*Женская звезда — планета Истар: она такова на закате. Мужская
звезда — планета Истар: она такова при восходе.
Из текстов в библиотеке Ассурбанипала*

Астарта Сидонская

Небесная девственница,
Богиня Астарта,
В торжестве невинности ты стоишь предо мной.
Длинная лестница,
Освещенная ярко,
А за дверью во храме смутный сумрак ночной.

Я знаю, божественная, —
Ты отблеск Ашеры,
Богини похоти и страстных ночей.
Теперь ты девственна!
Насладившись без меры,
Ты сияешь в венце непорочных лучей.

Утомленная условностями,
Вчера, о Астарта,
Прокляла я с восторгом твой возвышенный зов.
Я искала греховности,
Ласк леопарда,
Бессилья и дрожи бесконечных часов.

Но сегодня, о девственница,
Тебе, не Ашере,
Приношу на алтарь и мечты и цветы.
Освещенная лестница,
И за сумраком двери

Возвращенье к невинности... да! я – как ты.

I

Ей было имя Аганат. Она
Прекрасней всех в Сидоне. В темном взоре
Сверканье звезд ночных, а грудь бледна.

В дни юности она познала горе:
Ее жених, к сидонским берегам
Не возвратись, погиб безвестно в море.

И, девственность принеся в дар богам,
Она с тех пор жила как жрица страсти,
А плату за любовь несла во храм.

Чуть подымались в дали синей снасти,
Она спешила на берег, ждала,
Встречала моряков игрой запястий,

И, обольщенного, к себе вела,
В свой тесный дом, на башенку похожий,
Где в нижней комнате царила мгла

И возвышалось каменное ложе.
Никто не забывал ее ночей!
Из всех гетер платили ей дороже, —

Но каждый день входили гости к ней.
И от объятий в вихре наслажденья,
От тел, сплетенных, словно пара змей,

Означилось на камне углубленье.

II

Когда бы маг, искусный в звездочтеньи,
Составил летопись судеб твоих,
Ее прочел бы он в недоуменьи.

Так! – не погиб в скитаньях твой жених:
В стране далекой он томился пленным,
За годом годы, как за мигом миг.

Он жил рабом, отверженцем презренным,
Снося обиды, отирая кровь,

Но в сердце он остался неизменным:

К тебе хранил он прежнюю любовь,
Живя все годы умиленной верой,
Святой надеждой: все вернется вновь!

И, не забыт владычицей Ашерой,
Он наконец покинул горький плен,
Бежал, был принят греческой триерой

И счастливо добрался в Карфаген.
Отсюда путь на родину свободный!
И он плывет, и ждет сидонских стен,

Как алчет пищи много дней голодный,
И молится: «Пусть это все не сон!»
Но только берег встал над гладью водной,

Едва раздался с мачты крик: «Сидон!» —
Иное что-то вдруг открылось думам,
Своей мечты безумье понял он

И замер весь в предчувствии угрюмом.

III

И жизнь и шум на пристани Сидона
В веселый час прихода кораблей:
И весел мерный плеск в воде зеленой,

Канатов скрип, и окрики людей,
И общий говор смешанных наречий...
Но горе тем, кто не нашел друзей,

Кто был обманут вожаденной встречей!
Для тех гетеры собрались сюда,
Прельщают взглядом, обнажили плечи.

Как жаждал он хоть бледного следа
Былого! — Тщетно! Что воспоминанья
Нетленно проносили сквозь года,

Исчезло все. Сменились очертанья
Залива; пристань разрослась с тех пор,
Столпились вокруг неведомые зданья.

Нигде былого не встречает взор...

Лишь моря шум твердит родные звуки,
Да есть родное в высях дальних гор.

«Пятнадцать лет! пятнадцать лет разлуки!
Искать друзей иль убежать назад?»
Но вдруг до плеч его коснулись руки.

Он смотрит: золото, браслетов ряд,
И жгучий взор под бровью слишком черной.
«Моряк, пойдем! на нынче ты мой брат!»

И за гетерой он идет покорный.

IV

Не начато вино в больших амфорах,
Он с ней не рядом (то недобрый знак),
И мало радости в упорных взорах.

Глядит он молча за окно, во мрак;
Ее вопросы гаснут без ответа;
Он страшен ей, задумчивый моряк.

Но сознает она всю власть обета.
Рукой привычной скинут плащ. Спеши!
Она зовет тебя полураздетой.

Но он, – томим до глубины души, —
Садится к ней на каменное ложе,
И вот они беседуют в тиши.

«Зачем меня ты позвала?» – «Прохожий,
Ты так хорош». – «Ты здешняя?» – «О да!»
«Что делала ты прежде?» – «Да все то же».

«Нет, прежде! Ты была ведь молода,
Быть может, ты любила...» – «Я не сказки
Рассказывать звала тебя сюда!»

И вдруг, вскочив, она спешит к развязке,
Зовет его. Но, потупляя взгляд,
Не внемлет он соблазнам слов и ласке.

Потом, глухим предчувствием объят,
Еще вопрос он задает подруге:
«А как зовут тебя?» – «Я – Аганат!»

И вздрогнул он и прынул прочь в испуге.

V

О, велика богиня всех богинь,
Астарта светлая! ты царствуешь всевластно
Над морем, над землей, над сном пустынь.

Ты видишь все, все пред бессмертной ясно;
Твое желанье – всем мирам завет;
Дрожат и боги – пред тобой, прекрасной!

Когда свершилась эта встреча, свет
Твоей звезды затмился на мгновение...
Но благи твоей предела нет.

Решила ты, – исполнено решение.
И в тот же миг рассеялись года,
Как смутный сон исчезли поколенья,

Восстали вновь из праха города,
Вернулись к солнцу спавшие в могиле,
Все стало вновь как прежде, как тогда.

Все о недавнем, как о сне, забыли.
Был вечер. Аганат и с ней жених
Опять в лесу за городом бродили.

И длинный спор, как прежде, шел у них:
До свадьбы он хотел пуститься в море,
Искать богатства в городах чужих.

А ей была разлука эта – горе.
«Не уезжай! на что богатство нам!»
И, этот раз, он уступил ей в споре.

И в день, когда, отдавшись парусам,
Его корабль ушел по глади синей,
Они торжественно пошли во храм —

Свои обеты повторить богине.

19 декабря 1897 – 4 октября 1898

Царю Северного полюса

Вступления

1

Много было песен сложено
О твоей стране бесследной.
Что возможно, невозможно, —
Было все мечтой изведено.

К этой грани недоступной
Шли безумные, отважные,
Но их замыслы преступные
Погасали в бездне влажной.

Эти страны неизвестные
Открывали дали сказкам...
Тем, кому в пределах тесно,
Эти сказки были ласками.

2

Если был победитель, тебя развенчавший, о Полюс,
Имя его отошло в тихую тайну веков.
Люди наших дней не победы ищут, а славы;
Сладок им не венец, — рукоплесканья венцу.
О, великая сладость — узнав, утаить от вселенной!
Мне довольно знать, — что я свершил, — одному.

I

Свен Краснозубый врагам улыбался, бурь не боялся,
Викинг великий, кликнул он клич по Норвегии.

Собрались бойцы могучие:
Эрик, вскормленный тучами,
Анунд, прославленный скальдами,
Горм с сыновьями, с двумя Освальдами,
С ними со всеми сорок дружинников.
Не долго бойцы собирались,
На корабль садились, — смеялись.
Навсегда с друзьями прощались.

Жена поплачет – утешится,

Друг погрустит – другого найдет,
Старуха-мать все равно умрет.

Плыть все вдаль —

Не печаль.

Где волна,

Там весна.

Есть топор, —

Будет свор!

Бой в руке держу!

Если ж скальда нет,

Песнь и сам сложу

В честь побед!

II

Скрылся в налете тумана Скрелингов остров, земля;

Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

Море, и небо, и море – к Северу путь без границ;

Дико звучат на просторе крики чудовищных птиц.

Медленно ходят по воле первые дерзкие льды. —

Викингам любо раздолье, дали холодной воды.

Любит безвестности Эрик, далью захвачен варяг

(Где-нибудь выглянет берег, где-нибудь встретится враг!).

Знает он все побережья, всюду рубиться был рад:

С Русью ходил в Обонежье, плавал по рекам в Царь-град,

Грабил соборы Севильи, видел останки Афин...

Парус, развейся, как крылья! челн, полети, как дельфин!

Анунд, скиталец угрюмый, смотрит на зыби зыбей.

Вольно ширяется дума в волнах, как птица морей.

Истинный викинг ни ночи в хижине дымной не спит,

Истинный викинг не хочет на ночь повесить свой щит;

Пенистый рог не веселье пить среди женщин и дев;

В челнах – всегда новоселье, в волнах – не молкнет напев.

Горм распахнул свою шубу, вновь он доволен судьбой:

Скоро заслышит он трубы, трубы, зовущие в бой.

Выйдет старик, как берсеркер, душу потешит в бою...

Дуй, куда вздумашь, ветер! мчи, куда хочешь, ладью!

С кем бы ни бой, что за дело! Горм жаждет биться сплеча!

Страшно в жилище у Гелы, жданная смерть – от меча.

К Северу взором прикован, Свен не уйдет от руля.

Зовом мечты зачарован, правит он бег корабля.

Скоро во мраке засветит полночи чара – Звезда;
Свен, весь дрожа, ей ответит, верен он ей навсегда.
Товарищам лучшая доля – битвы и крики врагов,
Но властная воля стремится их в области ночи и льдов.
Затмился налетом тумана Скрелингов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

III

Пышны северные зимы, шестимесячные ночи!
Льды застыли, недвижимы, в бахроме из снежных ключий.
Волны дерзкие не встанут, гребни их в снегу затихли,
Ураган морской, обманут, обо льды стучится в вихре.
Чаще царствует молчанье, сон в торжественной пустыне;
Мир без грез, без содроганья, в полутьме немеет, стынет.

Совершая путь урочный, круг вокруг Царицы Ночи,
Звезд девичник непорочный водит пламенные очи.
Им во льдах зеркальных снятся – двойники, земные сестры,
На снегах они дробятся, словно луч цветной и пестрый.
Ослепляя блеском горы, между них в потоке звездном,
Вдруг спадают метеоры, торопясь от бездны к безднам.

Часто, звездный блеск смиряя, расстилаясь, будто зная,
В небе с края и до края пламя движется столбами.
Нет им грани, очертанья: в смене рдяных освещений
Царь полярного сиянья гонит сумрачные тени,
Создает деревья, травы, высылает птиц чудесных, —
Сам смеется на забавы, – царь в неизвестностях небесных.

А когда застонет буря, снег подымет, как тучи;
Брови белые нахмуря, Один ринется могучий.
Дев-валькирий вереницы заторопят черных коней,
Будут крики без границы, будет стук мечей о брони,
Будет скачка, пляска, бубны, будет бой в безумном вое...
Из могил на голос трубный встанут древние герои.

Пышны северные зимы, хороши морозом жгучим!
Дни проходят, словно дымы, дни подобны снежным тучам.
Поспешай на быстрых лыжах, взор вперяя в след олений,
Жди моржей космато-рыжих, бей раскидистых тюленей,
Встреть уверенной острой хмурых медленных медведей, —
Смейся, смейся над тревогой, в песнях думай о победе!
Пышны северные зимы, образ будущей Валгаллы!
Дни проходят, словно дымы, время вечность оковала.

IV *Песня Свена*

«Одна на полюсе небесном
Царит бессменная Звезда,
Манит к пределам неизвестным,
Снов не обманет никогда.

В круговращеньи вольно-смелом
Летит над нами небосвод:
Она в восторге онемелом
Из праха к горнему влечет.

Я схвачен беспощадным зовом,
Как парус ветром, – увлечен;
Жених невесте верен словом,
С Звездой небес я обручен.

Ах, знаю! мощь в руке все та же,
Мой взор пронзителен и смел,
Я б побороться с силой вражей
Как в годы подвигов сумел.

Но, верен высшему запрету,
Страстей волну я превозмог.
Так! путник я, идущий к свету,
Я – вестник, ставший на порог.

Друзья, друзья! взметайте чаши!
Над снежной кровлей блещет твердь.
Нет, не солгали клятвы наши:
Я вас туда влеку, где смерть!»

И плыли они над холодной водой,
И ветры по снастям свистели;
Зима надвигалась грозой ледяной,
Приветствия ей они пели.

Их легкие челны томились в плену,
Но, дерзкие, в хижине дымной,
Пируя, они величали весну,
С метелью спевались их гимны.

И ветер весенний вздувал паруса,
И кони морские, все в пене,
Бросались в пучину, зажмурив глаза,

За брызгами пряча колени.

И плыли, и пели, в метели, в грозе,
Морской возрастающей степью,
Вождю-предводителю верные все,
С ним связаны клятвенной цепью.

И много могил, неоплаканных тел
Корабль в безывестности бросил,
Но что им за дело! ведь парус их цел,
Есть копья для боя, есть руки для весел!

V

Пойте печальные песни,
Ветер, месяц, туман!
Плачьте на Полюсе вечном,
Дети пламенных стран.
Волны идут издалика,
Ветер свистит одиноко,
Месяца тусклое око
Всюду глядит в Океан.
Пойте на Полюсе вечном
О торжестве скоротечном,
Дети пламенных стран.

Плачьте на ранней могиле,
Где Эрик-скиталец зарыт;
Мечты его дальше стремили,
На пути он выронил щит.

В скале, в причудливом гроте,
Горма покоится прах;
Он погиб на веселой охоте,
Умер с острой в руках.

Освальды, ободря друг друга,
В непогоду пошли за моржом;
И засыпала шумная выюга
Братьев в объятьях вдвоем.

Любя бушевание влаги,
Любовались бойцы на шквал;
Утром сочлись варяги, —
Анунда никто не видал.

И погибли все сорок, все сорок!

Спят под водой и во льдах,
Но Тор, кому храбрый дорог,
Их примет в своих полях.

Славьте на Полюсе вечном,
Павших в упорной борьбе,
Глядевших в лицо судьбе,
Погибших в молчаньи беспечном,

Славьте на Полюсе вечном,
Волны, месяц, туман!
Пойте хвалебные песни,
Дети пламенных стран!

VI

Тени ходят, ветер веет,
Океан о камни бьет,
И замедлить жизнь не смеет
Свой развернутый полет.

Часть морей купая в зное,
Часть прохладам удел я,
Ни на миг не спит в покое
Солнцу верная Земля.

Солнце, искра в сонмах млечных,
Увлекает путь слуги.
Пики гор остроконечных
Чертят бешено круги.

Без предела, без начала
Этот бег вперед, вперед!
Вечность в прошлом миновала,
Вечность нынче настает.

И только один лишь утес недвижимо
На Север подъемлет чело.
Вы, ветры, его обтекаете мимо,
Ты, время, встревожить его не могло.

Когда-то взглянул он восторженным оком
На мертвую прелесть Полярной звезды,
И долго смотрел, и во сне одиноком
Он замер, застыл, оковался во льды.

Пронизан восторгом, с тех пор неизменно

Века он следит за избранной Звездой.
Смеется Звезда, как царица вселенной,
И вокруг нее сестры идут чередой.

Кто нарушил мир заветный,
Тишину великих вод,
И вступил в приют запретный,
И упал на вечный лед?

На снегах, в степях бесплодных,
Сон друзей его глубок...
Произволу волн свободных
Предоставил он челнок.

Тот челнок лежит разбитый,
Кончен дерзкий переезд.
Словно в храмине открытой,
Свен следит за бегом звезд.

Их стремится вереница,
Но над ним – в ответ мечте —
Стала Севера царица
Прямо, в ясной высоте.

Сердце большего не просит,
К цели жизни Свен проник.
Так. Звезда сиянье бросит
На его померкший лик.

VII

Голоса Стихий

Земля

Я – Земля, я – косность мира,
Сотворила горы, скалы,
Твердь гранита и порфира,
Грани малого кристалла.

Я дала приюты тучам,
На груди подъяла море,
Я полна огнем текучим...
Кто со мной, с могучей, в споре?

Сестры, братья! славьте Землю!
Славьте косность и пределы!
Все держу я, все объемлю,
Вас родню, – и мной вы целы!

Вода

Я – Вода. Я в вечной смене.
В дрожи долгой не устала...
Корни тянутся растений,
Стадо к речке побежало.

Жизнь воды многообразна:
Петь ручьем, летать туманом,
Зацветать в озерах праздну,
Выть и биться океаном.

Сестры, братья! славьте воды!
Славьте жизнь и переливы!
Я – движение Природы,
Вас влеку, – и мной вы живы.

Огонь

Я – Огонь. Мой лик случаен,
Вольной прихоти послушен.
Целый мир не мной ли спаян?
Мною будет мир разрушен!

Я ползу. Я дик и злобен;
Спать умею в камне малом;
Лгать, притворствовать способен,
Но встаю до неба жалом.

Сестры, братья! славьте пламя
(Очи блещут, очи красны)!
Я – над миром битвы знамя,
Вас гублю, но мной вы властны.

Воздух

Воздух я, незрим, неслышен,
Я проник в глубины скважин.
Но огонь не мной ли пышен?
Я водой дышу – и влажен.

Я ласкаю розы мая;
В буре вею, беспощаден;
Землю вздохом обтекая,
В голубом плаще наряжен.

Славьте воздух! сестры, братья!
Облака меня колышат,

Горы принял я в объятия,
Всех люблю, – все мною дышат.

Все вместе

Если к тайне заповеданной
Взор, единой думе преданный,
С дерзкой радостью проник, —
Не покинем мы беспечности:
Было то однажды в вечности,
Было – лишь на беглый миг.

Но да будет он единственный!
Этот день, как сон таинственный,
Скроем мы в святую тьму.
Мы засыпем гроб неведомый.
Слишком громкими победами
Не гордиться никому!

Мы даем обет молчания.
Мы задвинем край изгнания
Бездной вихрей и пучин.
И о том, что тайны видены,
Что прошел ты путь неиденный,
Будешь знать лишь ты один.

Земля

Даю обет молчания;
От века я молчу.

Вода

Я знаю; только знания
В мгновенной смене мчу.

Огонь

Я – ложь. Твержу неверное,
Не знаю истин я.

Воздух

Мое движенье мерное —
Безмолвная струя.

VIII

Свен Краснозубый, на Полюсе диком
Ты встретил смиряющий сон.
Снова кругом всё в молчаньи великом,
Ясен и тих небосклон.
На конях свободных, бурных
От высот своих лазурных
Под военные напевы
И к тебе слетели девы.
Ты достоин чести бранной,
Ты – валькирий гость желанный.
На тебя из той страны
Благосклонно смотрят деды:
Ты погиб не в день войны, —
В день победы!

Встретишь ты в полях Валгаллы
Всех, кому был в жизни люб.
Ты войдешь, пловец усталый,
Под веселый голос труб.

Там, с семьей других героев,
Уготован, ждет приют.
Все для игр и славных боев
Дни бестенные найдут.

Может быть, где отдых сладок,
Обретет душа твоя
Мир от тягостных загадок,
Вечных в бездне бытия.

IX

Голос

Я вам принес благую весть,
Мечты былых веков:
Что в мире много истин есть,
Как много дум и слов.

Противоречий сладких сеть
Связует странно всех:
Равно и жить и умереть,
Равны Любовь и Грех.

От дней земли стремись в эфир,

Следи за веком век:
О, как ничтожен будет мир,
Как жалок человек!

Но, вздрогнув, как от страшных снов,
Пойми – все тайны в нас!
Где думы нет – там нет веков,
Там только свет – где глаз.

Стихий бессильна похвальба,
То – мрак души земной.
К победе близится борьба, —
Дышу, дышу весной!

И что в былом свершилось раз,
Тому забвенья нет.
Пойми – весь мир, все тайны в нас,
В нас Сумрак и Рассвет.

1898 – 1900

Предание о Луне *Баллада*

*В старинном замке Джен Вальмор
Чуть ночь – звучат баллады.*

К. Бальмонт

В былые дни луна была
Скиталицей-кометой.
С беспечной вольностью плыла
От света и до света.
Страна цветов, она цвела,
Вся листьями одета.

Там жили семьи, племена
Таинственных растений,
Им богом мысль была дана
И произвол движений;
И шла меж царствами война,
Бессменный ряд сражений.

Трава глушила злобный лес,
Деревья мяли траву,
Душитель-плющ на пальму лез,
Шли ветви на облаву...
И ночью пред лицом небес
Шумели все про славу.

И в день заветный, в мире том
(Конечно, словом божьим)
Возрос цветок – смешной стеблем,
На братьев непохожим.
И, чуждый браням, жил он сном,
Всегда мечтой тревожим.

Он грезил о ином цветке,
Во всем себе подобном,
Что дремлет, дышит – вдалеке,
На берегу несходном,
И видит свой двойник в реке,
С предчувствием бесплодным.

И в эти дни вошла луна
В тот мир, где солнце властно,
И песнь планет была слышна
Хвалой единогласной,
Но с ней, как чуждая струна,
Сливался зов неясный.

Да! кто-то звал! да, кто-то смел
Нарушить хор предвечный!
Пел о тщете великих дел,
О жажде бесконечной;
Роптал, что всем мечтам предел
Так близко – пояс млечный!

Да! кто-то звал! да, кто-то пел
С томленьем постоянства!
И на цветке в ответ горел
Узор его убранства.
И вдруг, нарушив тяжесть тел,
Он ринулся в пространство.

Тянулся он, и рос, и рос,
Качаясь в темных безднах...
Доныне отблеск вольных грез
Дрожит в пучинах звездных.
А братья жили шумом гроз —
Забытых, бесполезных.

И вдруг, ему в ответ, – вдали
Другой качнулся стебель.
Кто звал его, – цветок с земли, —
Повис, – в пучине ль, в небе ль?
И две мечты свой путь нашли:
Сплелся со стеблем стебель!

Восторгом пламенным дана
Победа – связи тленной.
Стеблем цветка укреплена,
Луна осталась пленной.
И с этих пор до нас – она
Наш спутник неизменный.

Цветы истлели в должный миг,
В веках, давно пройденных, —
Но жив тот свет, что раз возник
В мирах соединенных.
И озаряет лунный лик
Безумных и влюбленных.

17 июля 1900

Замкнутые *Сатирическая поэма*

I

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира ограждаясь,
Он не хотел дышать ничем живым и новым.
Почти порвав с шумящим миром связь.
Он жил былым, своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.

Казалось мне: он замкнут безнадежно.
Давила с севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С востока грань песков, пустыня, стерегла.
А с двух сторон распростиралось море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.
На пристани не раз, глаза с тоской прилежной
В узоры волн колеблемых вперив,
Следил я, как вставал торжественный прилив,
Как облака неслись – вперед и мимо, мимо...
Но не было вдали ни паруса, ни дыма —
Никто не плыл к забытым берегам...
Лишь абрис острова порой мелькал мне там,
Где явственно заря, когда без солнца светит,
Границу кругозора метит,

Но гасло все в лучах, мне памятно едва,
Все в благостный простор вбирала синева,
И снова мир был замкнут безнадежно.

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;
Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежились сырые тени...
И затворялся вход, ворча, как зверь.

Из серых камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободных сил.
В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога.
Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца.
И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.
В стремленьи ввысь, величественно смелом,
Вершилось здание свободным острием,
И было конченным, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны —
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший нож!..
А все кругом пустынно-глухо было.

II

Я в их церквах бывал, то пышных, то пустынных.
В одних всё статуи, картины и резба,
Обряд, застывший в пышностях старинных,
Бессмысленно-пустая ворожба!
Над миром скованным гудящий вопль органа,
Зов пастыря – как божий голос – строг,
Вещает он с Синая, из тумана,
Лишь «Dominus vobiscum!» – «с вами бог!».
В других церквах восторг опустошенья,
На черных стенах цифры, ряд страниц;
Молящиеся, в чинном исступленьи,
Кричат псалмы, как стаи хищных птиц.
Но вопль органа вдруг – замрет, как самый камень.
Друг другу повторив, что это лишь обряд,
Они для памяти причастие творят,
И пастырь в сюртуке вещает важно: «Amen».

Я залы посещал ученых заседаний
И слушал с ужасом размерность их речей.
Казалось мне: влекут кумир огромный Знаний
Покорные быки под щелканье бичей.
Глубокой колеей, со стоном, визгом, громом,
Телега тянется – в веках намечен путь, —
Все было в тех речах безжалостно-знакомым,
И в смене скучных слов не изменялась суть.
Однажды ошибаясь при выборе дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компас.
И был их труд велик, шаги их были строги,
Но уводил их прочь от цели каждый час!

К художникам входил я в мастерские.
О бедность горькая опустошенных дум!
Искусство! вольная стихия!
Сюда не долетал твой вдохновенный шум!
Художник быть не может не пророком,
И рабство с творчеством согласовать нельзя!
Кто не прошел пустынь в томленье одиноком,
Не знает, где лежит святой мечты стезя!

В искусстве важен искус строгий.
Прерви души мертвящий плен
И выйди пламенной дорогой
К потоку вечных перемен.

Твоя душа – то ключ бездонный.
Не замыкай истомных уст.
Едва ты встанешь, утоленный,
Как станет мир – и сух и пуст.

Так! сделай жизнь единой дрожью,
Люби и муки до конца,
Упейся истиной и ложью, —
Во имя кисти и резца!

Не будь окован и любовью,
Бросайся в пропасти греха,
Пятнай себя священной кровью, —
Во имя лиры и стиха!

Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье, —
Она уже отрешена!

III

А жизнь кругом лилась, как степью льются воды.
Как в зеркале, днем повторялся день,
С покорностью свой круг кончали годы,
С покорностью заря встречала тень.
Случалось в праздник мне, на площадь выйдя рано,
Зайти в собор с толпой нарядных дев.
Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.

Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной жизни миг:
Там дремлют старики, там звонок голос детский,
Там в уголке – невеста и жених.
И только изредка над этой сладкой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги рыбаков,
Идущих улицей, да грохотал угрозой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развесистый и старый,
С руиной замка в глубине.
Туда под вечер приходили пары —
«Я вас люблю» промолвить при луне.
В воскресный летний день весь город ратью чинной
Сходился там – мечтать и отдохнуть.
И восхищались все из года в год руиной,
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности давнишней,
Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллея был радостен и тих,
Но в этой тишине я был чужой и лишний.

Я к пристани бежал от оскорбленных лип,
Чтоб сердце вольностью хотя на миг растрогать,
Где с запахом воды сливал свой запах деготь,
Где мачт колеблемых был звучен скрип.

О пристань! я любил твой неумолчный скрип,
Такой же, как в былом, дошедший из столетий, —
И на больших шестах растянутые сети,
И лодки с грузом серебристых рыб.
Любил я моряков нахмуренные взоры
И твердый голос их, иной, чем горожан.
Им душу сберегли свободные просторы,
Их сохранил людьми безлюдный океан.
Там было мне легко. Присевши на бочонок,
Я забывал тюрьму меня обставших дней,
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне всё громче, всё ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вокруг меня, все превращалось в зов...
И раскрывались вновь торжественные дали:
Пути, где граней нет, простор без берегов!

IV

И понял я, что здесь царил кумир единый:
Обычной внешности. Пред искренностью страх
Торжествовал и в храме и в гостиниой,
В стихах и вере, в жестах и словах.
Жизнь, подчиненная привычке и условию,
Елеем давности была освящена.

Никто не смел – ни скорбью, ни любовью
Упитья, как вином пылающим, до дна;
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый крик;
Расчетом и умом все оскверняли ласки
И берегли свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
Как жаждал, хоть на час, я вольно отдохнуть!
Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть?
Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!
Как пристани во мгле, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
Все беспристрастие и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
Кто дни и месяцы (актеры и рабы!)

Твердили «строгий долг» и «скорбь об идеале»,
Преобразясь в огне желаний и борьбы,
То знали ненависть, то чувственно стонали,
То гнулись под рукой Слепой Судьбы!

Когда по городу тени
Протянуты цепью железной,
Ряды безмолвных строений
Оживают, как призрак над бездной.

Загораются странные светы,
Раскрываются двери, как зевы,
И в окнах дрожат силуэты
Под музыку и напевы.

Раскрыты дневные гробницы,
Выходит за трупом труп.
Загораются румянцем лица,
Кровавится бледность губ.

Пышны и ярки одежды,
В волосах алмазный венец.
А взглядишь в утомленные вежды,
Ты узнаешь, что пред тобой мертвец.

Но страсть, подчиненная плате,
Хороша в огнях хрусталей;
В притворном ее аромате
Дыханье желанней полей.

И идут, идут в опьянении
Отрешиться от жизни на час,
Изведать освобожденье
Под блеском обманных глаз, —

Чтоб в мире, на свой непохожем,
От свободы на миг изнемочь.
Тот мир ничем не тревожим,
Пока полновластна ночь.

Но в тумане улицы длинной
Забелеет тусклый рассвет.
И вдруг все мертво и пустынно,
Ни светов, ни красок нет.

Безобразных, грязных строений
Тают при дне вереницы,
И женщин белые тени,
Как трупы, ложатся в гробницы.

V

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что, если Город мой – предвестие веков?
Что, если Пошлость – роковая сила,
И создан человек для рабства и оков?
Что, если Город мой – прообраз, первый, малый,
Того, что некогда жизнь явит в полноте,
Что, если мир, унылый и усталый,
Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подходя, на роковой черте?

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по числам,
Обязан жизнью (машина из машин!)
Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли последний сын!
Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,
Их думы, сжатые познанием, их мечты,
Мечтам былых веков подвластные, как тени,
Весь ужас переставшей пустоты!

Предчувствовал раба подавленную ярость
И торжествующих многообразный сон,
Всех наших помыслов обманутую старость,
Срок завершившихся времен!

.....

.....

Но нет! Не избежать мучительных падений,
Погибели всех благ, чем мы теперь горды!
Настанет снова бред и крови и сражений,
Вновь разделится мир на вражьих две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной
И в бешенстве сметет, как травы, города,
И будут волки выть над опустелой Сеной,
И стены Тауэра исчезнут без следа.

Во глубинах души, из тьмы тысячелетий,
Возникнут ужасы и радость бытия,
Народы будут хохотать, как дети,
Как тигры, грызться, жалить, как змея.

И все, что нас гнетет, снесет и светит время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я – узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О солнце! о простор! о высота степей!

1900 – 1901

Ревель, Москва

URBI ET ORBI 1901 – 1903

К. Д. Бальмонту, другу и брату

Вступления

* * *

По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах,
в садах я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за жизнью,
за сущим следил.
Я песни слагал вам о счастье, о страсти, о высях,
границах, путях,
О прежних столицах, о будущей власти,
о всем распростертом во прах.
Спокойные башни, и белые стены,
и пена раздробленных рек,
В восторге всегдашнем, дрожали, внимали стихам,
прозвучавшим навек.
И девы и юноши встали, встречая, венчая меня,
как царя,
И, теням подобно, лилась по ступеням
потоком широким заря.
Довольно, довольно! я вас покидаю! берите и сны и слова!
Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неизменно жива!
Я создал, и отдал, и поднял я молот,
чтоб снова сначала ковать.
Я счастлив и силен, свободен и молод, творю,
чтобы кинуть опять!

Апрель 1901

Лестница

Всё каменной ступени,
Всё круче, круче всход.
Желанье достижений
Еще влечет вперед.

Но думы безнадежней
Под пылью долгих лет.

Уверенности прежней
В душе упорной – нет.

Помедлив на мгновенье,
Бросаю взгляд назад:
Как белой цепи звенья —
Ступеней острых ряд.

Ужель в былом ступала
На все нога моя?
Давно ушло начало,
В безбрежности края,

И лестница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтоб стать звездой падучей
На небе бытия?

Январь 1902

Последнее желание

Где я последнее желание
Осуществлю и утолю?
Найду ль немыслимое знание,
Которое, таясь, люблю?

Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?

Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда Мечта и Буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад?

Иль, навсегда приветив книги,
Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся, – миги! миги! —
Бездонный, многозвенный сон?

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.

Январь 1902

У себя

Так все понятно и знакомо,
Ко всем изгибаю глаз привык;
Да, не ошибся я, я – дома:
Цветы обоев, цепи книг...

Я старый пепел, не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл.
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был.

Пусть много гимнов не допето
И не исчерпано блаженств,
Но чую блеск иного света,
Возможность новых совершенств!

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И нежива, и холодна!

Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром все залито...
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной – никто!

1901

Побег

*И если, страстный, в час заветный,
Заслышу я мой трубный звук...*
Tertia Vigilia

Мой трубный зов, ты мной слышан
Сквозь утомленный, сладкий сон!
Альков, таинственен и пышен,
Нас облегал со всех сторон.

И в этой мгле прошли – не знаю, —
Быть может, годы и века.
И я был странно близок раю,
И жизнь шумела, далека.

Но вздрогнул я, и вдруг воспрянул,
И разорвал кольцо из рук.

Как молния, мне в сердце глянул
Победно возраставший звук.

И сон, который был так долог,
Вдруг кратким стал, как всё во сне.
Я распахнул тяжелый полог
И потонул в палящем дне.

В последний раз взглянул я свыше
В мое высокое окно:
Увидел солнце, небо, крыши
И города морское дно.

И странно мне открылась новой,
В тот полный и мгновенный миг,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспененный родник.

И я – в слезах, что снова, снова
Душе открылся мир другой,
Бегу от пышного алькова,
Безумный, вольный и нагой!

Август – октябрь 1901

Работа

Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.

В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев, —
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?

Что восстанут за вопросы,

Опьянят что за слова
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?

А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

Июль 1901

Мечтание

О, неужели день придет,
И я в слезах и умиленьи
Увижу этот небосвод
Как верный круг уединенья.

Пойду в поля, пойду в леса
И буду там везде один я,
И будут только небеса
Друзьями счастья и унынья!

Мне ненавистна комнат тишь,
Мне тяжело входить под кровлю.
Люблю простор, люблю камыш,
Орла, летящего на ловлю.

Хочу дождя, хочу ветров,
И каждый день – менять жилище!
Упасть бессильным в тяжкий ров,
Среди слепцов бродить, как нищий.

Меж ними, где навис забор,
Я разделю их братский ужин,
А ночью встретит вольный взор
Лишь глубину да сеть жемчужин.

Случайный гость в толпе любой,
Я буду дорог, хоть и странен,
Смешон невольной похвальбой,
Но вечной бодростью желанен.

И женщина – подруга дня —
Ко мне прильнет, дрожа, ревнуя,
Не за стихи любя меня,
А за безумство поцелуя!

1900 – 1901

Искатель

*О прекрасная пустыня!
Прими мя в свою густыню.*
Народный стих

Пришел я в крайние пустыни,
Брожу в лесах, где нет путей,
И долго мне не быть отныне
Среди ликующих людей!

За мной – последняя просека,
В грозящей чаще нет следа.
В напевы птиц зов человека
Здесь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Как примут тишину мечты?
Как будут радоваться маю,
Встречая странные цветы?

Быть может, на тропах звериных,
В зеленых тайнах одичав,
Навек останусь я в лощинах
Впивать дыханье жгучих трав.

Быть может, заблудясь, устану,
Умру в траве под шелест змей,
И долго через ту поляну
Не перевьется след ничей.

А может, верен путь, и вскоре
Настанет невозможный час,
И минет лес – и глянет море
В глаза мне миллионом глаз,

30 сентября 1902

Нить Ариадны

Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,

И зал круги, и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.

В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть.

И, видеv странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,

Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити – нет.

И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает прищельцам он.

28 октября 1902

Блудный сын

Так отрок Библии, безумный расточитель...
Пушкин

Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом!

Я уходил, исполнен веры,
Как лучник опытный на лов,

Мне снились тирские гетеры
И сон сидонских мудрецов.

И вот, что грезилось, все было:
Я видел все, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум речей, мудрее книг.

Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.

Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.

И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!

Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я, —
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!

О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!

Ноябрь 1902 – январь 1903

У земли

*Я б хотел забыться и заснуть.
Лермонтов*

Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому – мать,
Ты всему живому – сваха!
Перстень свадебный сыскать

Помоги мне в комьях праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.

Помоги сыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядках, недавно взрытых.

Я – твой сын, я тоже – прах,
Я, как ты, – звено созидания.
Так откуда – страсть, и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?.

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня – с могилой?

1902

В ответ
П. П. Перцову

*Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжёлый свой водил.*
А. Хомяков

Еще я долго поброжу
По бороздам земного луга,
Еще не скоро отрешу
Вола усталого – от плуга.

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!

Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь,
Веди, веди свои изгибы!

Уж полдень. Жар палит сильнее.
Не скоро тень над нами ляжет.
Пустынен кругозор полей.
«Бог помочь!» – нам никто не скажет.

А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?

Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол, – нас только двое!

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!

А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой, – мечта, —
Сам отрешит тебя от плуга!

24 августа 1902

Песни

Фабричная

Как пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарил он ей цветок —
Темно-синий василек.

Я ль не звал ее в беседку?
Предлагал я ей браслетку.
Она сердца не взяла
И с другим гулять пошла.

Как они друг другу любы!
Он ее целует в губы,
И не стыдно им людей,
И меня не видно ей.

Он улестит, он упросит,
Стыд девичий она бросит!
Их до дома провожу,
Перед дверью посижу.

Будет лампы свет в окошке...
Различу ее сережки...
Вдруг погаснет тихий свет, —
Я вздохну ему в ответ.

Буду ждать я утра в сквере,
Она выйдет из той двери.
На груди ее цветок —
Темно-синий василек.

23 декабря 1900

Фабричная

Есть улица в нашей столице.
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом.

И каждую ночь регулярно
Я здесь под окошком стою,

И сердце мое благодарно,
Что видит лампадку твою.

Ах, если б ты чуяла, знала,
Чье сердце стучит у окна!
Ах, если б в бреду угадала,
Чья тень поминутно видна!

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи,
И ласки, и ласки до слез?

Твой муж, задремавши па стуле,
Проспит, что ты шепчешь в бреду;
А я до зари караулю
И только при солнце уйду.

Мне вечером дворники скажут,
Что ты поутру отошла,
И молча в окошко укажут
Тебя посредине стола.

Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Расею
Рыдать на раздолии нив.

Я в камнях промучился долго,
И в них загубил я свой век.
Прими меня, матушка-Волга,
Царица великая рек.

28 июня 1901

Детская

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь.
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,

Между них вертись, вертись.

Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высю листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

Август 1901

Сборщиков

Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол —
Глас господень.
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.

Святые отшельники
В виденьях слышали
Лик небесный;
Святые отшельники
Верно запомнили
Нездешние песни.

Наш звон православный
Напевом ангельским
Поет и трубит.
Пожертвуйте, православные,
На новый колокол,
Что милость будет.

Вас бог не забудет.

24 августа 1898

Девичья

То-то жизнь наша прискорбна:

Мы весь день разлучены!
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.

Как ты, бедный друг, страдаешь
Под гуденье, за станком,
Как, закрыв лицо, рыдаешь,
Что с весельем незнаком.

Что мне сделать, неудачной?
Чем мне милому помочь?..
Полно мне считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.

Полюблюсь на тротуаре
Я богатому купцу,
Укачу я с ним на паре,
До утра с ним прокучу.

Будут серьги, будет брошка,
Будут деньги в портмоне.
Я себе возьму немножко, —
За другим приходи ко мне.

Подарю тебе часы я
На цепочке золотой...
Может, деньги и чужие,
Да подарок будет мой!

Если с кем я целовалась,
Он уехал в Верею.
Я тебе верна осталась,
Ты, которого люблю.

1901

Веселая

Дай мне, Ваня, четвертак,
Пожертвуй полтинник!
Что ты нынче весел так,
Словно именинник?

Раскошешься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты!

Надо жить, чтоб пьяной быть
До обеда, в лежку,
Чтоб поутру не тужить
Про нашу дорожку.

Чтобы щеки от тех слез,
Белые, не пухли,
Я румянюсь ярче роз,
Подвигаю букли.

Если ж станет невтерпеж
С мутного похмеля,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.

Буду ждать я час-другой,
Где-то мой сударик?
Помни, помни, друг милой,
Красненький фонарик!

6 сентября 1901

Баллады

Раб

Я – раб, и был рабом покорным
Прекраснейшей из всех цариц.
Пред взором, пламенным и черным,
Я молча повергался ниц.

Я лобызал следы сандалий
На влажном утреннем песке.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла к реке.

И раз – мой взор, сухой и страстный,
Я удержать в пыли не мог,
И он скользнул к лицу прекрасной
И очи бегло ей обжег...

И вздрогнула она от гнева,
Казнь – оскорбителям святынь!
И вдаль пошла – среди напева
За ней толпившихся рабынь.

И в ту же ночь я был прикован
У ложа царского, как пес.
И весь дрожал я, очарован
Предчувствием безвестных грез.

Она вошла стопой неспешной,
Как только жрицы входят в храм,
Такой прекрасной и безгрешной,
Что было тягостно очам.

И падали ее одежды
До ткани, бывшей на груди...
И в ужасе сомкнул я вежды...
Но голос мне шепнул: гляди!

И юноша скользнул к постели.
Она, покорная, ждала...
Лампад светильни прошипели,
Настала тишина и мгла.

И было все на бред похоже!
Я был свидетель чар ночных,

Всего, что тайно кроет ложе,
Их содроганий, стонов их.

Я утром увидал их – рядом!
Еще дрожащих в смене грез!
И вплоть до дня впивался взглядом, —
Прикован к ложу их, как пес.

Вот сослан я в каменоломню,
Дроблю гранит, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, если б пережить все – вновь!

Ноябрь 1900

Пеплум

Знаю сумрачный наход
Страсти, медленно пьянящей:
Словно шум далеких вод,
Водопад, в скалах кипящий.

Я иду, иду одна
Вдоль стены, укрыта тенью;
Знаю: ночь посвящена
Наслажденью и паденью.

Статный юноша пройдет,
Щит о меч случайно брякнет, —
Громче шум бегущих вод,
Водопад мой не иссякнет!

Наконец, без сил, без слов,,
Дрожь в руках и взоры смутны,
Я заслышу жданный зов —
Быть подругою минутной.

Я пойду за ним, за ним
В переулок опустелый,
Черный плащ его, как дым,
Пеплум мой, как саван белый.

Я войду к нему, к нему...
О, скорей гасите свечи!
Я хочу вступить во мглу.
Свет померк, померкли речи.

Кто-то... где-то... чьих-то рук

Слышу, знаю впечатленья.
Я хочу жестоких мук,
Ласк и мук без промедленья.

Набегает сумрак вновь,
Сумрак с отсветом багряным,
Это ль пламя? это ль кровь?
Кровь, текущая по ранам?

Ночь – как тысяча веков,
Ночь – как жизнь в полях за Летой.
Гасну в запахе цветов,
Сплю в воде, лучом согретой...

...В прорезь узкого окна
Глянет утро взором белым.
Прочь! оставь! – иду одна
Переулком опустелым.

Сладко нежит тишина,
С тишиной роднится тело,
Стен воскресших белизна
Оттеняет пеплум белый.

15 октября 1900

Помпеянка

«Мне первым мужем был купец богатый,
Вторым поэт, а третьим жалкий мим,
Четвертым консул, ныне евнух пятый,
Но кесарь сам меня сосватал с ним.

Меня любил империи владыка,
Но мне был люб один нубийский раб,
Не жду над гробом: «casta et pudica»⁹
Для многих пояс мой был слишком слаб.

Но ты, мой друг, мизиец мой стыдливый!
Навек, навек тебе я предана.
Не верь, дитя, что женщины все лживы:
Меж ними верная нашлась одна!»

Так говорила, не дыша, бледнея,
Матрона Лидия, как в смутном сне,
Забыв, что вся взволнована Помпея,

⁹ Чистая и целомудренная (лат.).

Что над Везуviем лазурь в огне.

Когда ж без сил любовники застыли
И покорил их необорный сон,
На город пали груды серой пыли,
И город был под пеплом погребен.

Века прошли; и, как из алчной пасти,
Мы вырвали бывшее из земли.
И двое тел, как знак бессмертной страсти,
Нетленными в объятиях нашли.

Поставьте выше памятник священный,
Живое изваянье вечных тел,
Чтоб память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предел!

17 сентября 1901

Путник

По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад —
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвою понежить взгляд.

Она аллеей к степи сходит,
С ней эфиопские рабы.
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы.

Где у границ безводной степи,
Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи, —
Царевна задержала шаг.

Лепечут пальмы; шум фонтанный
Так радостен издалика,
И ветер, весь благоуханный,
Летит в пустыню с цветника.

Царевна смотрит в детской дрожи,
В ее больших глазах – слеза.
Красивый юноша-прохожий
Простерся там, закрыв глаза.

На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная клюка.

Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска.

Зовет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне, сюда, сюда!
Вот здесь плоды в корзине тесной,
Вино и горная вода.

Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканом
К тебе я припаду, любя».

И путник, взор подняв неспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя.
Она – прекрасна и безгрешна,
Она – как юная заря.

Но он в ответ: «Сойди за цепи,
И кубок мне сама подай!»
Закрыв глаза бедняк из степи.
Фонтаны бьют. Лепечет рай.

Бледнеет и дрожит царевна.
Лежат невольники у ног.
Она растерянна и гневно
Бросает кубок на песок.

Идет к дворцу аллеей сада,
С ней эфиопские рабы...
И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.

1903

Решетка

Между нами частая решетка,
В той тюрьме, где мы погребены.
Днем лучи на ней мерцают кротко,
Проходя в окно, в верху стены.

Между нами кованые брусья,
Проволок меж них стальная сеть.
До твоей руки не дотянусь я, —
В очи только можем мы смотреть...

Тщетно ближу губы сладострастно, —

Лишь железо обжигает их...
Смутно вижу, в полутьме неясной,
У решетки – очерк губ твоих.

И весь день, пока на темной стали
Там и сям мелькает луч дневной,
В содроганьях страсти и печали
Упиваюсь я тобой, ты – мной!

Нас разводит сумрак. На соломе
Мы лежим, уйдя в свои углы;
Там томимся в сладострастной дреме,
Друг о друге грезим в тайне мглы.

Но опять у роковой преграды
Мы, едва затеплятся лучи.
И, быть может, нет для нас отрады
Слаще пытки вашей, палачи!

28 сентября 1902

У моря

Когда встречалось в детстве горе
Иль беспричинная печаль, —
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

Нередко на скале прибрежной
Дни проводила я одна,
Внимала волнам и прилежно
Выглядывала тайны дна:

На водоросли любовалась,
Следила ярких рыб стада...
И все прозрачней мне казалась
До бесконечности вода.

И где-то в глубине бездонной
Я различала наконец
Весь сводчатый и стokolонный
Царя подводного дворец.

В блестящих залах из коралла,
Где жемчугов сверкает ряд,
Я, вся волнуясь, различала
Подводных дев горящий взгляд.

Они ко мне тянули руки,
Шептали что-то, в глубь маня, —
Но замирали эти звуки,
Не достигая до меня.

И знала я, что там, глубоко,
Есть души, родственные мне;
И я была не одинока
Здесь, на палящей вышине!

Когда душе встречалось горе
Иль беспричинная печаль, —
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

3 февраля 1902

Думы

L'ennui de vivre...¹⁰

Я жить устал среди людей и в днях,
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов».
Не пред людьми – от них уйти легко, —
Но пред собой, перед своим сознанием, —
Уже в былое цепь уходит далеко,
Которую зовут воспоминаньем.
Склонясь, иду вперед, растущий груз влача:
Дней, лет, имен, восторгов и падений.
Со мной мои стихи бегут, крича,
Грозят мне замыслов недовершенных тени,
Слепят глаза сверканья без числа
(Слова из книг, истлевших в сердце-склепе),
И женщин жадные тела
Цепляются за звенья цепи.

О, да! вас, женщины, к себе воззвал я сам
От ложа душного, из келий, с перепутий,
И отдавались мы вдвоем одной минуте,
И вместе мчало нас течение по камням.
Вы скованы со мной небесным, высшим браком,
Как с морем воды впавших рек,
Своим я вас отметил знаком,
Я отдал душу вам – на миг, и тем навек.
Иные умерли, иные изменили,
Но все со мной, куда бы я ни шел.
И я влеку по дням, клонясь как вол,
Изнемогая от усилий,
Могильного креста тяжелый пьедестал:
Живую груду тел, которые ласкал,
Которые меня ласкали и томили.

И думы... Сколько их, в одеждах золотых,
Заветных дум, лелеянных с любовью,
Принявших плоть и оживленных кровью!..
Я обречен вести всю бесконечность их.
Есть думы тайные – и снова в детской дрожи,
Закрыв лицо, я падаю во прах...
Есть думы светлые, как ангел божий,

¹⁰ Скука жизни... (фр.).

Затерянные мной в холодных днях.
Есть думы гордые – мои исканья бога, —
Но оскверненные притворством и игрой,
Есть думы-женщины, глядящие так строго,
Есть думы-карлики с изогнутой спиной...
Куда б я ни бежал истоптанной дорогой,
Они летят, бегут, ползут – за мной!

А книги. ... Чистые источники улады,
В которых отражен родной и близкий лик, —
Учитель, друг, желанный враг, двойник —
Я в вас обрел все сладости и яды!
Вы были голубем в плывущий мой ковчег
И принесли мне весть, как древле Ною,
Что ждет меня земля, под пальмами ночлег,
Что свой алтарь на камнях я построю...
С какою жадностью, как тесно я приник
К стоцветным стеклам, к окнам вещих книг,
И увидал сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм безвестных сочетанья,
Услышал странные, родные имена:..
И годы я стоял, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослепла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И все мои мечты распались горстью пепла.

О, если б все забыть, быть вольным, одиноким,
В торжественной тиши раскинутых полей,
Идти своим путем, бесцельным и широким,
Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные, как маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

1902

НАВЕТ ILLA IN ALVO¹¹

Ее движенья неprovорны,
Она ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.
Святому таинству причастна
И той причастностью горда,
Она по-новому прекрасна,

¹¹ Она имеет во чреве (лат.)

Вне вожделений, вне стыда.
В ночь наслажденья, в миг объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатъя,
О чем не ведала она!
В изнеможеньи и в истоме
Она спала без грез, без сил,
Но, как в эфирном водоеме,
В ней целый мир уже почил.
Ты знал ее меж содроганий
И думал, что она твоя...
И вот она с безвестной грани
Приносит тайну бытия!

Когда мужчина встал от роковой постели,
Он отрывает вдруг себя от чар ночных,
Дневные яркости на нем отяготели,
И он бежит в огне – лучей дневных.
Как пахарь бросил он зиждительное семя,
Он снова жаждет дня, чтоб снова изнемочь, —
Ее ж из рук своих освобождает Время,
На много месяцев владеет ею Ночь!
Ночь – Тайна – Мрак – Неведомое – Чудо,
Нам непонятное, что приняла она...
Была любовь и миг, иль только трепет блуда, —
И вновь вселенная в душе воплощена!

Ребечка! Лия! мать! с любовью или злобой
Сокрытый плоднося, ты служишь, как раба,
Но труд ответственный дала тебе судьба:
Ты охраняешь мир таинственной утробой.
В ней сберегаешь ты прошедшие века,
Которые преемственностью живы,
Лелеешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль – вмещаешь дважды ты,
Вмещаешь и даешь им новое течение:
Ты, женщина, ценой деторожденья
Удерживаешь нас у грани темноты!
Неси, о мать, свой плод! внемли глубокой дрожи,
Таи дитя, оберегай, питай
И после, в срочный час, припав на ложе,
Яви земле опять воскресший май!

Свершилось, Сон недавний явен,
Миг вожделенья воплощен:
С тобой твой сын пред богом равен,
Как ты сама – бессмертен он!
Что было свято, что преступно,

Что соблазняло мысль твою,
Ему открыто и доступно,
И он как первенец в раю.
Что пережито – не вернется,
Берем мы миги, их губя!
Ему же солнце улыбнется
Лучом, погасшим для тебя!
И снова будут чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми изведенные грезы
Неведомыми станут вновь.
И кто-то, сладкий яд объятья
Вдохнув с дыханьем темноты
(Быть может, также в час зачатья),
В его руках уснет, как ты!

Иди походкой неспешной,
Неси священный свой сосуд,
В преддверьи каждой ночи грешной
Два ангела с мечами ждут.
Спадут, как легкие одежды,
Мгновенья радостей ночных.
Иные, строгие надежды
Откроются за тканью их.
Она покров заветной тайны,
Сокрытой в явности веков,
Но неземной, необычайный,
Огнем пронизанный покров.
Прими его, покрой главу им,
И в сумраке его молись,
И верь под страстным поцелуем,
Что в небе глубь и в бездне высь!

Июль 1902

Искушение

Я иду. Спотыкаясь и падая ниц,
Я иду.
Я не знаю, достигну ль до тайных границ,
Или в знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, как первый в раю,
В говорящий и манящий сад,
Но одно – навсегда, но одно – сознаю;
Не идти мне назад!

Зной горит, и губы сухи.
Дали строят свой мираж,

Манят тени, манят духи,
Шепчут дьяволы: «Ты – наш!»
Были сонмы поколений,
За толпой в веках толпа.
Ты – в неистовстве явлений,
Как в пучине вод щепы.
Краткий срок ты в безднах дышишь,
Отцветашь, чуть возник.
Что ты видишь, что ты слышишь,
Изменяет каждый миг.
Не упомнишь слов священных,
Сладких снов не сбережешь!
Нет свершений не мгновенных,
Тае истина, как ложь.
И сквозь пальцы мудрость мира
Протекает, как вода,
И восторг блестящий пира
Исчезает навсегда.
Совершив свой путь тяжелый,
С бою капли тайн собрав,
Ты пред смертью встанешь голый,
О мудрец, как сын забав!
Если ж смерть тебе откроет
Тайны все, что ты забыл,
Так чего ж твой подвиг стоит!
Так зачем ты шел и жил!
Все не нужно, что земное,
Шепчут дьяволы: «Ты – наш!»
Я иду в бездонном зное...
Дали строят свой мираж.

«Ты мне ответишь ли, о Сущий,
Зачем я жажду тех границ?
Быть может, ждет меня грядущий,
И я пред ним склоняюсь ниц?

О сердце! в этих тнях века,
Где истин нет, иному верь!
В себе люби сверхчеловека...
Явись, наш бог и полузверь!

Я здесь свершаю путь бесплодный,
Бессмысленный, бесцельный путь,
Чтоб наконец душой свободной
Ты мог пред Вечностью вздохнуть.

И чуют проблеск этой дрожи,
В себе угадывать твой вздох —
Мне всех иных блаженств дороже...

На краткий миг, как ты, я – бог!»

Гимн

Вновь закат оденет
Небо в багрянец.
Горе, кто обменяет
На венок – венец.

Мраком мир не связан,
После ночи – свет.
Кто миропомазан,
Доли лучшей нет.

Утренние зори —
Блеск небесных крыл.
В этом вечном хоре
Бог вас возвестил.

Времени не будет,
Ночи и зари...
Горе, кто забудет,
Что они – цари!

Все жарче зной. Упав на камне,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мне
Под этот гимн, не знаю чей.
И вот все явственней, телесней
Ко мне, простершемуся ниц,
Клонятся, с умиленной песней,
Из волн воздушных сонмы лиц.
О, сколько близких и желанных,
И ты, забытая, и ты!
В чертах, огнями осиянных,
Как не узнать твои черты!
И молнии горят сапфиром,
Их синий отблеск – вечный свет.
Мой слабый дух пред лучшим миром
Уже слышал свой привет!

Но вдруг подымаюсь я, вольный и дикий,
И тени сливаются, гаснут в огне.
Шатаюсь, кричу я, – и хриплые крики
Лишь коршуны слышат в дневной тишине.

«Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Так, значит, за гранью – вторая граница,

И смерть, как и жизнь, только тень и черта?

Так, значит, за смертью такой же бесплодный,
Такой же бесцельный, бессмысленный путь?
И то же мечтанье о воле свободной?
И та ж невозможность во мгле потонуть?

И нет нам исхода! и нет нам предела!
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
Для воли, для духа, для мысли, для тела
Единая, та же, все та же стезя!»

Кричу я. И коршуны носятся низко,
Из дали таинственной манит мираж.
Там пальмы, там влага, так ясно, так близко,
И дьяволы шепчут со смехом: «Ты – наш!»

1902

Италия

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всех роковых столетий!
Тебя народы чтили, как рабы,
И императоры, как дети.
Ты с трона цезарей судила властно мир
И больший мир из Ватикана.
Былая власть твоя – низверженный кумир,
Но человечество твоим прошедшим пьяно.
Твои художники на зыбкости холста
Запечатлели сны, каких не будет дважды!
Они – к источникам открытые врата
Для всех, томящихся от безысходной жажды!
На все пути души ты простирала жезл,
Как знак владычества, – и люди были рады,
Ниц преклоненные у величавых чресл,
Лобзать края одежд, ловить слова и взгляды.

Италия! священная царица!
Где ныне скипетр твой и лавровый венец?
Разломана твоя золотая колесница,
Раскрыты двери в твой дворец.
Италия! несчастная блудница,
И вот к чему пришла ты, наконец!
В лоскутках мантии и в платье устарелом,
Улыбкой искривив надменно-строгий рот,
Ты вышла торговать еще прекрасным телом,
И в ложницу твою – открыт за деньги вход.

Мы смеем все вкусить от ласк, святых, бывало!

Мы можем все тебя увидеть в наготе!
Как женщина, ты всем доступной стала,
И стыдно нам тебя узнать в мечте!

Но еще ты прекрасна, Италия!
Под заемной краской румян,
И с наглостью робкой во взоре!
Прекраснее всех не униженных стран,
К которым покорно ласкается пленное море.
В лагунах еще отражаются
Дворцы вознесенной Венеции —
Единственный город мечты,
И гордые замки вздымаются
В суровой и нежной Флоренции,
Где создан был сон красоты.
И Рим, чародатель единственный,
Ужасный в величье своем,
Лежит не живой, но таинственный,
Волшебным окованный сном.
Нетленные рощи лимонные
Под немыслимым небом цветут.
Горы, — в белых цветах новобрачные!
Воды, собой опьяненные,
Озаряя гроты прозрачные,
Говорят и живут!
Ты прекрасна, Италия,
От Альп крепковейных до ясной Капреи
И далее,
До пустынь когда-то богатой Сицилии,
Где сирокко, устав и слабея,
Губит высокие лилии,
Цветы святого Антония, —
Ты прекрасна, Италия,
Как знакомая сердцу гармония!

Я пришел к тебе усталый,
Путь недавний потеряв,
Беспокойный, запоздалый,
Напрямик по влаге трав.
И случайные скитальцы
Мир нашли в твоём дворце...
О, как нежно эти пальцы
На моем легли лице!
Как прижавшееся тело
Ароматно и свежо!
Пусть притворство, что за дело!
Пусть обман, мне хорошо!

В этой нежности мгновенной,
Может, тайно, разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.

Июнь 1902

Венеция

Париж

И я к тебе пришел, о город многоликий,
К просторам площадей, в открытые дворцы;
Я полюбил твой шум, все уличные крики:
Напев газетчиков, бичи и бубенцы;
Я полюбил твой мир, как сон, многообразный
И вечно дышащий, мучительно-живой...
Твоя стихия – жизнь, лишь в ней твои соблазны,
Ты на менядохнул – и я навеки твой.

Порой казался мне ты беспощадно старым,
Но чаще ликовал, как резвое дитя,
В вечерний, тихий час по меркнувшим бульварам
Меж окон блещущих людской поток катя.
Сверкали фонари, окутанные пряжей
Каштанов царственных; бросали свой призыв
Огни ночных реклам; летели экипажи,
И рос, и бурно рос глухой, людской прилив.
И эти тысячи и тысячи прохожих
Я сознавал волной, текущей в новый век.
И жадно я следил течение вольных рек,
Сам – капелька на дне в их каменистых ложах,
А ты стоял во мгле – могучим, как судьба,
Колоссом, давящим бесчисленные рати...
Но не скудел пеан моих безумных братии,
И Города с Людьми не падала борьба...

Когда же, утомлен виденьями и светом,
Искал приюта я – меня манил собор,
Давно прославленный торжественным поэтом...
Как сладко здесь мечтал мой воспаленный взор,
Как были сладки мне узорчатые стекла,
Розетки в вышине – сплетенья звезд и лиц.
За ними суета невольно гасла, блекла,
Пред вечностью душа распростиралась ниц...
Забыв напев псалмов и тихий стон органа,
Я видел только свет, святой калейдоскоп,
Лишь краски и цвета сияли из тумана...
Была иль будет жизнь? и колыбель? и гроб?

И начинал мираж вращаться вокруг, сменяя
Все краски радуги, все отблески огней.
И краски были мир. В глубоких безднах рая
Не эти ль образы, века, не утомляя,
Ласкают взор ликующих теней?

А там, за Сеной, был еще приют священный.
Кругообразный храм и в бездне саркофаг,
Где, отделен от всех, спит император пленный, —
Суровый наш пророк и роковой наш враг!
Сквозь окна льется свет, то золотой, то синий,
Неяркий, слабый свет, таинственный, как мгла.
Прозрачным знаменем дрожит он над святыней,
Сливаясь с веяньем орлиного крыла!
Чем дольше здесь стоишь, тем все кругом безгласней,
Но в жуткой тишине растет беззвучный гром,
И оживает все, что было детской басней,
И с невозможностью стоишь к лицу лицом!
Он веком властвовал, как парусом матросы,
Он миллионам душ указывал их смерть;
И сжали вдруг его стеной тюрьмы утесы,
Как кровля, налегла расплавленная твердь.
Заснул он во дворце — и взор открыл в темнице,
И умер, не поняв, прошел ли страшный сон...
Иль он не миновал? ты гредишь, что в гробнице?
И вдруг войдешь сюда — с жезлом и в багрянице, —
И пред тобой падем мы ниц, Наполеон!

И эти крайности! — все буйство жизни нашей,
Средневековый мир, величье страшных дней, —
Париж, ты съединил в своей священной чаше,
Готовя страшный яд из песен и идей!
Ты человечества — Мальстрем. Напрасно люди
Мечтают от твоих влияний ускользнуть!
Ты должен все смешать в чудовищном сосуде.
Блестит его резьба, незримо тает муть.

Ты властно всех берешь в зубчатые колеса,
И мелешь души всех, и веешь легкий прах.
А слезы вечности кропят его, как росы...
И ты стоишь, Париж, как мельница, в веках!

В тебе возможности, в тебе есть дух движенья,
Ты вольно окрылен, и вольных крыльев тень
Ложится и теперь на наши поколения,
И стать великим днем здесь может каждый день.
Плотины баррикад вонзал ты смело в стены,
И замыкал поток мятущихся времен,
И раздроблял его в красивых брызгах пены.

Он дальше убегал, разбит, преображен.
Вторгались варвары в твой сжатый круг, крушили
Заветные углы твоих святых дворцов,
Но был не властен меч над тайной вечной были:
Как феникс, ты взлетал из дыма, жив и нов.
Париж не весь в домах, и в том иль в этом лике:
Он часть истории, идея, сказка, бред.
Свое бессмертие ты понял, о великий,
И бреду твоему исчезновенья – нет!

1903

Париж

Мир

Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...
Я берегу его – единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.
Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли,
Со сходами, припрятанными в трапах,
Картинки в рамочках на выцветшей стене,
Старинные скамьи и прочные конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свет незоркий,
Лежащий без теней в ленивой тишине,
И запах надо всем, нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь, во все!
Быть может, выросший в веревках или дегте,
Иль вползший, как змея, в безлюдное жилье,
Но царствующий здесь над всем житейским складом,
Проникший все насквозь, держащий все в себе!
О, позабытый мир! и я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Я помню: за окном, за дверью с хриплым блоком
Был плоский и глухой, всегда нечистый двор.
Стеной и вывеской кончался кругозор
(Порой закат блестел на куполе далеком).
И этот старый двор всегда был пуст и тих,
Как заводь сорная, вся в камышах и тине...
Мелькнет монахиня... Купец в поддевке синей...
Поспешно пробегут два юрких половых...
И снова душный сон всех звуков, красок, линий.
Когда въезжал сюда телег тяжелый ряд,
С самоуверенным и беспощадным скрипом, —
И дюжим лошадям, и безобразным кипам,

И громким окрикам сам двор казался рад.
Шумели молодцы, стуча вскрывались люки,
Мелькали руки, пахло кумачом...
Но проходил тот час, вновь умирали звуки,
Двор застывал во сне, привычном и немом...
А под вечер опять мелькали половые,
Лениво унося порожние судки...
Но поздно... Главы гаснут золотые.
Углы – приют теней – темны и глубоки.
Уже давно вся жизнь влачится неисправней,
Мигают лампы, пахнет керосин...
И скоро вынесут на волю, к окнам, ставни,
И пропоет замок, и дом заснет – один.

Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно.
Я мальчиком глядел в то пыльное окно,
У сумрачных весов играл в большие гири
И лазил по мешкам в сараях, где темно.
Мечтанья детские в те дни уже светлели;
Мне снились: рощи пальм, безвестный океан,
И тайны полюсов, и бездны подземелий,
И дерзкие пути межпланетных стран.
Но дряхлый, ветхий мир на все мои химеры
Улыбкой отвечал, как ласковый старик.
И тихо надо мной – ребенком – ник,
Громадный, неподвижный, серый.

И что-то было в нем родным и близким мне.
Он глухо мне шептал, и понимал его я...
И смешивалось все, как в смутном сне:
Мечта о неземном и сладкий мир покоя...

.....

Недавно я прошел знакомым переулком
И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый, мир был тускл и нем —
Теперь сверкало все, гремело в гуле гулком!
Воздвиглись здания из стали и стекла,
Дворцы огромные, где вольно бродят взоры...
Разрыты навсегда таинственные норы,
Бесстрастный свет вошел туда, где жалась мгла.
И лица новые, и говор чужд... Все ново!
Как сказка смелая – воспоминанья лет!
Нет даже и во мне тогдашнего былого,
Напрасно я ищу в душе желанный след...
В душе все новое, как в городе торговли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и страх.

Я мальчиком мечтал о будущих годах:
И вот они пришли... Ну что же? Я таков ли,
Каким желал я быть? Добыл ли я венец?
Иль эти здания, все из стекла и стали,
Восставшие в душе как призрачный дворец,
Все утоленные восторги и печали,
Все это новое – напрасно взяло верх
Над миром тем, что мне – столетья завещали,
Который был моим, который я отверг!

1903

Москва

IN HAC LACKIMARUM VALLE¹²

Весь долгий путь свершив, по высям и низинам,
Твои зубцы я вижу, наконец,
О горный кряж веселости и смеха!
В рассветный час ты вырос исполином,
Как до небес воздвигнутый дворец,
И гулко на привет твое мне вторит эхо.
За мной падений стыд и боль палящих ран,
Теснины скал и быстрины потоков,
За мной покинутый в равнине бранный стан,
За мной пустыня – мир безумцев и пророков.
Кругом меня – немые тополя,
Как женщины, завернутые строго.
Свивается причудливо дорога,
Вся белая, мглу надвое деля.
И лилии, закрыв в сыром тумане
Кадильницы ночных благоуханий,
Сгибают выгибы упругого стебля.
Чу! ближний ключ запел неравномерно...
Долина слез! чье имя как печаль!
Как все в тебе неясно и неверно.
Но для меня уже белеет даль,
Я вышел из страны позора и успеха,
Снимаю я с своей главы венцы.
Уже блестят в огне, уже блестят зубцы,
Твои – о кряж торжественного смеха!

Я взойду при первом дне
Хохотать к зубцам, на выси,
И на смех завторят мне
Неумолчным смехом рыси.

¹² В этой долине слез (лат.)

Стану рыскать наугад
Вверх и вниз я лугом, лесом:
Встречный друг и вечный брат
С нимфой, с зверем, с богом, с бесом.

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены;
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

Всем настанет черед
Выпить острый сок услады.
Лица скроют от стыда
В чащах белые дриады.

Зазовут меня в свой грот
Скальных недр владыки – гномы.
Буду пить я дикий мед,
Гость желанный и знакомый.

Я сдою им про Грааль,
То-то будет им веселье!
Подарит мне Рюбецаль
На прощанье ожерелье.

Канет в сумрак летний зной,
Лунный глаз проглянет слева, —
Обручальный перстень свой
Мне подаст лесная дева.

Я его, склонясь, приму,
Уроню свой плащ багровый...
Ночь длинней протянет тьму,
Отлетят ночные совы.

Я к вам вернусь, о люди, – вернусь, преображен,
Вся жизнь былая будет как некий душный сон.
Я к вам вернусь воскресшим, проснувшимся от сна...
Волна волну стирает, и все ж она – волна.
И я иной, чем прежде, но все же это – я,
И песнь моя другая, но это – песнь моя.
Никто ее не может сложить, как я могу,
А тайну прошлых песен я в сердце берегу.
И все мои напевы еще подвластны мне:
И те, что пел я в детстве, и те, что пел во сне.
Дано мне петь, что любо, что нравится мечтам,
А вам – молчать и слушать, вникать в напевы вам!
И что бы ни задумал я спеть – запрета нет,
И будет все достойно, затем, что я – поэт!

И в жизнь пришел поэтом, я избран был судьбой,
И даже против воли останусь сам собой.
Я понял неизбежность случайных дум своих,
И сам я чту покорно свой непокорный стих.
В моем самохваленьи служенье богу есть, —
Не знаю сам, какая, и все ж я миру весть!

6/19 июня 1902

Венеция

Элегии

Женщинам

Вот они, скорбные, гордые тени
Женщин, обманутых мной.
Прямо в лицо им смотрю без сомнений,
Прямо в лицо этих бледных видений,
Созданных чарой ночной.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущих тел!
Вас обретал я, и вами владел!
Все ваши тайны – то нежный, то грубый,
Властный, покорный – узнать я умел.

Да, я вас бросил, как остов добычи,
Бросил на знойном пути.
Что ж! в этом мире вещей и обличий
Все мне сказалось в единственном кличе:
«Ты должен идти!»

Вас я любил так, как любят, и каждой
Душу свою отдавал до конца,
Но – мне не страшно немого лица!
Не одинаковой жаждой
Наши горели сердца.

Вы, опаленные яростной страстью,
В ужасе падали ниц.
Я, прикоснувшись к последнему счастью,
Не опуская ресниц,
Шел, увлекаем таинственной властью,
К ужасу новых границ.

Вас я любил так, как любят, и знаю —
С каждой я был бы в раю!
Но не хочу я довериться раю.
Душу мою из блаженств вырываю,
Вольную душу мою!

Дальше, все дальше! от счастья до муки,
В ужасы – в бездну – во тьму!
Тщетно ко мне простираете руки
Вы, присужденные к вечной разлуке:
Жить мне и быть – одному.

1902

Свидание

В одном из тех домов, придуманных развратом,
Где всем предложена наемная кровать,
На ложе общих ласк, еще недавно смятом,
И мы нашли приют – свою любовь скрывать.

Был яркий летний день, но сдвинутые шторы
Отрезывали нас от четкого луча;
Во мгле искусственной ловил я только взоры
Да тени смутные прически и плеча.

Вся жизнь была в руках; я слышал все биенья,
Всю груди теплоту, все линии бедра;
Ты прилегла ко мне, уже в изнеможеньи,
И ты на миг была – как нежная сестра.

Но издали, крутясь, летела буря страсти...
Как изменились вдруг внизу твои глаза!
И ложе стало челн. У буйных волн во власти,
Промчался он, и вихрь – сорвал все паруса!

И мне пригрезилось: сбылась судьба земного.
Нет человечества! Ладью влечет хаос!
И я, встречая смерть, искал поспешно слова,
Чтоб трепет выразить последних в мире грез.

Но вместо слов был бред, и, неотступно жая,
Впивался и томил из глубины твой взгляд.
Твой голос слышал я: «Люблю! твоя! мой Валя!»
Ладья летит быстрее... и рухнул водопад.

И мы на берегу очнулись в брызгах пены.
Неспешно, как из форм иного бытия,
Являлся внешний шум и выступали стены,
Сливалось медленно с действительностью «я».

Когда ж застенчиво, лицо в густой вуали,
На улицу за мной ты вышла из ворот,
Еще был яркий день, пролетки дребезжали,
И люди мимо шли – вперед, вперед...

1 июня 1901

В Дамаск

Губы мои приближаются
К твоим губам,
Таинства снова свершаются,
И мир как храм.

Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Строго в великой обители
Слова звучат.

Ангелы, ниц преклоненные,
Поют тропарь.
Звезды – лампы зажженные,
И ночь – алтарь.

Что нас влечет с неизбежностью,
Как сталь магнит?
Дышим мы страстью и нежностью,
Но взор закрыт.

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!

1903

Гиацинт

С. Л. Полякову

Словно кровь у свежей раны,
Красный камень гиацинт
Увлекает грезу в страны,
Где царит широкий Инд;

Где в засохших джунглях внемлют
Тигры поступи людей
И на мертвых ветках дремлют
Пасти жадных орхидей;

Где, окованная взглядом,
Птица стынет пред змеей
И, полны губящим ядом,

Корни пухнут под землей.

Сладко грезить об отчизне
Всех таинственных отрав!
Там найду я радость жизни —
Вплотивший смерть состав!

В лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волюю,
И навек в моем кинжале
Мечь и волю затаю.

И когда любовь обманет,
И ласкавшая меня
Расточать другому станет
Речи нег на склоне дня, —

Я приду к ней с верным ядом,
Я ее меж ласк и чар,
Словно змей, затешу взглядом,
Разочту, как тигр, удар.

И, глядя на кровь у раны
(Словно камень гиацинт!),
Повлекусь я грезой в страны,
Где царит широкий Инд.

20 декабря 1900

Подражание Гейне

Мне снилось, я в городе дальнем,
Где ты истомилась одна.
Твой мальчик прохожего встретил,
Сказал мне, что мама больна.

К тебе я вошел, как безумный,
Шепнула ты мне: наконец!
И слышалось четко биенье
Двух слишком счастливых сердец.

Я сел на скамью у кровати,
И сердце мне сжала тоска:
Бледны исхудалые щеки,
Бледна и прозрачна рука.

Твой муж, и сестра, и сиделка —
Все вдруг отошли к стороне,

И я целовал твои руки,
И ты улыбалась мне.

И ты мне сказала: «Мой милый,
Мы точно голубки в грозе», —
К тебе я прижался, рыдая,
И плакали, плакали все.

В слезах я проснулся безумный,
Кругом темнота, тишина,
И город далек, где томишься
Ты в тяжком недуге одна.

1 июля 1901

Прощальный взгляд

Я сквозь незапертые двери
Вошел в давно знакомый дом,
Как в замок сказочных поверий,
Постигнутый волшебным сном.

Сквозь спущенные занавески
Чуть проникали тени дня,
И люстры тонкие подвески
Сверкали бледно, не звеня.

И так шаги казались странны,
Почти заглушены в коврах.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стенах.

Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.
Полузасохшие растенья
Стояли стражей мертвецов.

Я заглянул... Она смотрела,
Как тихо догорал камин.
Зола каких-то писем тлела,
Но в воздухе дышал жасмин.

На платье белое – все реже
Бросали угли отсвет свой.
Она вдыхала запах свежий,
Клонясь все ниже головой.

И, не веселый, не печальный,

Я скрылся, как вошел, без слов,
Приняв в гостиной взгляд прощальный
Остановившихся часов.

25 декабря 1901

К близкой

Предстанет миг, и дух мой канет
В неизмеримость без времен,
И что-то новое настанет,
И будет прах земли как сон.

Настанет мир иных скитаний,
Иных падений и высот,
И, проходя за гранью грани,
Мой дух бывшее отряхнет.

Воспоминанья все утратит,
В огне небес перегорит
И за познание тайн заплатит
Забвением счастья и обид.

И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

В моей душе преображенной,
От всех условий бытия,
Как мысль от тени, отрешенной,
Восстанет вся любовь моя,

Весь круг бессилия и счастья,
Все дни, что вечностью прошли,
Весь вещей ужас сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И словно вновь под сводом звездным,
С своей бездонной высоты,
Твое я имя кину к безднам,
И мне на зов ответишь – ты!

1903

Пытка

Эта боль не раз мной испытана,
На кресте я был распят не раз,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорах свет солнца погас.

Члены пыткой злой обессилены,
Я во прахе кровавом – как труп.
Выжидают мгновения филины,
Опустившись на ближний уступ.

Но, чем мука полней и суровее,
Тем восторженной песни хочу,
И кричу, и пою славословия,
Вечный гимн моему палачу.

О, приди, без улыбки, без жалости,
Снова к древу меня пригвождать,
Чтоб я мог в ненасытной усталости
Снова руки твои целовать.

Чтоб, в борьбе с сладострастной безмерностью
Нарастающих яростных мук,
Я утешен был девственной верностью
Этих строго безжалостных рук.

Декабрь 1901

Эпизод

1

Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?
Твои так нежны глазки,
И поступь – как у фей!

Я – принц, а ты – царевна,
Отец твой – злой король...
Но не гляди так гневно,
Побыть с тобой позволь.

Я в шапке-невидимке,
Для всех – ты здесь одна!
И вот в вечерней дымке
Померкла даль окна.

Прислужницы уводят

Тебя под полог твой...
Ночные тени бродят,
И я во мгле с тобой!

Уста твои безмолвны,
Смежен покорный взор.
Бросаю в воздух – в волны
Наш самолет-ковёр.

Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей...
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?

2

Зачем твое имя Мария,
Любимое имя мое?
Любовь – огневая стихия,
Но ты увлекаешь в нее.

Зачем с утомляющей дрожью
Сжимаю я руку твою
И страсть, как посланницу божью,
В горящей мечте узнаю?

Ты шепчешь, лицо уклоняя:
«Зачем я слаба? – ты сильней»,
И вьется дорога ночная
По царству теней и огней.

3

Когда твой поезд, с ровным шумом,
Мелькнул и стал вонзаться в даль,
А я стоял, доверясь думам,
Меня так нежила печаль.

Там, на платформе опустелой,
В июльском пламенном огне,
Все то, что с детством охладело,
Я находил живым во мне.

И после всех моих падений
Мне так легко давались вновь
И детский трепет разлучений,

И детски нежная любовь.

Июль 1901

Таинства ночей

Хранятся в памяти, как в темной книге,
Свершившиеся таинства ночей,
Те, жизни чуждые, святые миги,
Когда я был и отдан, и ничей.

Я помню запах тьмы и запах тела,
Дрожащих членов выгибы и зной,
Мир, дышащий желаньем до предела,
Бесформенный, безобразный, иной.

Исторгнутые мукой сладострастья,
Безумны были речи, – но тогда
Казалось мне, что властен их заковать я
Заключением забвенья – навсегда!

Что этот бред, мучительным отливом
Вскрывающий души нагое дно,
Навек умрет с растаявшим порывом,
Что в миге будет все погребено!

Нет! Эта мгла и криков и видений
В другой мечте, как и в моей, жива!
О вы, участницы ночных радений,
Вы слышали запретные слова!

Я был не одинок во храме страсти,
Дал подсмотреть свой потаенный сон,
И этот храм позором соучастия
В святых воспоминаньях осквернен!

1902

Одиночество

Проходят дни, проходят сроки,
Свободы тщетно жаждем мы.
Мы беспощадно одиноки
На дне своей души-тюрьмы!

Присуждены мы к вечной келье,
И в наше тусклое окно

Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходит рядом
За днями день, за годом год.
Мы лжем любовью, словом, взглядом, —
Вся сущность человека лжет!

Нет сил сказать, нет сил услышать,
Невластно ухо, мертв язык.
Лишь время знает, чем утишить
Безумно вопиющий крик.

Срывай последние одежды
И грудью всей на грудь прильни, —
Порыв бессилен! нет надежды!
И в самой страсти мы одни!

Нет единенья, нет слиянья, —
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушие раба.

Напрасно дух о свод железный
Стучится крыльями, скользя.
Он вечно здесь, над той же бездной:
Упасть в соседнюю – нельзя!

И путник, посредине луга,
Кругом бросает тщетный взор:
Мы вечно, вечно в центре круга,
И вечно замкнут кругозор!

1903

Сонеты и терцины

Отвержение

Мой рок, благодарю, о верный, мудрый змий!
Яд отвержения – напиток венценосный!
Ты запретил мне мир изведанный и косный,
Слова и числа дав – просторы двух стихий!

Мне чужды с ранних дней – блистающие весны
И речи о «любви», заветный хлам витий;
Люблю я кактусы, пасть орхидей да сосны,
А из людей лишь тех, кто презрел «не убий».

Вот почему мне так мучительно знакома
С мишурной кисеей продажная кровать.
Я в зале меж блудниц, с ватагой пьяниц дома.

Одни пришли сюда грешить и убивать,
Другие, перейдя за глубину паденья,
Вне человечества, как странные растения.

18 июня 1901

Втируша

Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу,
Смеешься над бессильным крикнуть: «Прочь!»
Тот вечно раб, кто принял раз втирушу...
Покорствуй дух, когда нельзя помочь.

Я – труп пловца, заброшенный на сушу,
Ты – зыбких волн неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу.
В твоих руках я буду мертв всю ночь.

До утра буду я твоей добычей,
Орудием твоих ночных утех.
И будет вокруг меня звенеть твой смех.

Исчезнешь ты под первый щебет птичий,
Но я останусь нем и недвижим
И странно чуждый женщинам земным.

1903

Сонет

О ловкий драматург, судьба, кричу я «браво»
Той сцене выигрышной, где насмерть сам сражен,
Как все подстроено правдиво и лукаво.
Конец негаданный, а неизбежен он.

Сознайтесь, роль свою и я провел со славой,
Не закричат ли «бис» и мне со всех сторон,
Но я, закрыв глаза, лежу во мгле кровавой,
Я не отвечу им, я насмерть поражен.

Люблю я красоту неожиданных поражений,
Свое падение я славлю и пою,
Не все ли нам равно, ты или я на сцене.

«Вся жизнь игра». Я мудр и это признаю,
Одно желание во мне, в пыли простертом,
Узнать, как пятый акт развяжется с четвертым.

4 июля 1901

Хмель иступленья

В моей душе сегодня, как в пустыне,
Самумы дикие крутятся, и песок,
Столбами встав, скрывает купол синий.

Сознание – разломанный челнок
В качаньи вод, в просторе океана;
Я пал на дно, а берег мой далек!

Мои мечты неверны, как тумана
Колеблемые формы над рекой,
Когда все поле лунным светом пьяно.

Мои слова грохочут, как прибой,
Когда, взлетев, роняет он каменья,
И, в споре волн, одна слита с другой.

Я наслаждаюсь хмелем иступленья,
Пьянящим сердце слаще острых вин.
Я – в буре, в хаосе, в дыму горенья!

А! Быть как божество! хоть миг один!

1 июня 1901

Лесная дева

Л. Н. Вилькиной

На перекрестке, где сплелись дороги,
Я встретил женщину: в сверкании глаз
Ее – был смех, но губы были строги.

Горящий, яркий вечер быстро гас,
Лазурь увлажнивалась тихим светом,
Неслышно близился заветный час.

Мне сделав знак с насмешкой иль приветом,
Безвестная сказала мне: «Ты мой!»,
Но взор ее так ласков был при этом,

Что я за ней пошел тропой лесной,
Покорный странному ее влиянию.
На ветви гуще падал мрак ночной...

Все было смутно шаткому сознанию,
Стволы и шелест, тени и она,
Вся белая, подобная сиянию.

Манила мгла в себя, как глубина;
Казалось мне, я падал с каждым шагом,
И, забываясь, жадно жаждал дна.

Тропа свивалась долго над оврагом,
Где слышался то робкий смех, то вздох,
Потом скользнула вниз, и вдруг зигзагом,

Руслом ручья, который пересох,
Нас вывела на свет, к поляне малой,
Где черной зеленью стелился мох.

И женщина, смеясь, недвижно стала,
Среди высоких илистых камней,
И, молча, подойти мне указала.

Приблизился я, как лунатик, к ней,
И руки протянул, и обнял тело,
Во храме ночи, во дворце теней.

Она в глаза мне миг один глядела
И, – прошептав холодные слова:

«Отдай мне душу», – скрылась тенью белой.

Вдруг стала ночь таинственно мертва.
Я был один на блещущей поляне,
Где мох чернел и зыблилась трава...

И до утра я проблуждал в тумане,
По жуткой чаще, по чужим тропам,
Дыша, в бреду, огнем воспоминаний.

И на рассвете – как, не знаю сам, —
Пришел я вновь к покинутой дороге,
Усталый, на землю упал я там.

И вот я жду в томленьи и в тревоге
(А солнце жжет с лазури огневой),
Сойдет ли ночь, мелькнет ли облик строгий.

Приди! Зови! Бери меня! Я – твой!

26 ноября 1902
Петербург

Mon r  te familial¹³

*Люблю мечты моей созданье,
Лермонтов*

Вновь одинок, как десять лет назад,
Брожу в саду; ведут аллеи те же,
С цветущих лип знакомый аромат.

Чу! лай собак. Повеял ветер свежий,
И с тихим вечером приходит бред,
Что нежит сердце год за годом реже.

Мне нынче снова – девятнадцать лет!
Ты вновь со мной, «мечты моей созданье»!
Дай плакать мне – я снова твой поэт!

Как сладостно твоих шагов шуршанье;
Ты дышишь рядом; подыми я взор,
Твоих очей ответит мне сверканье.

Не изменилась ты, – о, нет, – с тех пор,
Как мальчику явилась ты впервые

¹³ Моя привычная мечта (фр.).

И был свершен наш брачный договор!

Ты мне дала узнать, что страсть – стихия,
Ввела во храмы воплощенных грез,
Открыла мне просторы неземные,

Следила ты, как друг, пока я рос,
На первые свиданья приходила,
Была меж нами третья в мире роз.

Я изменил – но ты не изменила,
Лишь отошла, поникнув головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, как я мог пожертвовать тобой!
Для женщины из плоти и из крови
Как позабыл небесный образ твой!

Но лишь с тобой мне счастье было внове.
В часы луны, у перепевных струй,
На ложе – у палящих изголовий,

Прильнув к груди, впивая поцелуй,
Невольно я тебя искал очами,
Тебя я жаждал!.. Верь и не ревнуй.

По-прежнему твой лик витал над снами!
Кого б я ни ласкал, дрожа, любя,
Я счастлив был лишь тайными мечтами, —

Во всех, во всех лаская лишь тебя!

22 мая 1903
Старое Село

Sancta Agatha¹⁴

На горы тихие ложилась мгла,
А деревца по склонам были нежны,
Из церкви, торопясь, домой я шла.

Со мной был крест, хранитель мой надежный,
Белели чаши лилий по пути,
Благоухал в цвету рассадник смежный.

И там, где надлежало мне пройти,

¹⁴ Святая Агата (лат.).

Где тесно путь сжимали две ограды,
Предстал мне юноша лет двадцати.

И, встретясь, наши опустились взгляды!
Прекрасный, он, как праотец, был наг.
Нам стало страшно, и мы были рады.

Без воли я замедлила мой шаг
И стала, прислонясь, под веткой сливы,
А он ко мне, как брат иль тайный враг:

«Агата, молвил, мы с тобой счастливы!
Я – мученик святой, я – Себастьян.
Умрем мы в муках, но в Отце мы живы!»

Взглянув, увидела я кровь из ран
И жадно впившиеся в тело стрелы,
Но был он светом белым осиян.

И тот же свет, торжественный и белый,
Вдруг от меня разлил свои лучи.
Вокруг народ столпился, город целый.

Сорвав с меня одежду, палачи
Мне груди вырвали, глумясь, щипцами
И занесли над головой мечи.

Мой спутник поддержал меня руками
(Я падала от боли и стыда),
Спускались с неба два венца над нами.

«Сестра, – спросил меня он, – ты тверда?»
И подал мне отрубленные груди.
Я как невеста отвечала: «Да!»

И к небу протянула их на блюде,
Не зная, где страданье, где любовь...
Но тут иные замелькали люди.

Исчезло все – и Себастьян, и кровь,
Означилась моя дорога к дому,
И, торопясь, пошла я дальше вновь,
Отныне обрученная святому!

*Июнь 1902
Флоренция*

Терцины к спискам книг

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова близки.

Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названья неизвестных книг;

Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;

Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».

И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,

Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать грудю слов.

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне все равно, безумец иль пророк,
Созданье для ума и для забавы.

Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний
Я сохраню навек семь-восемь строк.

Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне.
Венчаю я – мир творчества и знаний».

Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целую землю,
При быстро умирающей луне,

Исчезновение! твой зов приемлю.

10 апреля 1901

Картины

Люблю одно

Люблю одно: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.

Я с изумленьем, вечно новым,
Весной встречаю синеву,
И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.

Смотрю в лицо идущих мимо,
В их тайны властно увлечен,
То полон грустью нелюдимою,
То богомолен, то влюблен.

Под вольный грохот экипажей
Мечтать и думать я привык,
В теснине стен я весь на страже;
Да уловлю господень лик!

12 октября 1900

Раньше утра

Я знаю этот свет, неумолимо четкий,
И слишком резкий стук пролетки в тишине,
Пред окнами контор железные решетки,
Пустынность улицы, не дышащей во сне.

Ночь канула в года, свободно и безумно.
Еще горят огни всех вдохновенных сил;
Но свежий утренник мне веет в грудь бесшумно,
Недвижные дома – как тысячи могил.

Там люди-трупы спят, вдвоем и одиноко,
То навзничь, рот открыв, то ниц – на животе
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна в открытой нагоде!

Два равных мира есть, две равные стихии:
Мир дня и ночи мир, безумства и ума,

Но тяжки грани их – часы полуночные,
Когда не властен свет и расточилась тьма.

С последним чаяньем, свою мечту ночную
Душа стремится влить в пустые формы дня,
Но тщетно я борюсь, и тщетно я колдую:
Ты, день, могучий враг, вновь покоришь меня!

1902

Каменщик

– Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?
– Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

– Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?
– Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

– Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?
– Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

– Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!
– Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!

16 июля 1901

Мальчик

В бочке обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожит деревянный черпак;
Мальчик-вожатый из сил выбивается,
Бочку на горку не втащит никак.

Зимняя улица шумно взволнована,
Сани летят, пешеходы идут,
Только обмерзлая бочка прикована:
Выем случайный и скользок и крут.

Ангел сверкает блестящим воскрылием,

Ангел в лучистом венце над челом,
Взял за веревку и легким усилием
Бочку вкатил на тяжелый подъем.

Крестится мальчик, глядит неуверенно,
Вот покатиł свои санки вперед.
Город шумит неизменно, размеренно,
Сани летят и проходит народ.

Ноябрь 1901

Царица

С конки сошла она шагом богини
(Лилия белая, взросшая в тине!).
Долго смотрел я на правильность линий
Молодого лица.
Сумрак холодный лежал без конца,
Небеса были звездны и сини.

Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмелился встречи.
Были не нужны и тягостны речи
Здесь на земле!
Контур ее затерялся во мгле.
Горели кругом погребальные свечи.

Да! я провидел тебя в багрянице,
В золотой диадеме... Надменной царицей
Ты справляла триумф в покоренной столице.
Чу! крики бесчисленных уст!
Нет, тротуар озаренный безмолвен и пуст,
Лишь фонари убегают вперед вереницей.

5 мая 1901

Прохожей

Она прошла и опьянила
Томящим сумраком духов
И быстрым взором оттенила
Возможность невозможных снов.

Сквозь уличный железный грохот
И пьян от синего огня,
Я вдруг слышал жадный хохот,
И змеи оплели меня.

В моих глазах еще синела
Небес вечерних полумгла,
Но теплота чужого тела
Меня объяла и прожгла.

И в ужасе борьбы упорной,
Меж клятв, молений и угроз,
Я был опутан влагой черной
Ее распущенных волос.

4 октября 1900

Голос часов

С высокой башни колокольной
Призывный заменяя звон,
Часы поют над жизнью дольной,
Следя движение времен.

Но днем в бреду многоголосном
Не слышен звонкий их напев,
Над гулким грохотом колесным,
Над криком рынка, смехом дев.

Когда ж устанет день, и ляжет
Ночная тень во всех углах,
И шуму замолчать прикажет,
И переменит жизнь в огнях,

Мы все, покорствуя невольно,
В просторном царстве вещей снов,
С высокой башни колокольной
Внимаем голосу часов.

Густеют и редеют тени.
А торжествующая медь
Зовет и нас в чреде мгновений
Мелькнуть, побыть и умереть.

28 июня 1902

На скачках

Люблю согласное стремленье
К столбу летящих лошадей,
Их равномерное храпенье

И трепет вытянутых шей.

Когда вначале свежи силы,
Под шум о землю бьющих ног,
Люблю задержанной кобылы
Уверенный упругий скок.

Люблю я пестрые камзолы,
В случайный сбитые букет,
И финиш, ярый и тяжелый,
Где миг колеблет «да» и «нет».

Когда счастливец на прямую
Выходит, всех опередив,
Я с ним победу торжествую,
Его понятен мне порыв!

Быть первым, вольно одиноким!
И видеть, что близка мета,
И слышать отзвуком далеким
Удары ног и шелк хлыста!

23 сентября 1902

Чудовища

Зловещее и смутное есть что-то...

К. Фофанов

Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми
Стоят чудовища, незримые людьми:
Болезни, ужасы и думы тех, кто прежде
Жил в этих комнатах и верил здесь надежде.
И все мы, с первых дней вступая в старый дом,
Под их влиянием таинственным живем.
Их образ – как у птиц. Как глупые пингвины,
Они стоят во мгле, к стене притиснув спины
И чинно крылышки прижав к своим бокам;
Как грифы серые, нахохлясь, по углам,
За печкой, за бюро сидят неясной грудой;
Как совы, на шкапах таятся, и оттуда
Глядят незрячими глазами целый день.
При свете дня их нет, они – пустая тень,
И только вечером, когда уносят свечи
И где-то вдалеке шумят за чаем речи, —
В потемках, в комнатах, безмолвных с давних пор,
Они выходят все из мрака и из нор,
Гуляют и шумят за мигом миг смелее,

Почти что на виду вытягивают шеи,
Пугают мальчика, боящегося мглы,
И, лишь внесут огонь, скрываются в углы.
А после, полночью, в квартире, тупо спящей,
Блуждают, властные, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давних лет холодный сон томят
И в губы спящего вдыхают мертвый яд.

1903

Зимние дымы

Хорошо нам, вольным дымам,
Подыматься, расстилаться,
Кочевать путем незримым,
В редком воздухе теряться,

Проходя по длинным трубам,
Возноситься выше, выше
И клубиться белым клубом,
Наклоняясь к белым крышам.

Дети пламени и праха,
Мы как пламя многолики,
Мы встречаем смерть без страха,
В вольной области – владыки!

Над толпой немых строений,
Миром камней онемелых,
Мы – семья прозрачных теней —
Дышим в девственных пределах.

Воздух медленный и жгучий —
Как опора наших крылий,
Сладко реять дружной тучей
Без желаний, без усилий.

Даль морозная в тумане,
Бледен месяц в глуби синей,
В смене легких очертаний
Мы кочуем по пустыне.

16 декабря 1900

Оклики демонов

Свистки паровозов в предутренней мгле,

Дым над безжизненным прудом.
Город все ближе: обдуманном чудом
Здания встали в строй по земле.
Привет – размеренным грудам!

Проволок нити нежней и нежней
На небе, светлеющем нежно.
Вот обняли две вереницы огней,
Мой шаг по плитам слышней.
Проститутка меня позвала безнадежно.

Белая мгла в предрассветный час!
(Она словно льется во взгляды.)
Безумные грезы усталых глаз!
Призраки утра! мы не страшны для вас,
Вы пустынному часу так рады.

Всходят, идут и плывут существа,
Застилают заборы,
Глядят из подвалов, покинувши норы,
Жадно смотрят за шторы,
И сквозь белое тело видна синева.

Вот малютки – два призрака – в ярком венке
Забавляются пылью,
Вот длинная серая шаль на больном старике,
Вот женщина села на камень в тоске,
Вот девушку к небу влекут ее крылья.

Ходят, стоят, преклоняются ниц
(Словно обычные люди!),
Реют рядами чудовищных птиц,
Лепечут приветы и шепчут угрозы, —
Пред утром бродячие грезы!
О дым на безжизненном пруде!
О демонов оклики! ваши свистки, паровозы!

1901

Ночь

Горящее лицо земля
В прохладной тени окунула.
Пустеют знойные поля,
В столицах молкнет песня гула.

Идет и торжествует мгла,
На лампы дует, гасит свечи,

В постели к любящим легла
И властно их смежила речи.

По пробуждается разврат.
В его блестящие приюты
Сквозь тьму, по улицам, спешат
Скитальцы покупать минуты.

Стрелой вонзаясь в города,
Свистя в полях, гремя над бездной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.

Глядят насытые ряды
Фабричных окон в темный холод,
Не тихнет резкий стон руды,
Ему в ответ хохочет молот.

И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня
Давно испытанные рати.

Сентябрь 1902

Зимняя красота

Твердят серебряные сени
О счастья жизни для мечты,
О сладком бытии растений
В убранстве зимней красоты.

Но я не внемлю, не приемлю
Их мерный шепот, белый зов.
Люблю воскреснувшую землю
И кровь растоптанных цветов!

Нет, нет, не надо мертвой неги
В лучах прельстительной луны!
Вставайте, мощные побеги,
На пире огненной весны!

Я буду сам как стебель явлен,
Омою в зное венчик свой
И лягу, сломан и раздавлен,
До первой вьюги снеговой!

23 ноября 1902

Прелести земли

Все реже я и все бесстрастней
Смотрю на прелести земли,
Как в детстве нежившие басни,
Красоты мира отошли.

Мне тяжела дневная зелень
И слишком сини небеса,
Для слуха каждый звук разделен,
Когда взволнуются леса.

Люблю я сумрачные краски,
Громады стен в лучах луны,
Меня приветствует по-братски
Мир дорассветной тишины.

Дрожа, белеет сумрак чуткий,
Гремящий город мертв на час,
Спят мудрецы, спят проститутки,
И в два ряда мне светит газ.

Август 1901

Антология

Яростные птицы

Яростные птицы с огненными перьями
Пронесли над белыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморе,
И умчались странницы, улетели за море.

Но на чистом мраморе, на пороге девственном,
Что-то все алелось блеском неестественным,
И в вратах под сводами, вечными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

Январь 1901

Сладострастие

Ф. Сологубу

В ярком венке из пурпурного мака,
Смутно ресницы к земле опустив,
Женщина вышла из тусклого мрака...
Облик лица ее грубо красив.

Серьги по золоту блещут рубином,
Шею оплел ей кровавый коралл,
Веет от губ ее чем-то звериным,
Тишью пещер и пустынностью скал.

Черные волосы, с сумраком слиты,
Пали на белую матовость плеч;
Выпуклы, подняты, вечно не сыты,
Грудь дрожат от желания встреч.

Руки протянуты (так, беспокоясь,
Ищет слепая далекой стены),
Бедра опутал ей тигровый пояс...
Тише! приветствуй восторг тишины!

Чу! загремели чуть слышно запястья,
Губы скривились в мучительный знак.
Снова, о снова, истома и счастья!
Пусть осыпается пурпурный мак.

Март 1901

В раю

An Maximilian Schick¹⁵

Лишь закрою глаза, как мне видится берег
Полноводной реки, тени синей волны.
Дремлет небо одной из Полдневных Америк,
Чуть дрожа на качелях речной глубины.

Веет ветер какого-то лучшего века,
Веет юность свободной и гордой земли.
Мчатся легкие серны, друзья человека,
Песня вольных охотников молкнет вдали.

Обнаженные юноши, девы и дети
Выбегают на отмель веселой толпой
И бросаются в воду, при радостном свете,
Словно горсти жемчужин, блестя за водой.

Длится время, качаются зыби заката,
Здесь и там задымился и светит костер.
Дева спутника игр обнимает, как брата...
О, как сладки во мгле поцелуи сестер!

Да, я знаю те земли и знаю то время,
Их свободно и быстро в мечтах узнаю...
И часами смотрю на блаженное племя,
И как путник-прохожий я с ними в раю!

6 мая 1903

Сон

Как город призрачный в пустыне,
У края бездн возник мой сон.
Не молкнет молний отсвет синий,
Над кручей ясен небосклон.

И пышен город, озаренный:
Чертоги, башни, купола,
И водоемы, и колонны...
Но ждет в бездонной бездне мгла.

¹⁵ Максимилиану Шик (нем.).

И вот уже, как звон надгробный,
Сквозь веки слышится рассвет,
Вот стены – призракам подобны,
И вот на башнях – шпилей нет...

Когда же явь мне в очи глянет,
Я буду сброшен с тех высот,
Весь город тусклой тенью станет
И, рухнув, в пропасть соскользнет.

И алчно примет пасть пучины
За храмом храм, за домом дом...
И вот – лишь две иль три руины
Вещают смутно о былом.

22 августа 1903

Лед и уголь

Лед и уголь, вы – могильны!
Что-то было и прошло,
Черный уголь, тусклый, пыльный,
Лед, блестящий как стекло!

Что вы, красные уроды,
Дым прорезавши, горды?
Удвояет лик природы
Гладь затихнувшей воды!

Пусть все отжило, застыло,
Зыби нет, лучам конец:
Лед – над водною могилой,
Уголь – без надежд мертвец!

Он под новой вспышкой жара
Лишь кровавится, как бес,
Но свободной тенью пара
Лед восходит до небес.

Август 1901

Знойный день

Белый день, прозрачно-белый,
Золотой, как кружева...
Сосен пламенное тело,
Зноем пьяная трава.

Пробегающие тучи,
Но не смеющие пасть...
Где-то в сердце, с силой жгучей,
Затаившаяся страсть.

Не гляди так, не зови так,
Ласк ненужных не желай.
Пусть пылающий напиток
Перельется через край.

Ближе вечер... Солнце клонит
Возрастающую тень...
Пусть же в памяти потонет
Золотой и белый день.

1902
Веря

Облака

Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые ладьи.

Тихо, плавно, без усилия
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.

И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.

Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье признавало бы
Этот вольный путь!

21 августа 1903

На песке

Маленькая девочка
На песке, на лесенке

Камешки бросала.
Дети пели песенки,
Их семья играла.
Маленькая девочка
Камешки бросала.
Бросит вверх – смеется,
Хлопает в ладошки...
Девочкам поется.
Где-то там в окошке
Пели, пели гаммы.

Маленькая девочка
Камешки бросала,
Маленькая девочка
Наконец устала,
На песке, на лесенке
Прилегла близ мамы.
Дети пели песенки;
В домике налево
Изучали гаммы...
Я слагал напевы.

*30 мая 1902
Венеция*

Колыбельная песня

Девочка далекая,
Спи, мечта моя!
Песня одинокая
Над тобой – как я.

Песня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно-нераздельная
С чуткой тишиной.

Это отзвук тающий
Прежних, страстных слов,
Отзвук умирающий
В тихой бездне снов.

Словно речь бессвязная —
Память лучших дней...
А была алмазная
Радуга огней!

Дремлешь ты под пение

В колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновение
Счастлива, как мы!

И в минуту жгучую
От любви мертва,
Вспомни ночь певучую,
Тихие слова!

Сии, моя далекая,
В храме бытия,
Песня одинокая —
Вся любовь моя!

1903

Терем

Иоанне Б.

Тихи дни и годы — годы в терему,
Словно льются воды медленно во тьму.

День неслышно тает, гаснет без следа...
Тусклый свет роняет пестрая слюда;

За окошком главы — малый край небес,
По простенкам травы — непостижный лес.

С темной образницы кроткий свет лампад...
Те же, те же лица, что и день назад!

Та же все работа, песни без души...
Льются дни без счета, как вода в тиши...

Только в воскресенье бегло видишь мир:
В церкви чтение, пенье — отдаленный клир,

Дома смех, салазки, снежная гора,
Да под вечер пляски, сказки гусяра.

Сны усталых сладки — жжет лебяжий пух...
На ухо загадки кто-то шепчет вслух,

Снится сине море, снится царский сын,
Знаешь страсть и горе, хоть на час один!

Утро. С образницы кроткий свет на всех.

Тихо, как в гробнице. За окошком – снег.

Январь 1901

Витязь

1

– О чем же ты тоскуешь, витязь,
Один на башенной стене?
– Убийством и борьбой насытись,
Еще я счастлив не вполне.
Меня гнетут мои кольчуги,
Хочу изведать тайны сна.
Уйдите прочь, друзья и слуги,
Меня утешит тишина.

2

– Зачем же, слуги, вы таитесь
В проходах темных, в тишине?
– Наш господин, наш славный витязь,
Давно покоится во сне.
Мы ждем, что дверь – вдруг распахнется,
Он крикнет зовом боевым
И вновь к победам понесется,
А мы тогда – за ним! за ним!

3

– Меня ты слышишь ли, мой витязь?
Довольно спать! восстань! восстань!
– Мечтой и тишиной насытись,
Я перешел земную грань.
Давно мои белеют кости,
Их червь покинул гробовой,
Все слуги дремлют на погосте,
И только тени пред тобой!

1902

Камни

Камни, камни! о вас сожаленье!
Вы по земле мне родные!
В жилах моих роковое биенье,
Та же, все та же стихия.
Века вы питались кровью заката,
Жертвенной, девственной кровью,
Вас море ласкало, как старшего брата,
Грызло, кусало с любовью.
Люди, из вас воздвигали мы храмы,
Из вас мы слагали дворцы и жилища,
Вами мы крыли могильные ямы,
Вы с нами – в жизни и на кладбище!
Камни, камни, о вас сожаленье!
В день, когда ангелов к солнцу подымутся трубы,
Вы ли пребудете вне воскресенья,
Как хаос косный и грубый?
Нет, вы недаром родня изумрудам,
Аметистам, рубинам, сапфирам,
Жизненный трепет пройдет до встревоженным гудам,
И камней восторженный гимн, как сияние, встанет
над миром,

1903

Презрение

Великое презрение и к людям и к себе
Растет в душе властительно, царит в моей судьбе.

Любил бы, да не в силах я, не ищешь и не ждешь,
И все мечты как призраки, и все желанья – ложь.

Откроет ли нам истина свое лицо иль нет,
Я буду ль жить по имени во глубь долгих лет,

И ты, о ком я думаю, ты любишь ли меня,
И мне скитаться долго ли, иль не дожить и дня,

Мне все равно, мне все равно, слежу игру теней.
Я долго жизнь рассматривал, я присмотрелся к ней.

Как лист, в ноток уроненный, я отдаюсь судьбе,
И лишь растет презрение и к людям и к себе.

29 октября 1900

К устью!

На волны набегают волны,
Растет прилив, отлив растет,
Но, не скудея, вечно полны
Вместилища свободных вод.

На годы набегают годы,
Не молкнет ровный стук минут,
И дни и годы, словно воды,
В просторы вечности текут.

Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньям отдаюсь,
И, как река стремится к устью,
К безбрежной дали я стремлюсь.

Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годом год,
И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод.

1903

Оды и послания

К. Д. Бальмонту

Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.

Веет ветер бысролетный,
И кругом дрожат цветы,
Он ласкает, безотчетный,
Все вокруг – таков и ты!

Ты как звезды – близок небу.
Да, ты – избранный, поэт!
Дара высшего не требуй!
Дара высшего и нет.

«Высшим знаком ты отмечен»,
Чти свою святыню сам,
Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

Все равно, куда их двинет
Ветер, веющий кругом.
Пусть туман как град застынет,
Пусть обрушится дождем,

И над полем, и над бездной
Облака зарей горят.
Будь же тучкой бесполезной,
Как она, лови закат!

Не ищи, где жаждет поле,
На раздумья снов не трать.
Нам забота. Ты на воле!
На тебе ее печать!

Может: наши сны глубоки,
Голос наш – векам завет,
Как и ты, мы одиноки,
Мы – пророки... Ты – поэт!

Ты не наш – ты только божий.
Мы весь год – ты краткий май!

Будь – единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

Ты сильнее нас! Будь поэтом,
Верь мгновенью и мечте.
Стой, своим овей светом,
Где-то там, на высоте.

Тщетны дерзкие усилья,
Нам к тебе не достягнуть!
Ты же, вдруг раскинув крылья,
В небесах направишь путь.

1902

Ему же

Нет, мой лучший брат, не прав ты:
Я тебя не разлюблю!
Мы плывем, как аргонавты,
Душу вверив кораблю.

Все мы в деле: у кормила,
Там, где парус, где весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

Но и в диком крике фурий,
Взором молний озарен,
Заклинатель духов бури,
Ты поешь нам, Арион!

Если нас к земному лону
Донести дано судьбе,
Первый гимн наш – Аполлону,
А второй наш гимн – тебе!

Если ж зыбкий гроб в пучине
Присудили парки нам,
Мы подземной Прозерпине
И таинственным богам

Предадим о молитвой душу, —
А тебя из мглы пучин
Тихо вынесет на сушу
На спине своей – дельфин.

3 августа 1903

Лев Святого Марка

*Pax tibi, Marce, evangelista meus.*¹⁶
(Надпись на книге, которую держит в лапах лев Святого Марка)

Кем открыт в куске металла
Ты, святого Марка лев?
Чье желанье оковало
На века – державный гнев?

«Мир тебе, о Марк, глашатай
Вечной истины моей».
И на книгу лев крылатый
Наступил, как страж морей.

Полузверь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять веков морей царица
Насмехалась над судьбой.

В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Пели кисти, пели струны,
Мир судили мудрецы.

Сколько гордых, сколько славных,
Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень.

И в святые дни Беллини
Ты над жизнью мировой
Так же горд стоял, как ныне
Над развенчанной страной.

Я – неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Пред дворцом, где жили дожи,
Генуэзский вьется флаг;

Не услышишь ты с канала
Тасса медленный напев;
Но, открыт в куске металла,
Ты хранишь державный гнев.

¹⁶ Мир тебе, Марк, мой евангелист (лат.).

Над толпами, над веками,
Равен миру и судьбе,
Лев с раскрытыми крылами
На торжественном столбе.

9/22 июня 1902

Венеция

Венеция

Почему под солнцем юга в ярких красках и цветах,
В формах выпукло-прекрасных представал пред взором прах?

Здесь – пришлец я, но когда-то здесь душа моя жила.
Это понял я, припомнив гондол черные тела.

Это понял, повторяя Юга полные слова,
Это понял, лишь увидел моего святого Льва!

От условий повседневных жизнь свою освободив,
Человек здесь стал прекрасен и как солнце горделив.

Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем рыбака,
И к Венеции безвестной поползли, дрожа, века.

И доныне неизменно все хранит здесь явный след
Прежней дерзости и мощи, над которой смерти нет.

1902

Венеция

Памяти И. Коневского

*Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В начале поприща торжеств и славы,
Исполненный несокрушенных сил!*

В. Кюхельбекер

И ты счастлив, нам скорбь – тебе веселье,
Не в будничных тисках ты изнемог,
Здесь на земле ты справил новоселье,
И празднично еще горит чертог.

Ты жаждал знать. С испугом и любовью
Пытливым взором ты за грань проник, —
Но эти сны не преданы злословью,
Из тайн не сделано тяжелых книг.

Ты просиял и ты ушел, мгновенный,
Из кубка нового один испив.
И что предвидел ты, во всей вселенной
Не повторит никто... Да, ты счастлив.

Лишь, может быть, свободные стихии
Прочли и отразили те мечты.
Они и ты – вы были как родные,
И вот вы близки вновь, – они и ты!

Ты между них в раздольи одиноком,
Где тихий прах твой сладко погребен.
Как хорошо тебе в лесу далеком,
Где ветер и березы, вяз и клен!

3 октября 1901

Андрею Белому

Я многим верил до исступленности,
С такою надеждой, с такою любовью!
И мне был сладок мой бред влюбленности,
Огнем сожженный, залитый кровью.

Как глухо в безднах, где одиночество,
Где замер сумрак молочно-сизый...
Но снова голос! зовут пророчества!
На мутных высях чернеют ризы!

«Брат, что ты видишь?» – Как отзвук молота,
Как смех внемирный, мне отклик слышен:
«В сиянии небо – вино и золото! —
Как ярки дали! как вечер пышен!»

Отдавшись снова, спешу на кручи я
По острым камням, меж их изломов.
Мне режут руки цветы колючие,
Я слышу хохот подземных гномов.

Но в сердце – с жаждой решенье строгое,
Горит надежда лучом усталым.
Я много верил, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.

1903

Младшим

Они Ее видят! они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.

А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной стеной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свет, непонятный и желтый,
Но в небе напрасно ищу я звезду...
Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом приникаю – и жду.

Там, там, за дверьми – ликование свадьбы,
В дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы!..
Но пальцы бессильны, и голос мой тих.

1903

Юргису Балтрушайтису

Осенний ветер выл над урной одинокой.
Ю. Б.

Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
Волной и бездной должно опьянеть,
И все круги пройти – от торжества к бессилью,
Устать прекрасно, – но не умереть!

Нам вверены загадочные сказки,
Камень, ожерелья и слова,
Чтоб мир не стал глухим, чтоб не померкли краски,
Чтоб тайна веяла, жива.

Блудящий огонек – надежда всей вселенной —
Нам окружил венцами волоса,
И если мы умрем, то он – нетленный —
Из жизни отлетит, к планетам, в небеса.

Тяжелая плита над нашей мертвой грудью
Задвинет навсегда все вешние пути,

И ветер будет петь унылый гимн безлюдью...
Нам умереть нельзя! нет, мы должны идти!

Октябрь 1901

З. Н. Гиппиус

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.

Декабрь 1901

В. И. Прибыткову **Застольная речь**

Мы здесь собрались дружным кругом,
Когда весна шумит над Югом
И тихо голубеет твердь,
Во дни Христова воскресенья,
Когда по храмам слышно пенье
О победившем смертью смерть!

Бессильно тают глыбы снега,
Река разламывает лед,
Чтоб к морю полететь с разбега,
В себе качая небосвод.
А по полям цветет, поет
Подснежников святая нега.

Нас не страшат земные зимы,
Мы веснам верим в смене лег!
Не так ли, косностью томимы,
О смерть! мы верим в твой обет!
Наш путь далек, мы пилигримы,
Но вдалеке нам светит свет.

Да! этот мир как призрак канет,
Смерть наши узы разорвет.
И новый день нам в душу глянет!
Пусть он нас снова отуманит
И пусть измучит, пусть обманет,
Но только был бы зов – вперед!

2 апреля 1901

Июль 1908

Да, пробил последний, двенадцатый час!
Так звучно, так грозно.
Часы мировые окликнули нас.
О, если б не поздно!

Зарницами синими полночь полна,
Бушуют стихии,
Кровавым лучом озарилась луна
На Айа-Софии.

Стоим мы теперь на распутии веков,
Где выбор дороги,
И в грозную полночь окликнул нас зов,
И властный и строгий.

Кто в час совершений в дремоте поник, —
Судьбе не угоден.
И мимо пройдет, отворотивши свой лик,
Посланник господен.

О, есть еще время! Стучат и стучат
Часы мировые.
В таинственных молниях виден Царьград
И Айа-София.

1 августа 1903

Лирические поэмы

Город женщин

Домчало нас к пристани в час предвечерний,
Когда на столбах зажигался закат,
И волны старались плескаться размерней
О плиты бассейнов и сходы аркад.
Был берег таинственно пуст и неслышен.
Во всей красоте златораморных стен,
Дворцами и храмами, легок и пышен,
Весь город вставал из прибоев и пен.
У пристани тихо качались галеры,
Как будто сейчас опустив паруса,
И виделись улицы, площади, скверы,
А дальше весь край занимали леса.
Но не было жизни и не было люда,
Закрытые окна слагались в ряды,
И только картины глядели оттуда...
И звук не сливался с роптаньем воды.

Нас лоцман не встретил, гостей неизвестных,
И нам не пропела с таможни труба,
И мы, проходя близ галер многоместных,
Узнали, что пусты они как гроба.
Мы тихо пристали у длинного мола,
И бросили якорь, и подняли флаг.
Мы сами молчали в тревоге тяжелой,
Как будто грозил неизведанный враг.
Нас шестеро вышло, бродяг неуклонных,
Искателей дней, любопытных к судьбе,
Мы дома не кинули дев обрученных,
И каждый заботился лишь о себе.
С немного проспекта сойдя в переулки,
Мы шли и стучались у мертвых дверей,
Но только шаги были четки и гулки
Да стекла дрожали больших фонарей.
Как будто манили к себе магазины,
И груды плодов, и бутылки вина...
Но нас не окликнул привет ни единый...
И вот начала нас томить тишина.

А с каждым мгновеньем ясней, неотвязней
Кругом разливался и жил аромат.
Мы словно тонули в каком-то соблазне
И шли и не знали, пойдем ли назад.

Все было безмолвно, мертво, опустело,
Но всюду, у портиков, в сводах, в тени
Дышало раздетое женское тело, —
И в запахе этом мы были одни.
Впивая его раздраженным дыханьем,
Мы стали пьянеть, как от яда змеи.
Никто, обжигаемый жадным желаньем,
Не мог подавлять трепетанья свои.
Мы стали кидаться на плотные двери,
Мы стали ломиться в решетки окна,
Как первые люди, как дикие звери...
И мгла была запахом тела полна.

Без цели, без мысли, тупы, но упрямы,
Мы долго качали затворы дворца...
И вдруг подломились железные рамы...
Мы замерли, — сразу упали сердца.
Потом мы рванулись, теснясь, угрожая,
Мы вспрыгнули в зал, побежали вперед.
На комнаты мгла налегала ночная,
И громко на крики отвечал свод.
Мы вокруг обежали пустые палаты,
Взобрались наверх, осмотрели весь дом:
Все было наполнено, свежо, богато,
Но не было жизни в жилище пустом.
И запах такой же, полней, изначальней,
В покоях стоял, возрастая в тени,
И на пол упали мы в шелковой спальне,
Целуя подушки, ковры, простыни.
И ночь опустилась, и мы не поднялись,
И нас наслаждение безмерное жгло,
И мы содрогались, и мы задыхались...
Когда мы очнулись, — уж было светло.

Мы шестеро вышли на воздух, к свободе,
Без слов отыскиали на берег пути
И так же без слов притаились в проходе:
Мы знали, что дальше не должно идти.
И долго, под мраморным портиком стоя,
С предела земли не спускали мы глаз.
Корабль наш качался на зыби прибоя,
Мы знали, что он дожидается нас.
По улицам клича, друзья нас искали,
Но, слыша, как близятся их голоса,
Мы прятались быстро в проходе, в подвале...
И после корабль распустил паруса.
Поплыл в широту и в свободное море,
Где бури, и солнце, и подвиги есть,
И только в словах баснословных историй

Об нас, для безумцев, останется весть.

Товарищи! братья! плывите! плывите!
Забудьте про тайну далекой земли!
О, счастлив, кто дремлет в надежной защите, —
По, дерзкие, здесь мы не смерть обрели!
Найти здесь легко пропитанье дневное,
Нет, мы не умрем, — но весь день наш уныл,
И только встречая дыханье ночное,
Встаем мы в волненьи воскреснувших сил!
И бродим по городу в злом аромате,
И входим в дворцы и в пустые дома
Навстречу открытых незримых объятий —
И вплоть до рассвета ласкает нас тьма.
В ней есть наслаждение до слез и до боли,
И сладко лежать нам в пыли и в крови,
И счастьем в замену не надо нам воли,
И зримых лобзаний, и явной любви!

1902

Венеция

Последний день

Он придет, обезумевший мир,
Который поэтом прославлен.
Будет сладостным ядом отравлен
Воздух и самый эфир.

С каждым мигот впивая отраву,
Обезумеют бедные дети земли:
Мудрецы — земледельцы — певцы — короли —
Звери — птицы — деревья — и травы.

Станут распускаться странные цветы,
Яркие как солнце, дышащие пряно,
Открывая к воздуху жаждущие рты.
Яркостью неожиданной заблестев, поляны
Заструят томительный, жгучий аромат.
Птицы иступленные стаями взлетят,
Над блестящим городом и на месте диком
Замелькают с радостным, многосложным криком.
Островами новыми встанут в океане
Сонмы рыб, теснящихся в ярости желаний.
Разбегутся звери по полям и нивам,
Прыгая, кувыркаясь в полусне счастливом;
И на белой площади северной столицы
Будут ползать змеи и скакать тигрицы.

И люди, медленно пьянея,
Забудут скудные дела,
Как будто первая Астрея
В мир изнемогший снизошла.

Затихнут страшные машины
И фабрик резкие гудки,
И не подымет ни единый
Пилы, лопаты иль кирки.

Все будут в праздничных одеждах,
В полях, в пути, на площадях,
Твердя о сбывшихся надеждах,
Восторженно целуя прах.

И вдруг все станет так понятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна,
И золотой наставший век.

Восстанут новые пророки,
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что совершились сроки
И чаянье всемирных грез!

И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объятья,
И будет радость без конца.

Земля, как всегда, не устанет кружиться,
Вкушая то знойного света, то ночи,
Но снами никто не захочет упиться,
И будут во мраке восторженной очи.
В полярных пустынях, в тропических чащах,
В открытых дворцах и на улицах шумных
Начнутся неистовства сонмов кипящих,
Пир и веселья народов безумных.
Покорные тем же властительным чарам,
Веселые звери вмешаются в игры,
И девушки в пляске прильнут к ягуарам,
И будут с детьми как ровесники тигры.
Безмерные хоры и песен и криков,
Как дымы, подымутся в небо глухое,
До божьих подножий, до ангельских ликом,
Мирам славословья блаженство земное.

Дыханьем, наконец, бессильно опьянев,

Где в зимнем блеске звезд, где в ярком летнем
свете,
Возжаждут все любви – и взрослые и дети —
И будут женщины искать мужчин, те – дев.
И все найдут себе кто друга, кто подругу,
И сил не будет им насытить страсть свою,
И с Севера на Юг и вновь на Север с Юга
Помчит великий вихрь единый стон: «Люблю!»
И звери меж людей на тех же камнях лягут,
Ласкаясь и любясь, визжа и хохоча,
На ступенях дворцов, у позабытых пагод,
В раздолии полей, близ моря, у ключа.
И странные цветы живыми лепестками
Засыплют, словно снег, лежащие тела.
И будет в яркий день лазурь гореть звездами,
И будет ночи мгла, как знойный час, тепла.
Среди чудовищных видений и фантазий,
Среди блуждающих и плоть принявших снов
Все жившее замрет в восторженном экстазе
И Смерть закинет сеть на свой последний лов.
Ничто не избежит своей судьбы блаженной,
Как первые в раю – последние уснут...
И ангел вострубит над смолкнувшей вселенной,
Все тысячи веков зовя на общий суд.

1903

Во храме Бэла

1

Ассира край постигло наводнение,
Погибли севы, смытые водой,
Хирели, влагой пьяные, растенья.

Народ стонал, ошеломлен бедой,
И яростно все требовали чуда,
Теснясь во храм с надеждой и враждой.

Дымилась жертв обугленная гряда,
Всходили дымы факелов и свеч,
Не молкли день и ночь стенанья люда...

Сам царь пришел свою свечу возжечь,
И вот, в благом присутствии владыки,
Верховный жрец к народу начал речь:

«Так говорит Ассур. Грехи велики
Народа, позабывшего богов.
Что мне ответить на мольбы и крики?

Они для брашен берегут тельцов,
А мне – лишь дым. Им – соки винограда,
Мне – выжимки. Мне – кровь, им – весь улов.

Но я, как сто волков, найду на стадо;
Как вихрь пустынь, засыплю их поля!
Несите жертв. Я – бог! Мне много надо!

Двенадцатую долю уделя
От всех избытков, да сберутся в храме,
Посыпав главы пеплом и моля.

Быть может, тронусь я тогда мольбами.
Внемлите. Так рабам вещает Бэл:
Прекраснейшую девушку меж вами

Найдите. Стыд ее да будет цел.
Ее лицо – цветов весенних краше,
Ее хребет – как снег нагорный, бел.

Тогда вином наполните две чаши,
И в замкнутом покое храмовом,
Где башни верх, поставьте ложе наше,

Да нас никто не видит в зале том,
Да мы никем услышаны не будем,
И я тогда, в наитии благом,
Как девы муж, явлюсь, быть может, людям!»

2

Утром ее убрали к венцу,
Умачали ей стан ароматами.
Как подошли ей цейлонские перлы к лицу,
Как она выросла сразу под тканями пышно-богатыми!

Очи ей черными сделал пылающий юг,
Дева Астарта ее одарила своими пристрастиями.
Как обозначились выгибы девственных рук
Под золотыми запястьями!

Ею отпразднован только тринадцатый праздник весны:
Годы – так тихо невинные.

В черные косы ее вплетены
Нити из жемчуга длинные...

Еще вчера, еще недавно
Она пасла свои стада,
Как серна в поле, своенравна,
Как барс, упряма и горда.

Ее младенческое тело
Еще не знало стрел страстей,
И в очи юношей глядела
Она с небрежностью детей.

И даже сон мечтой греховой
Еще не смел ее смутить,
И дни ее мелькали ровно,
Как бусы нижутся на нить.

Она сегодня – невеста Бэла,
Она сегодня войдет во храм,
Чтоб богу Солнца доверить тело.

Она сегодня, под звон напева,
Под звуки бубнов, войдет во храм,
Глядя стыдливо, еще как дева.

Еще сегодня, тропой горящей,
Бог беспощадный войдет во храм,
Как муж поникнет над лоном спящей.

Она сегодня рабой дрожащей
Познает бога... Идет во храм
Бог лучезарный, бог пепелящий!

3

Таинственно уединен покой
На выси храма, странный, с гробом схожий;
Там окон нет, и беспредельной тьмой
Окружено единственное ложе.

Она не спит, она глядит во тьму,
Рукой прижав ко грудям ожерелья,
И ждет, дрожа, бессветного, к кому
Пришла на свадебное новоселье.

Но зной томит; с курильниц аромат

Встает, томя и взоры и движенье;
Уже ресницы длинные дрожат,
Уже в коленях детских онеменье.

Что будет? В тишине взгремит ли гром?
Прольется ль в сумрак дождь змеистых молний?
Молчи! Встречай грядущего лицом,
Пред родиной святой обет исполни!

Тот будет ли могуч, как дикий бык?
Навалится ль, как пламенная грудa?
Она, слабея, подавляет крик,
Дрожит в дремоте, в предвкушеньи чуда...

Иль будет он, как свет небесный, тих,
Прекрасный юноша, с очами лани?
Чу! смутный стук! Ужель грядет жених?
Она – в бреду от страха и желаний...

Припасть к нему! Нет, скрыться, умереть,
Не быть! Не надо, ничего не надо!
На мысли странная ложится сеть,
В безвольных членах странная услада.

4

Он сошел не в лучах огневого венца,
Ты во мраке его не узнала лица,
В тишине его голоса ты не слыхала.
Было страшно и сладко, и много и мало.
Было ль это свершение священных надежд?
Чьи-то руки коснулись пурпурных одежд,
Чье-то тело коснулось бессильного тела,
И в объятьях внезапных ты вся холодела,
И не знала, где боль, и не знала, где стыд.
Поцелуи томили окраску ланит,
На руках колыхало объятье запястья,
И страданья, сливаясь с безмерностью счастья,
Повторялись и жгли, наполняя всю ночь...
Ты не знала, когда удалился он прочь,
Ты очнулась одна на таинственном ложе,
В этой спальне глухой, на могилу похожей,
Две лампы, горя, озаряли покой...
В сердце – стыд, в мыслях – бред, в теле – зной.
И, томясь отворачиваньем иль чистой любовью,
Ты смотрела на пояс, забрызганный кровью.

5

И в то же утро солнце пронизало,
Победное, губительный туман.
Вода с полей, открыв посевы, спала.

Опять спеша в родимый океан,
В свое русло везде вошли потоки,
И был весь мир лучами осиян.

Жрецы богов, надменны и жестоки,
Считали в храмах груды серебра
И на камнях свои чертили строки;

А люди, вопиявшие вчера,
Несли свои благодаренья богу
За то, что счастья вновь пришла пора.

Толпа теснилась к царскому чертогу
В желаньи видеть ту, что их спасла, —
И деву Бэла вывели к порогу.

Она была робка и не светла,
Ее томили царские наряды,
И лишь горела кос ее смола.

Стремилась к ней восторженные взгляды,
Кричали все: «Тебя избрал сам Бэл!»
А с крыши храма, там, где колоннады

Скрывали дверь в святилище, смотрел
Жрец младший Солнца. Пламенные очи
Его – казались остриями стрел:

Он вспоминал о тайнах грешной ночи.

1903

Старое Село

STEPHANOS 1904 – 1905

Вячеславу Иванову, поэту, мыслителю, другу

Посвящение

Вячеславу Иванову

Когда впервые, в годы блага,
Открылся мне священный мир
И я со скал Архипелага
Заслышал зов истлевших лир,

Когда опять во мне возникла
Вся рать, мутившая Скамандр,
И дерзкий вскормленник Перикла,
И завершитель Александр, —

В душе зажглась какая вера!
С каким забвением я пил
И нектар сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхил!

Как путник над разверстой бездной,
Над тайной двадцати веков,
Стремил я руки бесполезно
К былым теням, как в область снов.

Но путь был долог, сердце слепо,
И зоркость грез мрачили дни,
Лишь глубоко под грудой пепла
Той веры теплились огни.

И вот, в столице жизни новой,
Где всех стремящих сил простор,
Ты мне предстал: и жрец суровый,
И вечно юный тирсофор!

Как странен в шуме наших споров,
При нашей яркой слепоте,
Напев твоих победных хоров
К неумиравшей красоте!

И нашу северную лиру
Сведя на эолийский звон,
Ты возвращаешь мне и миру
Родной и близкий небосклон!

16 ноября 1903

Вечеровые песни

De la musique avant toute chose.
*P. Verlaine*¹⁷

Приветствие

Поблек предзакатный румянец.
На нитях серебряно-тонких
Жемчужные звезды повисли,
Внизу – ожерелье огней,
И пляшут вечерние мысли
Размеренно-радостный танец
Среди еле слышных и звонких
Напевов встающих теней.

Полмира, под таинством ночи,
Вдыхает стихийные чары
И слушает те же напевы
Во храме разверстых небес.
Дрожат, обессилевши, девы,
Целуют их юноши в очи,
И мучат безумных кошмары
Стремительным вихрем чудес.

Вам всем, этой ночи причастным,
Со мной в эту бездну глядевшим,
Искавшим за Поясом Млечным
Священным вопросам ответ,
Сидевшим на пире беспечном,
На ложе предсмертном немевшим,
И нынче, в бреду сладострастном,
Всем зачатым жизням – привет!

17 – 19 февраля 1904

* * *

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно минем,
Близясь к часам роковым.

¹⁷ Музыки прежде всего. П. Верлен (фр.).

Выгнулся купол эфирный;
Двигается мерно с востока
Тень от ночного крыла;
В бездне бездонно-глубокой
Все откровенное тонет,
Всюду – лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят
Черных быков миллионы, —
Стадо полночных теней!

Февраль 1904

«Помню вечер, помню лето...»

День вечерел. Мы были двое.
Ф. Тютчев

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховойным
Донесенные, слабели
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

6 марта 1904

Туман

Вдоль тихого канала

Склоняют ветви ивы.
Дорога льнет к воде,
Но тени торопливы,
И чу! ночная птица
Кричит привет звезде.

Вдоль тихого канала
Проходит вереница
Поникших белых дев.
Они идут устало,
Закрыв вуалью лица
И стан фатой одевают.

Из тихого канала,
Как белые громады,
Встают ряды коней,
И всадники их рады
Дышать вечерней влагой,
Спешат скорей, скорей!

Вдоль тихого канала
Летят лихой ватагой
И манят дев с собой,
Им руки простирают —
И белый плащ свивают
С их белою фатой!

1903

Голос прошлого

Вьет дорога на деревни
Зеленеющим овсом,
И поет мне голос древний,
Колокольчик, о былом.

Словно в прошлое глядится
Месяц, вставший над рекой,
И янтарный лик двоится:
Он и тот же, и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечер, и овес,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донес.

Как в тумане все поблекло,
На минувших годах тень...

Так едва мерцают стекла
Удаленных деревень.

Все темнее. Кто томится
В смутной песне под дугой?
Словно в прошлое глядится
Лик янтарный над рекой.

1904

Охотник

Над бредом предзакатных марев,
Над трауром вечерних туч,
По их краям огнем ударив,
Возносится последний луч.

И, глуби черные покинув,
В лазурный день из темноты
Взлетает яркий рой павлинов,
Раскрыв стоцветные хвосты.

А Ночь, охотник с верным луком,
Кладет на тетиву стрелу.
Она взвилась с протяжным звуком,
И птица падает во мглу.

Весь выводок сразили стрелы...
От пестрой стаи нет следа...
На Запад, слепо потемнелый,
Глядит Восточная Звезда.

16 апреля 1904

Целение

Целит вечернее безволие
Мечту смятенную мою.
Лучей дневных не надо более,
Всю тусклость мига признаю!

Пуškai темнеют дали синие,
Я не зажгу во тьме свечи:
В душе ни смеха, ни уныния...
Ты, голос памяти, – молчи!

Обвили сладостными платами

Мне тени дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Над взором тягостная муть.

Идут часы – мгновенья серые,
Царит всевластно темнота...
Иль позабыт во мгле пещеры я,
И все, что было, – лишь мечта?

Иль я лишь прах, во гробе тающий,
Я – чей-то призрак в бледной мгле,
К давно минувшему вызывающий
И всем безвестный па земле!

1904

Тишина

Вечер мирный, безмятежный
Кротко нам взглянул в глаза,
С грустью тайной, с грустью нежной...
И в душе под тихим ветром
Накренились паруса.

Дар случайный, дар мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Над равниной вечно пенной,
Над прибоем, над буруном,
Звезды первые зажглись.

О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змеи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.

Не уйти нам, не уйти нам
Из серебряной черты!
Мы – горим в кольце змеином,
Мы – два призрака в сияньи,
Мы – две тени, две мечты!

4 – 6 февраля 1905

Первые встречи

Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч,

Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!

Как люблю я, как любил я эти милые слова, —
Их напев не позабыл я, их душа во мне жива.

Я от ласковых признаний, я от нежных просьб отвык,
Стал мне близок крик желаний, страсти яростный язык,

Все слова, какие мучат воспаленные уста,
В час, когда бесстыдству учат – темнота и нагота!

Из восторгов и уныний я влекусь на голос твой,
Как изгнанник, на чужбине услышавший зов родной.

Здесь в саду, где дышат тени, здесь, где в сумраке светло,
Быстрой поступью мгновений вновь былое подошло.

Вижу губы в легкой сети ускользающих теней.
Мы ведь дети! все мы дети, мотыльки вокруг огней!

Ты укрыла, уклонила в темноту смущенный взгляд...
Это было! все, что было, возвратил вечерний сад!

Страсти сны нам только снятся, но душа проснется вновь,
Вечным светом загорятся – лишь влюбленность!
лишь любовь!

1904

Вечер после дождя

Ветер печальный,
Многострадальный,
С лаской прощальной
Ветви клоня,
Свеял хрустальный
Дождь на меня.

Тенью зеленой
Лип осененный,
Я, окропленный
Майским дождем, —
Жрец, преклоненный
Пред алтарем.

День миновавший,
Свет отснявший,
Дождь пробежавший, —

Гимн этот – вам!
Вечер наставший,
Властвуй, как храм!

Ливень весенний
Смолк. Без движений
Первые тени
В тихой дали.
Час примирений
С миром земли!

10 мая 1905

На Сайме

Тебя полюбил я, красавица нежная...
Вл. Соловьев

* * *

Меня, искавшего безумий,
Меня, просившего тревог,
Меня, вверявшего думе
Под гул колес, в столичном шуме,
На тихий берег бросил Рок.

И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осень,
Смирила буйную мятежность,
Мне даровала мир и нежность
И вкрадчиво влилась в меня.

И между сосен тонкоствольных,
На фоне тайны голубой,
Как зов от всех томлений дольных,
Залог признаний безглагольных, —
Возник твой облик надо мной!

1905
Рауһа

* * *

Желтым шелком, желтым шелком
По атласу голубому
Шьют невидимые руки.
К горизонту золотому
Ярко-пламенным осколком
Сходит солнце в час разлуки.

Тканью празднично-пурпурной
Убирает кто-то дали,
Расстилая багряницы,
И в воде желто-лазурной
Заметались, заблестали
Красно-огненные птицы.

Но серебряные змеи,

Извивая под лучами
Спин лучистые зигзаги,
Беспощадными губами
Ловят, ловят все смелее
Птиц, мелькающих во влаге!

1905
Rauha

* * *

В дали, благостно сверкающей,
Вечер быстро бисер нижет.
Вал, несмело набегающий,
С влажной лаской отмель лижет.

Ропот ровный и томительный,
Плеск беспенный, шум прибоя,
Голос сладко-убедительный,
Зов смиренья, зов покоя.

Сосны, сонно онемелые,
В бледном небе встали четко,
И над ними тени белые
Молча гаснут, тают кротко.

1905
Rauha

* * *

Мох, да вереск, да граниты...
Чуть шумит сосновый бор.
С поворота вдруг открыты
Дали синие озер.

Как ковер над легким склоном
Нежный папоротник сплел.
Чу! скрипит с протяжным стоном
Наклоненный бурей ствол.

Сколько мощи! сколько лени!
То гранит, то мягкий мох...
Набегает ночь без тени,
Вея, словно вещий вздох.

1905

Rauha

* * *

Я – упоен! мне ничего не надо!
О, только б длился этот ясный сон,
Тянулись тени северного сада,
Сиял осенне-бледный небосклон,

Качались волны, шитые шелками,
Лиловым, красным, желтым, золотым,
И, проблистав над синью янтарями,
Сгущало небо свой жемчужный дым,

И падало безумье белой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой – и ты,
Моим глазам свои вверяя очи,
Смущаясь и томясь, искала б темноты!

1905

Rauha

* * *

Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна
Нас робким и зыбким качаньем.
И в небе и в нас без конца тишина,
Нас вечер встречает молчаньем.

И сердце не верит в стране тишины,
Что здесь, над чертогами Ато,
Звенели мечи, и вожди старины
За сампо рубились когда-то.

И сердце не верит, дыша тишиной,
Ласкательным миром Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось в предсмертной истоме.

11 сентября 1905

Rauha

* * *

Голубое, голубое
Око сумрачной страны!

Каждый день ты вновь иное:
Грезишь, пламенное, в зное,
В непогоду кроешь сны.

То, в свинцовый плащ одето,
Сосны хмуришь ты, как бровь;
То горишь лучами света,
От заката ждешь ответа,
Все – истома, все – любовь!

То, надев свои алмазы,
Тихим ропотом зыбей
Ты весь день ведешь рассказы
Про народ голубоглазый,
Про его богатырей!

1905
Rauha

* * *

Воздух живительный, воздух смолистый
Я узнаю.
Свет не слепит, упоительный, чистый,
Словно в раю.

Узкой тропинкой к гранитам прибрежным
Вышел, стою.
Нежу простором, суровым и нежным,
Душу мою.

Сосны недвижны на острове, словно
В дивном краю.
Тихие волны лепечут любовно
Сказку свою.

Вот где дозволило божье пристрастье
Мир бытию!
Веет такое же ясное счастье
Только в раю.

1905, 28 мая 1908
Rauha

Правда вечная кумиров

Познал ты правду вечную кумиров.
Ив. Коневской

К Деметре

Небо четко, небо сипе,
Жгучий луч палит поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;

Губы веющего ветра
Ищут, что поцеловать...
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови уснувших, мать!

Глыбы взрыхленные черны,
Их вспоил весенний снег.
Где вы, дремлющие зерна,
Замышляйте свой побег!

Званы вы на пир вселенной!
Стебли к солнцу устремля,
К жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!

И в душе за ночью зимней
Тоже – свет, и тоже – тишь.
Что ж, душа, в весеннем гимне
Ты проснуться не спешишь?

Как засеянное поле,
Простираются мечты,
И в огнистом ореоле
Солнце смотрит с высоты.

Брошен был порой осенней
И в тебя богатый сев, —
Зерна страсти и мучений,
Всколоситесь, как напев!

Время вам в движеньях метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови к уснувшим, мать!

1904

Адам и Ева

Ева

Адам! Адам! приникни ближе,
Прильни ко мне, Адам! Адам!
Свисают ветви ниже, ниже,
Плоды склоняются к устам.

Адам

Приникни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисают ветви справа, слева,
Плоды вонзаются в уста.

Ева

Адам! Адам! кто ветви клонит?
Кто клонит, слабую, меня?
В певучих волнах тело тонет,
Твои – касанья из огня!

Адам

Что жжет дыханье, Ева! Ева!
Едва могу взглянуть, вздохнуть...
Что это: плод, упавший с древа,
Иль то твоя живая грудь?

Ева

Адам! Адам! я – вся безвольна...
Где ты, где я?., все – сон иль явь?
Адам! Адам! мне больно, больно!
Пусти меня – оставь! оставь!

Адам

Так надо, надо, Ева! Ева!
Я – твой! Я – твой! Молчи! Молчи!
О, как сквозь ветви, справа, слева,
Потоком ринулись лучи!

Ева

Адам! Адам! мне стыдно света!
О, что ты сделал? Что со мной?
Ты позабыл слова запрета!
Уйди! уйди! дай быть одной!

Адам

Как плод сорвал я, Ева, Ева?
Как раздавить его я мог?
О, вот он, знак Святого Гнева, —
Текущий красный, красный сок.

Январь 1905

Орфей и Эвридика

Орфей

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.

Эвридика

Ты – ведешь, мне – быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах – облак черный,
Черной смерти пелена.

Орфей

Выше! выше! все ступени,
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!

Эвридика

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

Орфей

Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, зажавший лирой – бога,

Песней жизнь в тебя вдохну!

Эвридика

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, – кто видел севы
Асфоделевой страны!

Орфей

Вспомни, вспомни! луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!
Вспомни, в ночи – потаенный
Сладко-жгучий ужас ласк!

Эвридика

Сердце – мертво, грудь – недвижна.
Что вручу объятью я?
Помню сны, – но непостижна,
Друг мой бедный, речь твоя.

Орфей

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!

Эвридика

Помню счастье, друг мой бедный,
И любовь, как тихий сон...
Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен...

Орфей

– Так смотри! – И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.
– Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

1903, 10 – 11 июня 1904

Медея

На позлащенной колеснице
Она свергает столу с плеч
И над детьми, безумной жрицей,
Возносит изощренный меч.

Узду грызущие драконы,
Взметая крылья, рвутся ввысь;
Сверкнул над ними бич червлёный, —
С земли рванулись, понеслись.

Она летит, бросая в доли
Куски окровавленных тел,
И мчится с нею гимн веселый,
Как туча зазвеневших стрел.

«Вот он, вот он, ветер воли!
Здравствуй! в уши мне свисти!
Вижу бездну: море, поле —
С окрыленного пути.

Мне лишь снилось, что с людьми я,
Сон любви и счастья сон!
Дух мой, пятая стихия,
Снова сестрам возвращен.

Я ль, угодная Гекате,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятий,
Сопрягающих тела?

Мне ли, мощью чародейства,
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба?

Выше, звери! хмелем мести
Я дала себе вздохнуть.
Мой подарок — на невесте,
Жжет ей девственную грудь.

Я, дробя тела на части
И бросая наземь их,
Весь позор последней страсти
Отрясаю с плеч моих.

Выше, звери! взвейтесь выше!
Не склоню я вниз лица,
Но за морем вижу крыши,
Верх Этова дворца».

Вожжи брошены драконам,
Круче в воздухе стезя.
Поспешают за Язоном,
Обезумевшим, друзья.

Каждый шаг – пред ним гробница,
Он лобзает красный прах...
Но, как огненная птица,
Золотая колесница
В дымно-рдяных облаках.

Октябрь 1903, 1904

Бальдеру Локи

Светлый Бальдер! мне навстречу
Ты, как солнце, возносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный, я поник.
Я взбегу к снегам, на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я взнесусь багряной тучей;
Как звезда сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу, – и что же!
Я, дрожа, сжимаю труп.

Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен.
В час веселья, в ясном поле,
Я слепцу вручу стрелу, —
Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу!
И когда за темной Гелой
Ты сойдешь к зловещим снам, —
Я предам, со смехом, тело
Всем распятым! всем цепям!
Пусть в пещере яд змеиный
Жжет лицо мне, – я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
Бальдер! Бальдер! ты в аду!

Не вотще вещали норны
Мне таинственный обет.

В пытках вспомнит дух упорный:
Нет! не вечен в мире свет!
День настанет: огнебоги
Сломают мощь небесных сил,
Рухнут Одина чертоги,
Рухнет древний Игдразил.
Выше радуги священной
Встанет зарево огня, —
Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак! – за меня.

Ноябрь 1904

Тезей Ариадне

«Ты спишь, от долгих ласк усталая,
Предавшись дрожи корабля,
А все растет полоска малая, —
Тебе сужденная земля!

Когда сошел я в сень холодную,
Во тьму излучистых дорог,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала превозмог.

В борьбе меня твой лик божественный
Властней манил, чем дальний лавр...
Разил я силой сверхъестественной, —
И пал упрямый Минотавр!

И сердце в первый раз изведало,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе – на темном корабле!

Но всем судило Неизбежное,
Как высший долг, – быть палачом.
Друзья! сложите тело нежное
На этом мху береговом.

Довольно страсть путями правила,
Я в дар богам несу ее.
Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая – копье!»

И над водною могилой
В отчий край, где ждет Эгей,

Веют черные ветрила —
Крылья вестника скорбей.

А над спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Бог в короне виноградной
Клонит страстные уста.

1 – 2 июля 1904

Ахиллес у алтаря

Знаю я, во вражьем стане
Изогнулся меткий лук,
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.

Встал над жертвой облак дыма,
Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

Я спешу склонить колена,
Но не с трепетной мольбой.
Обручен я, Поликсена,
На единый миг с тобой!

Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный жребий —
Просиять и умереть!

Мать звала к спокойной доле...
Нет! не выбрал счастья я!
Прошумела в ратном поле
Жизнь мятежная моя.

И вступив сегодня в Трою
В блеске царского венца, —
Пред стрелою не укрою
Я спокойного лица!

Дай, к устам твоим приникнув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув,
Встретить смерти острие.

И, не кончив поцелуя,

Клятвы тихие творя,
Улыбаясь, упаду я
На помосте алтаря.

27 января 1905

Клеопатра

Нет, как раб не буду распят,
Иль как пленный враг казнен!
Клеопатра! – Верный аспид
Нам обоим принесен.

Вынь на волю из корзины,
Как союзницу, змею,
Полюбуйся миг единый
На живую чешую.

И потом на темном ложе
Дай припасть ей нам на грудь,
Сладким холодом по коже
В быстрых кольцах проскользнуть.

Не любовь, но смерть нам свяжет
Узы тягостные рук,
И, скрутясь, меж нами ляжет
Наш последний тайный друг.

Губы в губы, – взгляд со взглядом, —
Встретим мы последний суд.
Два укуса с жгучим ядом
Сжатых рук не разомкнут.

И истома муки страстной
Станет слабостью конца,
И замрут, дрожа согласно,
Утомленные сердца.

Я как раб не буду распят,
Не покорствуй как раба!
Клеопатра! – Верный аспид —
Наша общая судьба.

1905

Антоний

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон.

Боролись за народ трибуны
И императоры – за власть,
Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил – страсть!

Победный лавр, и скиптр вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный, —
И перевесила любовь!

Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, —
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.

Когда одна черта делила
В веках величье и позор, —
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор.

Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель – за тебя!

О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!

Апрель 1905

Патмос

Единый раз свершилось чудо:
Порвалась связь в волнах времен.
Он был меж нами, и отсюда
Смотрел из мира в вечность он.

Все эти лики, эти звери,
И ангелы, и трубы их
В себе вмещали в полной мере
Грядущее судеб земных.

Но в миг, когда он видел бездны,
Ужели ночь была и час,
И все вращался купол звездный,
И солнца свет краснел и гас?

Иль высшей волей провиденья
Он был исторгнут из времен,
И был мгновеннее мгновенья
Всевидающий, всезрящий сон?

Все было годом или мигом,
Что видел, духом обуян,
И что своим доверил книгам
Последний вестник Иоанн?

Мы в мире времени, — отсюда
Мир первых сущностей незрим.
Единый раз свершилось чудо —
И вскрылась вечность перед ним.

1902

Орфей и аргонавты

Боги позволили, Арго достроен,
Отдан канат произволу зыбей.
Станешь ли ты между смелых, как воин,
Скал чарователь, Орфей?

Тифис, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркий Линкей!
Тиграм и камням довольно служила
Лира твоя, о Орфей!

Мощен Геракл, благороден Менотий,
Мудр многоопытный старец Нелей, —
Ты же провидел в священной дремоте
Путь предстоящий, Орфей!

Слава Язону! руно золотое
Жаждет вернуть он отчизне своей.
В день, когда вышли на подвиг герои,
Будь им сподвижник, Орфей!

Славь им восторг достижимой награды,
Думами темных гребцов овладей
И навсегда заклони Симплегады

Гимном волшебным, Орфей!

5 – 6 ноября 1904

Из ада изведенные

*В страну без возврата, в жилище
мертвых устремилась богиня
Истар – вывести души из ада,
чтобы они вновь ели и жили.*
Из ассирийского эпоса

В полдень

Свершилось! молодость окончена!
Стою над новой крутизной.
Как было ясно, как утонченно
Сиянье утра надо мной.

Как жрец, приветствуя мгновения,
Великий праздник первых встреч,
Впивал все краски и все тени я,
Чтоб их молитвенно сберечь.

И чудом правды примиряющей
Мне в полдень пламенный дано
Из чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:

Признав в душе, навстречу кинутой,
Сны потаенные свои,
Увидеть небосвод, раздвинутый
Заветной радугой любви,

И сжать уста устами верными,
И жизнь случайностями сжать,
И над просторами безмерными
На крыльях страсти задрожать!

Зарю, закатно-розоперстую,
Уже предчувствуя вдали.
Смотрю на бездну, мне отверстую,
На шири моря и земли.

Паду, но к цели ослепительной
Вторично мне не вознестись,
И я с поспешностью томительной
Всем существом впиваю высь.

13 – 14 сентября 1903, 1904

Портрет

Черты твои – детские, скромные;
Закрыты стыдливо виски,
Но смотрят так странно, бездомные.
Большие зрачки.

Движеньями грустно-усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвит тебя жгучими жалами
Действительность дня.

Не сомкнуты губы бессильные,
Как будто им нечем вздохнуть,
Как будто покровы могильные
Томят тебе грудь.

Как будто ты помнишь далекое,
Что было, быть может, лишь сном,
И сердце твое одинокое —
Навеки в былом.

Как призраки, горько ненужные,
Мы, люди, скользим пред тобой.
Ты смотришься в дали жемчужные
Поникшей душой.

К глубинам родным наклоняешься,
И рада виденьям, – но вдруг,
Вся вздрогнув, опять возвращаешься
Печально в наш круг.

20 – 21 февраля, 1905

Жрице Луны I

По твоей улыбке сонной
Лунный отблеск проскользнул.
Властный, ласковый, влюбленный,
Он тебе призыв шепнул.
Над твоей улыбкой сонной
Лунный луч проколдовал,
Властный, ласковый, влюбленный,
Он тебя поцеловал.

И, заслыша зов заклятий,

Как родные голоса, —
Обратила ты к Гекате
Тьмой зажженные глаза.
Слыша смутный зов заклятий,
Бледным светом залита,
Обратила ты к Гекате
Помертвелые уста.

В жажде ласки, в жажде страсти
Вся ты – тайна, вся ты – ложь.
Ты у лунных сил во власти,
Тело богу предаешь.
В жажде ласки, в жажде страсти,
Что тебя целую я!
У Астарты ты во власти,
Ты – ее, ты – не моя!

1904

Жрице Луны II

Владыка слов небесных, Тот,
Тебя в толпе земной отметил, —
Лишь те часы твой дух живет,
Когда царит Он, – мертв и светел.
Владыка слов небесных, Тот,
Призвал тебя в свой сонм священный:
Храня таинственный черед,
Следишь ты месяц переменный.

Приходит день, приходит миг;
Признав заветные приметы,
Ночному богу тайных книг
Возобновляешь ты обеты.
Приходит день, приходит миг:
Ты в сонме жриц, в нездешнем храме,
Целуешь мертвый, светлый лик
Своими алыми губами.

Ты миру нашему чужда,
Тая ревниво знаки Тота.
И в шуме дня тобой, всегда,
Владеет вещая дремота.
Ты миру нашему чужда,
Где слепо властвует Изиды.
Меж нами – вечная вражда,
Меж нами – древняя обида!

Октябрь 1904

Кубок

И кто б ни подал кубок жгучий...
Tertia, Vigilia

Вновь тот же кубок с влагой черной,
Вновь кубок с влагой огневой!
Любовь, противник необорный,
Я узнаю твой кубок черный
И меч, взнесенный надо мной.

О, дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!
Я бросил щит, я уступаю, —
Лишь дай, припав устами к краю,
Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, меч меня не минет, .
И кубок твой беру, спеша.
Скорей! скорей! пусть пламя хлынет,
И крик восторга в небо кинет
Моя сожженная душа!

Январь 1905

Молния

Опять душа моя расколота
Ударом молнии, и я,
Вдруг ослепленный вихрем золота,
Упал в провалы бытия.

С победным хохотом, товарища,
Лемуры встретили меня —
На пепле старого пожарища,
В дыму последнего огня.

«Ты — наш! — вскричали в дикой нежности, —
Ты наш! и в безднах вечно будь!
Свободный дух предай мятежности,
Тропы лазурные забудь!»

И мне от жгучей боли весело,
И мне желанен мой костер,
И небо черный полог свесило

На мой полуослепший взор.

17 ноября 1904

В застенке

Кто нас двух, душой враждебных,
Сблизить к общей цели мог?
Кто заклатьем слов волшебных
Нас воззвал от двух дорог?

Кто над пропастью опасной
Дал нам взор во взор взглянуть?
Кто связал нас мукой страстной?
Кто нас бросил – грудь на грудь?

Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоем обречены:
Были чужды наши дали,
Были разны наши сны!

Долго, с трепетом испуга,
Уклонив глаза свои,
Отрекались друг от друга
Мы пред ликом Судии.

Он же, мудрый, он же, строгий,
Осудил, не облича.
Нас смутил глухой тревогой
Смех внезапный палача.

В диком вихре – кто мы? что мы?
Листья, взвитые с земли!
Сны восторга и истомы
Нас, как уголья, прожгли.

Здесь, упав в бессильной дрожи,
В блеске молний и в грозе,
Где же мы: на страстном ложе
Иль на смертном колесе?

Сораспята на муку,
Давний враг мой и сестра!
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен! Спеши! Пора!

10 – 11 декабря 1904

Видение крыльев

Связанные взглядом,
Над открытой бездной
Наклонились мы,
Рядом! рядом! рядом!
С дрожью бесполезной
Пред соблазном тьмы.

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути, —
Зная! зная! зная!
Что тесней объятья
Мы должны сплести!

Что твои усилия
Разорвать сплетенья
Наших рук и глаз!
Крылья! крылья! крылья! —
Яркое виденье
Ослепило нас.

Страшен и неведом,
Там Крылатый Кто-то
Озарен огнем.
Следом! следом! следом!
В чаяньи полета
Бросимся вдвоем!

4 – 5 ноября 1904

В трюме

Мы – двое, брошенные в трюм,
В оковах на полу простертые.
Едва доходит в глубь мертвые
Далеких волн неровный шум.

Прошли мы ужасы Суда,
И приговоры нам прочитаны,
И нас влечет корабль испытанный
Из мира жизни навсегда.

Зачем же ты, лицом упав
На доски жесткие, холодные,

Твердишь про области свободные,
Про воздух гор и запах трав!

Забудь о радостных путях,
Забудь благоуханья смольные,
Наш мир – недели подневольные,
Наш мир – молчанье, мрак и прах.

Но в миг, когда, раскрывши дверь,
Палач поманит нас десницею,
Останься пленною царицею,
Мне руку скованную вверь.

Мы выйдем с поднятым челом,
На мир вечерний взглянем с палубы,
И без упрёка и без жалобы
В челнок последний перейдем.

1905

Последний пир

Бледнеют тени. Из-за ставен
Рассвет бесстыдно кажет лик.
Над нами новый день бесправен,
Еще царит последний миг.

Гремит случайная телега
По тяжким камням мостовой.
Твое лицо белее снега,
Но строг и ясен облик твой.

Как стадо пьяное кентавров,
Спят гости безобразным сном.
Венки из роз, венки из лавров
Залиты – смятые – вином.

На шкуры барсов и медведей
Упали сонные рабы...
Пора помыслить о победе
Над темным гением Судьбы!

Ты подняла фиал фалерна
И бросила... Условный знак!
Моя душа осталась верной:
Зовешь меня – иду во мрак.

У нас под складками одежды,

Я знаю, ровен сердца стук...
Как нет ни страха, ни надежды -
Не будет ужаса и мук.

Два лезвия блеснут над ложем,
Как сонный вздох, провеет стон, —
И, падая, мы не встревожим
Кентавров пьяных тусклый сон.

1905

В склепе

Ты в гробнице распростерта в миртовом венце.
Я целую лунный отблеск на твоём лице.

Сквозь решетчатые окна виден круг луны.
В ясном небе, как над нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья, венчик влажных роз,
На твоих глазах, как жемчуг, капли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг серебрит,
Лунный свет обходит кругом мрамор старых плит.

Что ты видишь, что ты помнишь в непробудном сне?
Тени темные всё ниже клонятся ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через черный сад,
У дверей меня лемуры злобно сторожат.

Знаю, знаю, мне недолго быть вдвоем с тобой!
Лунный свет свершает мерно путь свой круговой.

Ты – недвижна, ты – прекрасна в миртовом венце.
Я целую свет небесный на твоём лице!

1905

Два голоса

Первый

Где ты? где ты, милый?
Наклонись ко мне.
Призрак темнокрылый
Мне грозил во сне.

Я была безвольна
В сумраке без дня...
Сердце билось больно...

Другой

Кто зовет меня?

Первый

Ты зачем далеко?
Темный воздух пуст.
Губы одиноко
Ищут милых уст.
Почему на ложе
Нет тебя со мной?
Где ты? кто ты? кто же?

Другой

В склепе я – с тобой!

Первый

Саваном одеты
Руки, плечи, – прочь!
Милый, светлый, где ты?
Нас венчает ночь.
Жажду повторять я
Милые слова.
Где ж твои объятья?

Другой

Разве ты жива?

Первый

И сквозь тьму немую
Вижу – близко ты.
Наклонясь, целую
Милые черты.
Иль во тьме забыл ты
Про любовь свою?
Любишь, как любил ты?

Другой

Понял. Мы – в раю.

1905

Из ада изведенные

Астарта! Астарта! и ты посмеялась,
В аду нас отметила знаком своим,
И ужасы пыток забылись как малость,
И радость надежд расklubилась как дым.

Одно нам осталось – сближаться, сливаться,
Слипаться устами, как гроздьям висеть,
К святыням касаться рукой святотатца,
Вплетаться всем телом в Гефестову сеть.

Дай бледные руки, где язвы распяты!
Дай бедную грудь, где вонзалось копье!
Края плащаницы хочу целовать я,
Из гроба восставшее тело твое!

Царица желаний, изведшая души
Из бездны Иркаллы на пламенный свет!
Тебе, необорной, мы детски послушны:
И ложе – как храм, и любовь – как обет!

Астарте небесной, предвестнице утра,
Над нами сияющей ночью и днем,
Я – жрец темноглазый, с сестрой темнокудрой,
И ночью и днем воспеваю псалом.

28 – 30 июля 1905

Антоновка

Маргерит

Ты – как камень самоцветный,
Ты – как жемчуг маргерит:
Тайный пламень, чуть заметный,
В глубине его горит.

Я – как уголь: жгучим горном
Переженный, я погас, —
Но таится в угле черном
Ослепительный алмаз.

Года круг велик и долог,
В круге целый мир сокрыт:

И включил священный Пролог
Книгу тайны – Маргерит.

Книгу ль тайн не облечете
В пышный бархат и атлас?
Пусть блестит на переплете
В ясном золоте алмаз!

Выпал жребий предрешенный:
Уголь – я, ты – маргерит.
Но мой лик преображенный
Пред твоей душой горит!

1905

Мгновения

Но есть сильнее очарованье...
Ф. Тютчев

* * *

Костра расторгнутая сила
Двух тел сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Последних углей красноту.

И опаленны и бессильны
В объятьях тщетно мы дрожим:
Былое пламя – прах могильный,
Над нами расточенный дым.

Но знаю, искра тлеет где-то,
Как феникс воскресает страсть, —
И в новый вихрь огня и света
Нам будет сладостно упасть!

23 марта 1904

* * *

Серафимов вереницы
Наше ложе окружили.
Веют в пламенные лица
Тихим холодом воскрылий.

Серафимы полукругом
Наклонились к изголовью;
Внемлем с радостным испугом
Неземному славословью.

Реют лики светлым дымом,
И крылами гасят свечи,
И кропят дождем незримым
Наши огненные плечи.

1905

* * *

Когда мы бывали
Томительно сцеплены
(Губы, и руки,
И груди, и плечи),
Изнемогая
В сладостной муке, —
Кем-то затеплены,
Строгие свечи —
Отсветы рая —
В небе мерцали
Перед иконами,
Ангелы пели
Гимны хвалений
За небосклонами,
И нежились тени,
Как в девичей постели,
Над полями зелеными.

1905

* * *

Дай устам моим приникнуть
К влажно дышащим устам,
Чтоб в молчаньи мог возникнуть
Мой заветный, тайный храм.

Снова сходы, переходы,
Лестниц узкие винты,
В полутьме лепечут воды,
Веют пряные цветы.

Дальше! дальше! в те покои,
Где во мраке слепнет взор.
Чу! как пенье неземное,
Вдалеке девичий хор.

Девы! девы! громче киньте
Через сумрак вещей зов!
Я теряюсь в лабиринте
Переходов и шагов.

Жажду света, жажду встречи
Пред огнями алтаря.

Вот вдали мелькнули свечи,
Словно ранняя заря.

Тороплюсь, спешу к подножью
Царских врат... упал, немой...
С легким стоном, с тихой дрожью
Ты поникла надо мной.

1905

Из песен Мальдуна

Верные челны, причальте
К этим унылым теснинам.
Здесь, на холодном базальте,
Черную ночь провести нам!

Ах! вам все снятся магнолий
Купы над синим заливом, —
Время блаженной неволи,
Жизнь в упоеньи ленивом.

Ах! вам все помнятся, братья,
Очи подруг долгожданных,
Их огневые объятья,
Тайны ночей бездыханных!

Полно! изведано счастье!
Кубок пустой опрокинут.
Слаще, чем дрожь сладострастья,
Вольные волны нас ринут.

Кормы, качаясь на влаге,
Манят нас к Новому Свету,
Мы по природе – бродяги,
Мы – моряки по обету!

Спите же сном беззаботным,
Здесь, где я посох свой бросил:
Завтра, чуть утро блеснет нам,
Снова мы сядем у весел!

10 – 12 июля 1905

Прощание

Вот и ты, печальная, отчалила

От моих безмолвных берегов.
Солнце бледный твой венок ужалило,
Солнце воды окропило золотом,
Дали синие – перед тобой как зов.

Я один теперь под сводом каменным,
Я один среди померкших скал.
Что ж! Пойду в пещеру к верным молотам,
Их взносить над горном жгуче-пламенным,
Опускать их па пылающий металл.

Гулок стук. Со мной лишь гномы пленные,
Злобные пособники мои,
Да мои видения мгновенные,
Да в мечтах последних – волны пенные,
Рассеченные движением ладьи.

12 апреля 1904

Повседневность

*Бродя по думам и влачась по дням.
Tertia Vigilia*

Встреча

*Ô toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!
Ch. Baudelaire («A une passante»)¹⁸*

О, эти встречи мимолетные
На гулких улицах столиц!
О, эти взоры безотчетные,
Беседа беглая ресниц!

На зыби яростной мгновенного
Мы двое – у одной черты;
Безмолвный крик желанья пленного:
«Ты кто, скажи?» – Ответ: «Кто ты?»

И взором прошлое рассказано,⁷
И брошен зов ей: «Будь моей!»
И вот она обетом связана...
Но миг прошел, и мы не с ней.

Далеко, там, в толпе, скользит она,
Уже с другим ее мечта...
Но разве страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!

29 сентября 1904

На улице

На людной улице, безумной и мятежной,
Мы встретились на миг.
Знакомый взор с какой-то грустью нежной
В меня проник.

И мы вдвоем над зеркалом покатым
Дрожали не дыша.
В нем отражалась призраком крылатым
Твоя душа.

¹⁸ О ты, которую я мог бы полюбить, о ты, которая это знала! Ш. Бодлер, «Прошедшей мимо» (фр.).

А я бескрылой, падающей тенью
Был рядом повторен.
Как будто звал к последнему паденью
Отвесный склон.

И я ступил ногой за край открытый...
Но мимо ты прошла,
И встретил шаг лишь каменные плиты
Взамен стекла.

11 января 1904

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.